

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Владимирский государственный университет

В.В. ГУЛЯЕВА

**Учебное пособие
по дисциплине
«Источниковедение»
(Русь IX – XVII вв.)**

Владимир 2007

УДК 93
ББК 63.3(2)4
Г94

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории
Владимирского государственного педагогического университета

Г.П. Аннин

Кандидат исторических наук, доцент
Владимирского государственного педагогического университета

Н.В. Киприянова

Печатается по решению редакционного совета
Владимирского государственного университета

Гуляева, В.В.

Г94 Учебное пособие по дисциплине «Источниковедение» (Русь IX – XVII вв.) / В. В. Гуляева ; Владим. гос. ун-т. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2007. – 228 с. – ISBN 5-89368-742-6.

Состоит из двух разделов. Первый включает в себя отечественные источники, начиная с летописей и заканчивая законодательными источниками и актами. Второй состоит из античных, византийских, восточных, западноевропейских, скандинавских источников, которые в совокупности с отечественными позволяют рассматривать самые актуальные вопросы отечественной истории и проливают дополнительный свет на историю нашего государства, помогают воссоздать целостную картину его развития.

Предназначено для студентов всех форм обучения специальностей 030401 – история, 031401 – культурология, 031502 – музеология, изучающих дисциплину «Источниковедение».

Ил. 4. Библиогр.: 330 назв.

ISBN 5-89368-742-6

УДК 93
ББК 63.3(2)4

© Владимирский государственный
университет, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит основой для научного познания, – исторический источник.

Источниковедческая подготовка – необходимое условие профессиональной деятельности историка. По этой специальной дисциплине издан ряд учебников и учебных пособий. Среди них прежде всего учебник «Источниковедение истории СССР» под редакцией И. Д. Ковальченко (изд. 2-е. М., 1981) и Сборники документов для практических занятий по источниковедению истории СССР (вып. 1 – 4. М., 1980 – 1987).

До сих пор не утратили своего значения специальные учебные пособия: М. Н. Тихомиров. «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1962); «Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в.» (под ред. И. А. Федосова. М., 1970); М. Н. Черноморский «Источниковедение истории СССР (советский период)» (изд. 2-е. М., 1976); В. Л. Янин «Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород» (М., 1977).

Из изданий последнего времени интерес представляют: сборник историографических статей «Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории» (под ред. А. К. Соколова. М., 1994); сборник лекционных курсов преподавателей РГГУ И. Н. Данилевского, В. В. Кабанова, О. М. Медушевской, М. Ф. Румянцевой «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» (М., 1998); программа учебного курса «Источниковедение отечественной истории» преподавателей кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова С. В. Воронковой и Т. А. Кругловой в книге «Программы дисциплин специализации по отечественной истории» (под ред. А. Г. Голикова); труды исторического факультета МГУ (под ред. С. П. Карпова. Вып. 14. Серия III. INSTRUMENTA STUDIORUM. М., 2000).

Раздел I. Отечественное
источниковедение Руси
(IX – XVII вв.)

Тема 1. ЛЕТОПИСИ

Потребность людей сохранить для потомков информацию о выдающихся современниках и необычных событиях, свидетелями которых они были, зародилась в очень глубокой древности. В дописьменный период такая информация передавалась от поколения к поколению в виде преданий о родоначальниках, героях, победах в сражениях с врагами.

Образование Древнерусского государства и принятие Русью христианства изменили содержание информации, которая передавалась потомкам. Теперь создавались сказания о русских князьях и их деяниях, первых христианах и строительстве храмов, основании монастырей и так далее. С появлением письменности появились летописи.

Создание летописи являлось значительным государственным делом. Заказчиками летописных текстов могли быть князья и церковные иерархи. Центры, в которых велись сначала летописные записи, охватывавшие короткий период, а затем создавались крупные летописные сочинения, располагались на княжеских дворах, епископских и митрополичьих кафедрах, в приходских церквях, монастырях.

Для летописного сочинения типична погодная запись, каждое известие (а их может быть от одного и более) которой имеет точную временную привязку – указание на число и месяц, иногда день недели, время суток и т.д.

Работа летописца Многие летописи охватывают события, совершившиеся на продолжительном отрезке исторического времени: с библейских времен и на протяжении многих столетий отечественной истории. К примеру, Лаврентьевская летопись начинается с библейского рассказа о расселении народов после всемирного потопа и завершается рассказом о пожаре 1305 г. в городе Владимире. Естественно предположить, что ее погодные записи составлены авторами, принадлежавшими к разным поко-

лениям, а сама сохранившаяся летопись, включающая эти записи, представляет собой компиляцию ранее созданных по преимуществу летописных произведений. Поэтому поиск следов, использованных для компиляции летописных сочинений, – одна из важнейших источниковедческих задач.

Разновременные текстовые слои, гипотетически восстанавливаемые учеными как принадлежащие разным авторам, называются летописными сводами. Сводный характер русских летописей был открыт еще в первые десятилетия XIX в. П. М. Строевым (1798 – 1876). Выдающееся место в источниковедении летописания, в частности в разработке методики выявления летописных сводов и приложении ее к конкретным летописным текстам, занимают научные труды А. А. Шахматова (1864 – 1920).

История летописания – это история взаимоотношения сводов, следы которых обнаруживаются в поздних компиляциях. Заполняя лакуны, вызванные утратой в силу разных причин значительного количества летописей, летописные своды позволяют дать более полную картину русского летописания XI – XV вв.

В то же время методические подходы к восстановлению истории летописания XVI – XVII вв. не связаны, как правило, с выявлением предшествующих летописных сводов. Обращение исследователей к иным методикам изучения летописания этого периода объясняется тем, что в XVI в. приемы работы летописца над своим сочинением стали изменяться.

Летописец – человек, который создавал летописный текст. Мировоззрение летописца, как впрочем, и других людей средневековья, отличалось провиденциализмом. Это означало, что летописец рассматривал природу событий через призму религиозного сознания, признавая их первопричиной Бога и объясняя связь событий только действиями Бога. Такое представление о причинно-следственных связях явлений окружавшего реального мира определяло и своеобразие структуры погодных статей, носивших дискретный характер. В них летописец выносил на первый план хронологические связи событий, а не причинно-следственные, которые были предопределены, по мнению авторов записей, божественной волей.

Компилятивный характер летописей определил ключевое значение в источниковедении вопроса о работе их составителей.

Кроме крупномасштабных летописей, создавались и небольшие по охвату хронологии событий и территории произведения, которые условно называют Летописцами. Существование Летописцев предполагается учеными на различных этапах летописания, однако дошли до настоящего времени тексты, созданные в XVI – XVII вв. Например, Летописец Бельский фиксировал известия с 1598 г. до конца 60-х гг. XVII в., и его автор проявил интерес к событиям, происходившим в западных уездах, особенно в Бельском. Учитывая это географическое пристрастие автора, ученые и дали наименование тексту. В XVII в. был составлен «Летописец о Нижнем Новеграде в коих годах заложен, и при коем великом князе», содержащий подборку известий о Нижнем Новгороде и его земле.

Система наименований летописей Каждая сохранившаяся летопись имеет свое имя, которое призвано подчеркнуть индивидуальность летописного текста, поскольку среди летописей нет двух совершенно идентичных текстов. Система названий складывалась в науке постепенно на протяжении XVIII – XX вв.

Для наименования ряда летописных текстов сохранено их самоназвание. Например «Новый летописец» – это краткий вариант самоназвания летописи XVII в. «Книга, глаголемая Новый летописец». Если у летописи не было самоназвания, ей давали имя в связи с различными обстоятельствами. Часто летопись называли по месту ее находки и хранения. Так, Ипатьевская летопись (список XV в.) была найдена в Костромском Ипатьевском монастыре; Троицкая летопись (XIV в.) – в библиотеке духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры; Воскресенская летопись (XVI в.) – в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре и т.д. Для названия других летописей использовались имена некоторых их бывших владельцев: в XVII в. Радзивилловская летопись (список XV в.) принадлежала польско-литовским магнатам Радзивилам, а Симеоновская (конец XV в.) – книжному справщику Московского Печатного двора Никифору Симеонову, жившему в XVII в. В других названиях сохранились имена лиц, причастных к созданию летописей или их списков. По имени монаха Лаврентия, который «написал» летопись по повелению великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича в 1377 г., названа Лаврентьевская летопись. Летописный

сборник, составленный или переписанный Авраамкой в 1495 г. в Смоленске по повелению смоленского епископа, именуется Летописью Авраамки, упомянувшего себя в приписке к тексту. В названии летописи ее индивидуальность подчеркивалась её географической привязкой к территории, где текст создавался. Если в регионе было создано много летописей, то им давали порядковые номера, которые должны были показывать последовательность возникновения летописей во времени. Такой принцип наименований использован для летописей, происходивших с Северо-Запада – новгородских, псковских: например, Новгородская первая (вторая, третья, четвертая, пятая) летопись и т. д. Однако порядковые номера не всегда отражают реальную хронологическую последовательность происхождения летописей. Так, Новгородская четвертая летопись датируется XV в. и представляет собой более раннее сочинение, нежели Новгородская вторая летопись, возникшая в XVI в. Неточность в нумерации объясняется тем, что в XIX в., когда давались наименования, еще не все летописи были обнаружены, изучены и включены в систему сохранившихся и реконструируемых летописных текстов.

Разнообразные собственные имена получают не только дошедшие до нашего времени летописи, но и гипотетические летописные своды. Приведем некоторые из таких наименований: «Повесть временных лет» (начало XII в.), Новгородско-Софийский свод (1448 г.), Московский летописный великокняжеский свод 1479 г. и т. д.

В истории русского летописания принято выделять три этапа: летописание Киевской Руси, летописание периода феодальной раздробленности, летописание единого Российского государства. На каждом из этих этапов летописание имело свои особенности, отразившиеся в форме и содержании исторического источника, способах его создания, политической направленности.

Летописание периода Киевской Руси (X – начало XII в.) Эволюция русских летописей

Особенностью этого периода летописания можно считать становление погодной сетки летописного повествования. Мы не знаем, какую форму имели самые первые летописные тексты. Начало традиции записывать события под конкретными абсолютными датами исследователи относят к 70-м гг. XI в. и связывают ее с летописной деятельностью Киево-Печерского игу-

мена Никона. Сама идея погодных статей могла возникнуть под влиянием календарных таблиц, которые встречаются в богослужебных книгах.

В то же время была и другая система записи событий. В ней датировка была основана на относительной временной шкале, иначе говоря, новые события датировались относительно уже совершившихся: «по мнозех же времянех...», «по сих же летех...», «по двою же лету...».

Пример такой датировки – Галицко-Волынский свод XIII в., находящийся в составе Ипатьевской Летописи (XV в.).

Сложным для разрешения предстает вопрос об исходной точке древнерусского летописания, его первоначальном содержании и форме. Ряд дореволюционных исследователей считали Нестора первым русским летописцем и созданную им в 1113 г. «Повесть временных лет» признавали первым летописным сочинением. Однако в отечественной историографии истоки летописного дела на Руси постепенно отодвигались все глубже во времени. Проведя анализ многих летописей, Шахматов предположил, что первый русский летописный текст возник около 1039 г. в Киеве при только что открывшейся русской митрополичьей кафедре. Этот гипотетический текст ученый назвал Древнейшим летописным сводом.

Позднее ряд советских исследователей, опираясь на данные различных письменных источников, предположили начало летописания в конце IX в. Так, исходной точкой русского летописания Л. В. Черепнин (1905 – 1977) называл 996 г., когда по случаю выдачи Владимиром Святославичем десятины Киевской церкви была составлена летопись. По мнению историка, она включала повести о полянах-русах. Для реконструкции свода 996 г. Черепнин использовал «Память и похвалу князю Владимиру» монаха Киево-Печерского монастыря Иакова.

В период существования Древнерусского государства летописание велось в самых крупных городах – Киеве и Новгороде.

По сохранившимся поздним летописям наиболее полно восстанавливается киевское летописание, которое не ограничивалось киевскими событиями и регистрировало многие события, происходившие на всей территории тогдашнего государства. Таким образом, киевское летописание XI – начала XII в. можно определить как общерусское.

Крупнейшим летописным сочинением, созданным в период Киевской Руси, является «Повесть временных лет». Самоназвание летописи – «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда руская земля стала есть». В таком варианте оно приведено в начале Лаврентьевской и близких к ней Троицкой, Радзивиловской и Московской Академической летописях.

Летописание периода

феодалной раздробленности
(30-е гг. XII – конец XV в.)

На данном этапе отличительной чертой летописания было расширение его географии. Кроме Киева и Новгорода, новые летописные центры возникли в Чернигове, Переяславле Южном и Переяславле Суздальском, Владимире и Галиче Южном, Владимире на Северо-Востоке, Твери, Москве, Смоленске, Пскове и т.д. Здесь создавались разнообразные по форме и содержанию сочинения. Помимо крупных летописных произведений, охватывавших события от библейских времен до времени жизни летописца, стали часто создаваться родовые и личные княжеские Летописцы, где объектом внимания был ограниченный круг лиц и событий. Следы подобных Летописцев обнаружены исследователями во многих поздних летописях. В условиях феодалной раздробленности содержание создаваемых летописей отличалось, как правило, узкоместным характером.

Киевское летописание

Киевское летописание продолжалось на протяжении XII в. Оно отразилось в Ипатьевской летописи, в начальной части которой читается «Повесть временных лет» в третьей редакции. Далее летописание Киевского княжества отражено в этой летописи вплоть до 1200 г. Этим годом датируется летописный свод, составленный в киевском Выдубицком монастыре игуменом Моисеем. Последняя погодная статья свода содержит похвалу великому киевскому князю Рюрику Ростиславичу за строительство каменной стены вокруг монастыря.

При написании своего труда игумен Моисей использовал многие летописные сочинения, происходившие из разных княжеств и следы которых сохраняются в киевском своде 1200 г. Так, начиная с 40-х гг. XII в. в тексте киевской летописи есть вкрапления Галицко-Волынского свода. Источником свода 1200 г. был также Летопи-

сец князя Владимира Глебовича, сидевшего в Переяславле Южном. Текст Летописца заканчивался, по мнению ученых, рассказом о смерти этого князя в 1187 г. Этот текст был использован также в летописании Северо-Восточной Руси в XII в. Еще одним источником киевского свода был Черниговский Летописец, завершившийся известиями о смерти в 1198 г. черниговского князя Ярослава Всеволодовича и вступлении на черниговский стол Игоря Святославича. Он являлся семейным Летописцем Святославичей, начало которому положено еще в 40-х гг. XII в.

Среди источников свода игумена Моисея были и киевские летописи. К числу летописцев-киевлян середины XII в. относят боярина Петра Бориславича. Ему приписывается создание летописи, отражавшей деятельность потомков старшего сына Владимира Мономаха – Мстислава: великих киевских князей Изяслава Мстиславича, его сына Мстислава Изяславича и внука Рюрика Ростиславича. Следы этой сильно переработанной впоследствии летописи отмечаются исследователями в ряде погодных записей 1140 – 1150-х гг. Ипатьевской летописи. Еще одним киевским источником была семейная хроника Ростиславичей, одним из составителей которой был сам игумен Моисей. Она включала известия о Рюрике и его семье, некрологи братьям Святославу, Мстиславу, Роману, Давыду.

Новгородское летописание Летописание Новгородской феодальной рес-

публики сохранилось в большом числе летописей: Новгородской первой, второй, третьей, четвертой, пятой летописях, Софийской летописи. Самая ранняя, дошедшая до нас летопись, созданная в Новгороде, – Новгородская первая летопись старшего извода. Сегодня она представлена единственным списком – Синодальным. Этот пергаменный список новгородской летописи является древнейшим и в корпусе всех дошедших до настоящего времени списков русских летописей. Ту часть Синодального списка, которая завершается погодной записью 1234 г, по палеографическим приметам исследователи относят к XIII в. К сожалению, эта древнейшая летопись дефектна. Утрачены первые шестнадцать тетрадей рукописи, поэтому текст летописи начинается с 1016 г. Отсутствует еще одна тетрадь с событиями 1273 – 1299 гг. Другая часть Синодального списка датируется второй четвертью XIV в. В ней изложение событий доведено до 1330-х гг., хотя имеются дополнения до середины XIV в., сделанные разными почерками.

К Синодальному списку близка Новгородская первая летопись младшего извода, текст которой продолжен до 40-х гг. XV в. Эта редакция представлена двумя основными списками. Академический список имеет точную дату его написания – 1444 г. (Последняя летописная погодная статья – 1443 г.). Комиссионный список был создан в середине XV в., его основной текст доведен до 1439 г., а продолжение до 1446 г. включительно написано на другой бумаге и другим почерком.

Изучение этих и других летописей показывает, что в Новгороде летописание велось в различных центрах: при посадниках, епископской кафедре, монастырях, уличанских церквях. Хотя не все этапы истории новгородского летописания восстанавливаются, нельзя не обратить внимание на большое число летописных центров, существовавших в одном городе.

Истоки новгородского летописания принято возводить к середине XI в. Шахматов реконструировал текст новгородского летописного свода 1050 г. Рыбаков внес поправку в шахматовские построения и определил 1060 г. как начало летописания в Новгороде. Это раннее летописание Рыбаков характеризует как посадническое, в частности, отражающее интересы новгородского посадника Остромира.

Следующий этап новгородского летописания, определяемый учеными, связан с деятельностью сына Владимира Мономаха князя Всеволода, княжившего в Новгороде с 1118 по 1136 гг. Он стал инициатором летописного свода, в котором соединились местная летопись, погодные записи которой составлялись еще в XI в., и «Повесть временных лет», созданная в Киеве при Владимире Мономахе. Работа над новой новгородской летописью могла идти между 1119 и 1136 гг.

После событий 1136 г., когда Всеволод был изгнан новгородцами и в городе изменилось соотношение власти князя и епископа, новая политическая ситуация повлияла на характер местного летописания. Под руководством новгородского епископа Нифонта создан летописный свод, который предположительно датируется 1136 г. К работе над пересмотром свода князя Всеволода и составлением нового свода был привлечен диакон и domestik Антониева монастыря Кирик, один из приближенных Нифонта.

Важнейшее звено новгородского епископского летописания обнаруживается при анализе двух летописей, созданных в XV в., – Новгородской четвертой летописи и Софийской первой летописи. Их внимательное изучение начал Шахматов.

Сопоставление свода 1448 г. с Новгородской первой летописью младшего извода восстановило еще один новгородский свод, лежавший в основе свода 1448 г. Этот свод, названный Шахматовым Софийским временником, был доведен до 1421 г. Его составителем, по Шахматову, был Матвей Михайлов «включивший в текст» известия из своей жизни.

В памятнике летописания XVI в. – Новгородской второй летописи – обнаруживаются свидетельства о летописании в Новгородском Лисицком монастыре. Новгородская вторая летопись представляет собой сокращенное извлечение из ряда разных новгородских летописей, в том числе Яйсицкого Летописца, о котором упомянуто в погодных статьях 1450 и 1572 гг.

Владими́ро-Сузда́льское летописание Некоторые летописные своды Северо-Восточной Руси реконструируются на основе сопоставления содержания четырех летописей – Радзивилловской, Московско-Академической и Лаврентьевской летописей, а так же Летописца Переяславля Суздальского.

Радзивилловская летопись представлена сегодня двумя списками. Основной список датируется концом XV в. Его содержание иллюстрируют более чем 600 миниатюр. Второй список был снят с этого иллюстрированного списка, принадлежавшего в XVII в. Радзивилам по поручению Петра I в городе Кенигсберге в начале XVIII в. Последняя погодная запись в летописи – статья о событиях 1206 г. – обрывается на полуслове. Конец летописи, скорее всего утрачен.

С Радзивилловской сходна с начала текста до 1206 г. Московско-Академическая летопись. В отличие от Радзивилловской летописи она имеет продолжение до 1419 г. После 1206 г. текст Московско-Академической летописи состоит из двух частей разного происхождения: с 1207 до 1238 гг. и с 1238 по 1419 гг. Примечательно, что последняя часть наиболее самостоятельна и не имеет близких совпадений с другими известными сегодня летописями. Здесь отразился, по-видимому, какой-то независимый от великокняжеского московского летописания свод, возможно, владычный ростовский свод.

Еще одним летописным сочинением, привлекаемым для реконструкции ранних этапов летописания на Северо-Востоке, является Летописец Переяславля Суздальского (XV в.). Самоназвание этого текста «Летописец русских царей». На хронологическом отрезке с 1138 по 1206 гг. изложение событий в Летописце сходно с повествованием Радзивиловской летописи. Главное отличие Летописца Переяславля Суздальского от Радзивиловской и Московско-Академической летописей в том, что его текст имеет продолжение до 1214 г. включительно.

Сопоставление между собой всех перечисленных летописей привело Шахматова к заключению, что в их основе был переяславский свод 1214 г., к которому, возможно, восходят и иллюстрации Радзивиловской летописи. В Радзивиловской и Московско-Академической летописях окончание этого свода было утрачено.

Все названные летописи в начальной части включают киевский свод начала XII в. «Повесть временных лет» в редакции 1116 г. После него в летописях читаются только южнорусские известия, затем они перемежаются с северо-восточными известиями. Непрерывный поток северо-восточных известий начинается с 1157 г., южно-русские обрываются на 1175 г. В дальнейшем южно-русские события приведены только в погодных записях 1185, 1186 и 1188 гг., еще раз в 1199 и 1200 гг.

Для восстановления более ранних летописных сводов, созданных на Северо-Востоке Руси в период феодальной раздробленности, привлекается и Лаврентьевская летопись, последняя статья которой датируется 1305 г.

Сравнение, с одной стороны, Радзивиловской и Московско-Академической летописей, Летописца Переяславля Суздальского, а с другой, – Лаврентьевской летописи обнаруживает существенные расхождения между ними в освещении владими́ро-суздальских событий, начиная с 1157 г.

Эти различия свидетельствуют о том, что в основании Лаврентьевской и Радзивиловской летописей были разные летописные источники. Шахматов, а позднее и Приселков пришли к выводу, что в основе северо-восточных известий Лаврентьевской летописи лежал владимирский свод конца XII в., где текст не подвергался значительным переработкам. В основе же Радзивиловской летописи был

другой владимирский свод начала XIII в., прославлявший Всеволода Большое Гнездо и составленный при его сыновьях: Юрии – владимирском князе (1212 – 1216) и Ярославле – переяславском князе (1212 – 1236).

События с 1285 г. до 1305 г. принадлежат последнему своду, включенному в Лаврентьевскую летопись. Свод 1305 г. был охарактеризован Шахматовым как общерусский свод по составу известий и как возникший по инициативе митрополита Максима. Местом создания назывался перенесенный с 1300 г. во Владимир двор митрополита, который с этого времени начинает титуловаться митрополитом всея Руси. Дальнейшие исследования Лаврентьевской летописи и в особенности ее заключительной части позволили Приселкову высказать гипотезу о том, что свод 1305 г. был не митрополичьим сводом, а владимирской великокняжеской летописью, составленной по инициативе владими́ро-тверского князя Михаила Ярославича.

Московское летописание

Начало московского летописания восстанавливается на основе пергаменной Троицкой летописи начала XV в. Эта летопись, к сожалению, сгорела в огне московского пожара в 1812 г. Однако ко времени утраты она уже была введена в научный оборот. Тщательно изучал известия летописи Н. М. Карамзин, сделавший многочисленные и обширные выписки из её текста и позднее опубликовавший их в примечаниях к «Истории государства Российского». Троицкая летопись была использована для выявления разночтений в Лаврентьевской летописи, публикация которой в начале XIX в. подготавливалась Обществом истории и древностей при Московском университете, но осталась незавершенной. Выписки Карамзина, а также результаты сопоставления текстов Лаврентьевской и Троицкой летописей до 906 г. позволили установить сходство Троицкой с рядом других сохранившихся летописей – Рогожского Летописца первой половины XV в., Симеоновской летописи конца XV в. Извлечения из Троицкой летописи были использованы Приселковым для реконструкции ее текста.

Следующие этапы московского великокняжеского летописания представлены рядом сводов конца XV в. (90-е гг.) и начала XVI в.

Во второй половине XV в. велось и общерусское летописание, независимое от летописания великого московского князя. В настоящее время оно представлено лишь небольшими фрагментами,

поскольку было поглощено летописанием великокняжеским. Так, в Ермолинской летописи (XV в.), в так называемых Сокращенных сводах конца XV в., частично – в Устюжской летописи (начало XVI в.) просматривается независимый свод начала 70-х гг. XV в. Он возник, скорее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре. О месте создания этого свода говорят особый интерес его составителя к бывшему кирилло-белозерскому игумену Трифону и опальному боярину Басенку, сосланному в 1473 г. в Кириллов монастырь, а также некоторые совпадения с краткими кирилло-белозерскими летописцами.

Еще один независимый неофициальный свод был создан в 80-х гг. XV в., возможно, при ростовской архиепископской кафедре. Этот ростовский свод обнаруживается в Типографской летописи (конец XV – начало XVI в.). Часть Типографской летописи включает в себя много известий, связанных с Ростовом и Ростовской епархией: сообщает о смене ростовских архиепископов, рассказывает о столкновении ростовского архиепископа Вассиана Рыло с митрополитом Геронтием. Оценку современных событий, независимую от великокняжеского летописания, автор свода демонстрирует, например, при описании репрессий при Иване III во вновь присоединенных Новгороде и Твери.

В 90-х гг. XV в. независимое общерусское летописание прекратило свое существование. Впоследствии в Новгороде, Пскове, Вологде, возможно, в Твери, Ростове, Устюге и других местах продолжали попадаться своды, но это были лишь местные варианты официального общерусского летописания или сугубо провинциальные летописи, питавшиеся столичными и местными слухами.

Летописание Русского централизованного государства (XVI – XVII вв.)

В период существования единого Русского централизованного государства летописание претерпело определенные изменения. Они были обусловлены, в первую очередь, политическими факторами, среди которых главным стало установление в России самодержавия. В поддержку новой политической системы рождалась новая официальная идеология, отраженная во многих исторических и литературных сочинениях как светских, так и церковных авторов.

Политическая концепция XVI в. рассматривала Русское государство законным преемником Византийской империи. Интерес к

всемирной истории и необходимость вписать русскую историю в мировую породили новый для России тип исторического сочинения – хронограф.

Однако первые русские компиляции типа хронографа возникли только в XVI в. В них история России рассматривалась как заключительный этап истории крупнейших мировых монархий. В течение XVI – XVII вв. в России было создано несколько редакций Русского хронографа. Древнейшая из них – так называемая редакция 1512 г., состоящая из 208 глав. На ее основе позднее были созданы и другие редакции, получившие широкое распространение.

Хронограф отличался от летописи структурой и содержанием. В начале хронографического сочинения помещалось оглавление с указанием нумерованных глав и их названиями. Летописи предыдущего периода не могли иметь такого раздела. В хронографе иной была структура расположения материала. Текст хронографа структурировался по главам, внутри которых после заглавия помещался текст о событиях всеобщей истории, далее – после своего заглавия – о русских событиях. Например, в оглавлении хронографа редакции 1512 г. состав одной из глав передан так: «Глава 205. Царство греческое кир Калуюна. В той же главе и великое княжение Русское и о князе Дмитрие Юрьевиче Красном»¹. Сам же текст главы разбит на три части со своими подзаголовками: «Царство греческое», «Великое княжение Русское», «О князе Дмитрие Юрьевиче Красном». Хотя внутри подразделов еще сохранялась летописная форма изложения, ведущим признаком объединения погодных записей в хронографе, как видим, стала тема повествования.

Русская церковь дала обоснование самодержавия в так называемой Степенной книге. Полное название этого анонимного сочинения, созданного в 1563 г., – «Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от Бога, яко райская древеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же благодатию возрастаеми, и божественною славою осияваеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъ-верх и многочадным рождем, яко светлозрчными ветми разширя-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 22. СПб., 1911. С. 13.

ем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбранен к Богу восход утвердиша себе же и сущим по них». Оно красноречиво говорит о главной задаче автора сочинения (приписывается перу московского митрополита Афанасия) – показать постепенное восхождение русских государей к Богу, оправдать богоизбранность «скипетродержателей».

Летописцы XVI в. также внесли свой вклад в разработку и распространение новых политических идей. Особенно заметна в этом роль московских официальных летописей, носивших общерусский характер. Так же как и авторы литературных сочинений, летописцы XVI – XVII вв. более обстоятельно и подробно, чем раньше, рассказывали о деятельности и жизни великих князей (с 1547 г. царей).

Наращение повествовательности летописных текстов, превращение их в книги для чтения – еще одна из черт летописания XVI – XVII вв. Следствием повествовательности стал новый вариант летописного текста, целиком посвященного одному объекту внимания летописца.

При московской митрополичьей кафедре в конце 20-х гг. XVI в. был составлен крупнейший памятник русского летописания – Никоновская летопись. Свое название летопись получила по имени патриарха Никона, владельца одного из ее списков. Инициатором и редактором-составителем летописного сочинения был митрополит Даниил (1522 – 1539) – крупный писатель, церковный и политический деятель. Первоначальный текст летописи оканчивался 1520 г.

Сам текст Никоновской летописи представляет собой компиляцию очень многих исторических источников. Среди них известные сегодня летописи XV в. Симеоновская, Иоасафовская, Новгородская пятая, а также гипотетически восстанавливаемые своды – Тверской летописный свод конца XIV в., Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в., Московский свод 1518 г. Использованы литературные сочинения – повести, сказания, жития святых, а также архивные документы. Все эти материалы были подвергнуты литературной и идеологической обработке. Интересно, что Никоновская летопись содержит ряд уникальных известий, которые не встречаются ни в каких других летописных сочинениях.

К числу значительных московских официальных летописных произведений XVI в. относится Воскресенская летопись, названная так по списку, который был пожалован патриархом Никоном Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю. Летопись сохранилась в 13 списках середины XVI – начала XIX в., но среди них нет ни одного списка, который бы содержал весь текст летописи.

Воскресенская летопись имела несколько редакций. В композиционном оформлении Воскресенской летописи были новшества. Новым разделом текста летописи стал самостоятельный перечень глав с выделением в нем главных тем повествования, например: «Глава 63. В лето 7042 о преставлении великого князя Василиа Ивановича. И о поимании князя Юриа Ивановича. О звездахъ. Глава 64. Срублень бысть градъ Москва. И о побеге князя Семена Белского. И о поимании Глинского. И о приходе литовскихъ воеводъ подь Стародубь»². События одного года могли объединяться в одной главе или разбиваться на несколько глав. Таким образом, оформлением летописных записей летописец акцентировал внимание на самых важных для него сюжетах, нарушая при этом структурную и содержательную цельность своего летописного повествования.

Летописец начала царства – это самоназвание сочинения, которое повествует о событиях с 1533 по 1552 гг. и завершается описанием праздничных торжеств по случаю победы над Казанским ханством. Таким образом, содержание произведения охватывает время правления Ивана Васильевича IV и освещает внутреннюю и внешнюю политику, военные действия, городское строительство, дворцовые церемонии этого периода и т. д. Автором начальной редакции признают государственного деятеля, одного из руководителей русской политики середины XVI в. Алексея Федоровича Адашева.

Новизна заключается в том, что летопись имеет единственный объект повествования – царствование Ивана IV. Для создания этого сочинения были использованы новые категории источников. Одной из разновидностей источников этой официальной летописи стали делопроизводственные документы, например, память Ивана Грозного Михаилу Темрюковичу Черкасскому, пропускная грамота на проезд до Москвы полоцкого воеводы Станислава Довойны и полоцкого епископа Арсения.

² Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб., 1911. С. 6.

Лицевой летописный свод – самое крупное летописно-хронографическое сочинение средневековой Руси XVI в. Свое название произведение получило из-за миниатюр, которых в 10 томах насчитывается более 16 тыс. Сочинение распадается на две части: первые три тома, получившие в науке названия Хронографов, посвящены всемирной истории, а остальные (Голицынский и Лаптевский тома, два тома Древнего летописца, Шумиловский том, Синодальная летопись, Царственная книга) – русской истории, освещение которой начинается с 1114 г. и обрывается на 1567 г. (по-видимому, последней датой был 1568 г.).

Лицевой летописный свод создавался по инициативе Ивана Грозного в период с 1568 по 1576 г. в Александровской слободе. Работа над летописью не была завершена. Следы ее незавершенности просматриваются, например, в миниатюрах последнего тома свода (Царственной книге), которые выполнены лишь в чернильном очерке, но не раскрашены.

Центральным памятником позднего летописания является так называемый Новый летописец. Он возник в 30-е гг. XVII в. в официальных кругах, близких к патриарху Филарету, и обосновывал права Романовых на российский престол.

Текст сочинения включает в себя оглавление «Сказание главам Нового Летописца» и 422 главы. Новый летописец начинается с описания присоединения Сибири в конце царствования Ивана IV и доводится до 1630 г. От начала исторического повествования и до февраля 1599 г. встречается трафаретная погодная сетка. Далее в Новом летописце хронологической сетки нет. Она появляется вновь в последней части, где рассказывается о царствовании Михаила Федоровича.

Летописный свод 1652 г. составлялся между 1652 и 1658 гг. как сочинение официального патриаршего летописания в кругах, близких патриарху Никону. Свое название летопись получила по дате последней статьи, описывавшей перенесение мощей митрополита Филиппа II из Соловецкого монастыря в Москву и избрание патриархом новгородского митрополита Никона.

В Летописном своде 1652 г. признаки трансформации летописного жанра прослеживаются в хронологической неравномерности распределения исторической информации. Предполагая рассказать о событиях, начиная с библейских времен (разделение Ноем земли

между сыновьями и расселение в Восточной Европе «правнучей Иафетовых») до 1652 г., авторы почти половину сочинения посвятили описанию Смутного времени, рассказ о котором соединен с последней погодной записью несколькими статьями за 30 – 40-е гг. XVII в.

В последней четверти XVII в. фиксация событий в виде погодных записей продолжалась, но к этому времени само летописание утратило свое государственное значение. Особенностью летописного дела этого периода было расширение социального состава лиц, которые вели погодные записи прежде всего для себя и близкого окружения, «для памяти». Среди летописцев этого времени встречаются представители различных слоев общества: бояре, московские и городовые дворяне, монахи, священники, столичные и провинциальные приказные люди, посадские люди, стрельцы, казаки. Среди них есть и небольшое число крестьян. Расширение географии мест, где велись летописные записи, – еще одна примета летописания конца XVII в.

Библиографический список*

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.
2. Повесть временных лет. – изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1996.
3. Полное собрание русских летописей. – СПб.; М.; Л., 1846 – 1995. – Т. 1 – 41.
4. Приселков, М. Д. Троицкая летопись : Реконструкция текста / М. Д. Приселков. – М.; Л., 1950.
5. Алешковский, М. Х. О типологии текстов «Повести временных лет» / М. Х. Алешковский // Источниковедение отечественной истории : сб. ст. – М., 1976.
6. Амосов, А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного : Комплексное кодикологическое исследование / А. А. Амосов. – М., 1998.
7. Богданов, А. П. Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века / А. П. Богданов // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. – М., 1989.
8. Буганов, В. И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы) / В. И. Буганов. – М., 1975.

* Здесь и далее печатается в авторской редакции.

9. Бовина, В. Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания / В. Г. Бовина // Отечественная история. – 1992. – № 5.

10. Гиппиус, А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи / А. А. Гиппиус // Новгородский исторический сборник. – СПб., 1997.

11. Дворецкая, Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) / Н. А. Дворецкая. – Новосибирск, 1984.

12. Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII вв. / Б. М. Клосс. – М., 1980.

13. Лаврентьев, А. В. Списки и редакции Летописного свода 1652 года / А. В. Лаврентьев // Источниковедческие исследования по истории феодальной России : сб. ст. – М., 1981.

14. Левина, С. А. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение) / С. А. Левина // Труды Московского государственного историко-архивного института. – 1957. – Т. 10.

15. Лихачев, Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. / Д. С. Лихачев // Исследования по древнерусской литературе / Д. С. Лихачев. – Л., 1986.

16. Он же. Текстология : На материале русской литературы X – XVII веков / Д. С. Лихачев. – Л., 1983.

17. Лурье, Я. С. Общерусские летописи XIV – XV вв. / Я. С. Лурье. – Л., 1976.

18. Он же. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей / Я. С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). – Л., 1990. – Т. 44.

19. Милов, Л. В. Кто был автором «Повести временных лет»? / Л. В. Милов // От Нестора до Фонвизина : Новые методы определения авторства. – М., 1994.

20. Морозов, В. В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюции концепции) / В. В. Морозов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). – Л., 1990. – Т. 44.

21. Приселков, М. Д. История русского летописания XI – XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб., 1996.

22. Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). – Л., 1987; Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). – Л., 1988 – 1989; Вып. 3 (XVII в.). – СПб., 1992 – 1998.
23. Рыбаков, Б. А. Остромирова летопись / Б. А. Рыбаков // Из истории культуры Древней Руси : Исследования и заметки / Б. А. Рыбаков. – М., 1984.
24. Он же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – М., 1972.
25. Солодкин, Я. Г. История позднего русского летописания : учеб. пособие / Я. Г. Солодкин. – М., 1997.
26. Творогов, О. В. Древнерусские хронографы / О. В. Творогов. – Л., 1975.
27. Тихомиров, М. Н. Начало русской историографии / М. Н. Тихомиров // Русское летописание / М. Н. Тихомиров. – М., 1979.
28. Черепнин, Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды / Л. В. Черепнин // Исторические записки. – М., 1948. – Т. 25.
29. Он же. Спорные вопросы изучения начальной летописи в 50 – 70-х годах / Л. В. Черепнин // История СССР. – 1972. – № 4.
30. Шахматов, А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. / А. А. Шахматов. – М.; Л., 1938.
31. Он же. «Повесть временных лет» и ее источники / А. А. Шахматов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). – Л., 1940. – Т. 4.

Тема 2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Законодательные источники Киевской Руси (XI – начало XII в.) Кодекс раннефеодальной монархии – Русская Правда. Термин «правда», широко отмеченный в древнерусских письменных источниках, означал правовые нормы, на основании которых вершился суд. Отсюда родились такие выражения, как «судить в правду», «судить право», т.е. судить в соответствии с судебно-процессуальными нормами своего времени.

Источниками кодификации в Русской Правде были нормы обычного права и княжеская судебная практика. Этот первый письменный закон представлен в настоящее время многими списками, которые на основе различных чтений разделяются на несколько групп, соответствующих его редакциям.

Самая ранняя редакция получила наименование краткой. Ее текст дошел до нашего времени в двух списках Новгородской первой летописи младшего извода – Академическом и Археографическом. В летописи под датой 1016 г. сказано о том, что князь Ярослав Мудрый пожаловал новгородцам «Правду и уставу списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, якоже списав вам, тако же держите». После этих слов помещен текст Правды: «А се есть Правда Руская: Убить муж мужа...». По мнению ученых, в состав краткой Правды входят 43 статьи.

Состав краткой редакции Русской Правды оформлялся постепенно. В разное время в единый текст были объединены четыре самостоятельные части: Правда Ярослава, или Древнейшая Правда (ст. 1 – 18), Правда Ярославичей (ст. 19 – 26), Покон (Устав) вирный (ст. 42), Урок мостникам (ст. 43).

Древнейшая Правда содержит и архаичные нормы права, которые в XI – XII вв. отмирали или трансформировались, превращаясь в нормы классового общества, и нормы, возникшие только в этом обществе. Время возникновения самой древней части краткой редакции Русской Правды многие ученые определяют 1016 г.

После смерти князя Ярослава Владимировича Древнейшая Правда была дополнена новым сводом статей, получившим название Правды Ярославичей и составленным, по мнению большинства исследователей, в 70-х гг. XI в. На протяжении последней четверти XI в. она пополнялась новыми статьями (27 – 41).

Покон вирный – третья составная часть краткой редакции Правды. Он определял порядок кормления вирника – княжеского слуги, собиравшего виру (вира – денежный штраф в пользу князя за убийство свободного человека).

Урок (прадило, плата, налог, судебная пошлина) мостникам также касается порядка оплаты княжеских услуг. В науке дискутируются вопросы о месте и времени создания этой статьи. Юшков называет Урок постникам новгородским памятником. Тихомиров – киевским. Большинство исследователей время появления обоих текстов связывают со временем правления Ярослава и датируют их 1020 – 1030 гг.

Кроме краткой, существует пространная редакция Русской Правды. Редакция представлена более чем в 100 списках. Широкое распространение списков этой редакции объясняется восстановлением законодательных документов, потерявших силу в первый период татаро-монгольского ига на Руси. Возникновение этой редакции свидетельствовало о переработке Правды, проводившейся в XIV и XV вв. в соответствии с изменениями в социально-политической и экономической жизни.

Еще одним источником пространной редакции Русской Правды был Устав киевского князя Владимира Мономаха. Об этом в княжеском законе говорит ст. 53-я пространной Правды: «Устав Володимерь Всеволодича. Володимёр Всеволодичъ по Святополце созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора киевского тысячьского, Прокопью белгородского тысячьского, Станислава переяславского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа и уставили до третьяго реза, оже емлетъ в треть куны; аже кто

возьмет два реза, то ему взяти исто; паки ли возьмет три резы, то иста ему не взяти». Данный Устав определял размеры процентов, взимавшихся по договорным займам. Статья интересна описанием того, как проходило принятие закона. Среди лиц, участвовавших в совещании в Берестове, были высшие городские чиновники. Время возникновения Устава определяется 1113 г., когда Киев и его сельская округа были охвачены восстанием против тысяцкого, сотских и ростовщиков.

Сопоставление статей обеих редакций показывает расширение сферы действия нового кодекса в соответствии с изменившимися условиями. Появляются новые объекты права: например, если в краткой редакции субъектами законодательства выступали княжеские слуги, то в пространной редакции есть статьи, которые защищали не только княжеских слуг, но и боярских.

Третья редакция Русской Правды получила наименование сокращенной. Она дошла до нас в двух списках XVII в., которые еще слабо изучены. Ряд исследователей считает ее памятником позднего происхождения, появившемся в результате сокращения пространной Правды. Тихомиров возводил текст пространной Правды к протографу возникшему во второй половине XII в.

Как уже указывалось, княжеское законодательство являлось одним из источников кодифицированного закона, каким являлась Русская Правда. Княжеское законодательство X – XV вв. оформлялось в виде уставных грамот, уставов.

Княжеская уставная грамота отражала прецедентный характер древнерусского законодательства. Она возникала в связи с конкретным случаем на определенной территории и в определенное время. Например, в уставной грамоте могли определяться повинности феодално-зависимого населения или закреплялись экономические и судебные интересы светски и церковной властей. Уставные грамоты приближались к документам договорного характера.

Особую группу составляют княжеские уставы, касавшиеся взаимоотношений светской и церковной властей и отражавшие земельные, финансовые и иные интересы государства и церкви. Они стали выдаваться церкви в период Киевского государства. Самый ранний устав – устав киевского князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Его наиболее ранние пласты

сегодня датируются второй половиной XII в. Устав определял место Церковной организации в государстве: источники ее материального обеспечения, юрисдикцию. Другой устав киевского князя Ярослава Владимировича о церковных судах датируется периодом между 1051 и 1054 гг. Тексты грамот, на основе которых создавались уставы, до нас не дошли.

Законодательные источники периода феодальной раздробленности (30-е гг. XII – конец XV в.)

В период феодальной раздробленности законодательство продолжало развиваться в форме уставных грамот и уставов, которые теперь выдавались местными князьями. Такую уставную грамоту, например, дал смоленский князь Ростислав Мстиславич церкви Богородицы, при которой была создана епископская кафедра. Эту грамоту принято датировать 1136 г., когда в Смоленске была учреждена епископская кафедра.

Сохранились уставные грамоты и уставы XIII в., отражавшие административную деятельность государственной власти в некоторых землях Руси. Среди них уставная грамота волынского князя Мстислава Даниловича (около 1289 г.), определившая размеры и формы феодальных повинностей с «берестьян» и горожан в пользу княжеской администрации. Она сохранилась в составе Ипатьевской летописи. Важное свидетельство существования у новгородской купеческой корпорации устава – «рукописание» князя Всеволода XIII в.

Оно регулировало отношения князя, епископа и города с церковью Иоанна на Петрятином дворе. «Рукописание» создано на основе ряда грамот, среди которых были документы XII в. О порядке надзора за благоустройством новгородских улиц трактовал Устав князя Ярослава о «мостех» (в 60-е гг. XIII в.).

В период феодальной раздробленности на территориях самостоятельных государственных образований возникали свои законодательные нормы, которые отвечали новой реальности, складывавшейся в каждом таком образовании.

Наиболее полным из дошедших законодательных памятников периода феодальной раздробленности является Псковская судная грамота.

Свод законов Псковской феодальной республики сохранился в двух списках XVI в. Так называемый Воронцовский список содержит ст. 1–120. Второй список (Синодальный) представляет собой фрагмент документа и содержит только ст. 109–120.

Самостоятельное псковское законодательство стало складываться с середины XIII в., начало ему положила грамота великого князя Александра Невского, упоминаемая в послании во Псков митрополита Киприана 12 мая 1395 г. В дальнейшем оно неоднократно дополнялось и редактировалось.

Значение Псковской судной грамоты для изучения законодательных источников заключается в том, что после Русской Правды это наиболее полный и разносторонний кодекс русского права. Кроме того, Псковская судная грамота раскрывает специфику общества вечевоего города-земли периода феодальной раздробленности.

Законодательные источники Русского централизованного государства (конец XV – XVII в.)

Начало формированию правовых основ Русского централизованного государства положила Белозерская уставная грамота наместничьего правления 1488 г. Этот законодательный документ открывает новую эпоху в истории русского законодательства. Уставные грамоты юридически оформляли вхождение какого-либо княжества или какой-либо земли в состав Московского государства и распространяли на эту территорию суверенитет московского князя. Для управления присоединенной территорией московские великие князья назначали наместника и волостелей, которым вручалась уставная грамота в качестве основного документа, определяющего их судебные и административные полномочия.

Наиболее древняя уставная грамота, дошедшая до нас, – Двинская уставная грамота 1397 или 1398 гг. Появилась она в тот период, когда на короткое время Двинская земля отошла от Новгорода и вошла в состав Московского княжества. Двинская уставная грамота стала результатом законодательной деятельности московских великих князей, обобщивших правовые нормы Московского государства. Кроме того, отмечается близость этой грамоты нормам Русской Правды в пространной редакции, а также новгородским и псковским нормативным актам периода феодальной республики.

По логическим признакам текст грамоты разбивается на преамбулу и 23 статьи, которые в свою очередь могут быть объединены в несколько тематических блоков: о наместниках и их людях; об общих правилах торговли и о торговых пошлинах; о судебных наказаниях и судебных пошлинах; о защите местного населения от произвола наместничьих людей; правила вызова белозерцев на суд в Москву.

Формирование русского законодательства шло от частного к общему, от решения конкретных вопросов к обобщениям в государственном масштабе. Именно в таком виде представляется связь Белозерской уставной грамоты с первым общерусским Судебником 1497 г.

Первым крупнейшим законодательным кодексом Русского централизованного государства конца XV в. является Судебник 1497 г. Его предназначение состояло в том, чтобы централизовать и унифицировать порядок судебно-административной деятельности на территории всего государства. Содержание первого общерусского Судебника посвящено вопросам судопроизводства по важнейшим делам и распределению судебных пошлин среди представителей центральной и местной администраций, отправлявших правосудие.

С 1817 г., когда Судебник 1497 г. был обнаружен П. М. Строевым, до настоящего времени текст кодекса представлен единственным списком. Заголовок источника передает самые общие сведения о порядке создания Судебника и его содержании: «Лета 7006-го месяца септември уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим».

Сопоставление текста Судебника 1497 г. с предшествующим законодательством выявило ряд параллелей между ними. Прежде всего в Судебнике просматривается влияние на него Русской Правды. Определенная близость законодательных норм обнаруживается в нескольких статьях: о несостоятельном должнике-купце (ст. 55 Судебника и ст. 54 пространной Правды); о наследовании (ст. 60 Судебника 1497 г. и ст. 91 пространной Правды); о межах (ст. 62 Судебника и ст. 72 пространной Правды); о холопах (ст. 66 Судебника и ст. 110 пространной Правды). Зависимость Судебника 1497 г. от пространной Русской Правды была и непосредственной, но в основном – опосредованной законодательными документами периода феодальной раздробленности. К числу таких памятников, которые сами использовали нормы Русской Правды, относится Псковская судная грамота.

В то же время составители Судебника пользовались новыми статьями уставных грамот наместнического правления (в первую очередь Двинской и Белозерской), Псковской и Новгородской судных грамот, а также «Указом наместником о суде городским» 1483 – 1484 гг., «Указом о езде», «Указом о неделычиках» (неде-

льщик – должностное лицо, в обязанности которого входили вызов в суд сторон, арест и пытка обвиняемых, передача в суд дел о воровстве, организация судебного поединка, исполнение решения суда). Источниками были также жалованные грамоты, грамоты отдельных княжеств и т.д.

Более трети статей Судебника 1497 г. обнаруживает следы переработки ранее созданных и известных в науке законодательных памятников и норм обычного права. Статьи, взятые из прежнего законодательства, перерабатывались с учетом изменений политических и социально-экономических условий. Примером такой переработки может служить ст. 8 «О татбе», источником которой считают ст. 10 Белозерской уставной грамоты.

Признаются результаты исследования Судебника Черепниным, который пришел к выводу, что активное участие в создании Судебника принимали бояре – князья Патрикеевы, Ряполовские, а также великокняжеские дьяки Долматов, Курицын и др.

Судебник 1550 г. регулировал судоустройство и судопроизводство. Царский Судебник, как его называют из-за того, что он был принят при великом князе Иване Васильевиче, венчавшемся на царство, отражал тенденции централизации управления и судопроизводства в государстве, намеченные в Судебнике 1497 г.

Условия, в которых создавался Судебник 1550 г., характеризуются становлением самодержавия и необходимостью дальнейшего укрепления централизованного государства.

В отличие от первого Судебника, дошедшего до нас в одном списке, Судебник 1550 г. сохранился более чем в 40 списках XVI – XVIII вв. В большинстве списков Судебник имеет следующий заголовок: «Лета 7000 пятьдесят осмаго июня ...царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям». Заголовок нового Судебника построен по схеме первого Судебника, но он более пространен в перечислении должностей, представлявших судебные инстанции в середине XVI в. Заголовок свидетельствует также о том, что законодательный документ был утвержден на заседании Боярской думы в июне месяце 1550 г. (точнее дату определить сложно, так как списки называют различные числа, от 1 до 24 июня).

Источники нового Судебника – статьи Судебника 1497 г., Двинской уставной грамоты, Псковской судной грамоты, Белозерской таможенной грамоты 1497 г., великокняжеской жалованной грамоты кормленщикам первой половины XVI в.

Законодатель уделил внимание поддержке того социального слоя, на который он опирался. Такой базой было служилое сословие, права которого заметно расширились.

В то же время в Судебнике 1550 г. 37 статей являются новыми. Период второй половины XI – первой половины XVII в. отличался значительным размахом законодательной деятельности, что было связано с процессом эволюции социального и политического строя России и постепенным переходом от сословно-представительной монархии к абсолютной.

Соборное Уложение 1649 г. отличалось от предшествующих Судебников широтой охвата различных сторон действительности того времени. Помимо судопроизводства и процессуального права, оно содержало законы, связанные с экономикой, формами землевладения, положением господствующих и феодально-зависимых слоев населения, государственно-политическим строем. Построение Соборного Уложения также отличалось от Судебников. Уложение состоит из 25 глав, разделенных на статьи, которых насчитывается 967. В начале Уложения, перед главами, помещено предисловие, разъяснявшее мотивы составления свода и ход работы над ним. Таким образом, Соборное Уложение может быть определено как свод законов.

В источниковедческом изучении Соборного Уложения сложилось несколько направлений: история возникновения Уложения (причины и условия создания крупнейшего законодательного памятника феодальной эпохи); изучение источников Соборного Уложения; обобщенный анализ норм Уложения.

Инициаторами появления нового законодательного кодекса стали участники восстания в Москве в июне 1648 г. Одним из требований восставших было упорядочение законодательства и составление новой Уложенной книги. Авторы челобитной к царю 10 июня 1648 г. – дворяне и торговые люди – видели в создании Уложенной книги важное условие упрочения государственного строя.

Идя навстречу требованиям дворянства, 16 июля 1648 г. был созван Земской собор, на котором подана челобитная о составлении Уложения. Для разработки новой Уложенной книги была созда-

на специальная комиссия во главе с князем Никитой Ивановичем Одоевским. В задачу комиссии входило, как свидетельствует предисловие к Соборному Уложению, подготовка проекта Уложения. Процесс его подготовки состоял из нескольких этапов: во-первых, выписки из прошлого законодательства статей, которые «пристойны... к государственным и к земским делам»; во-вторых, сверки статей с прежними Судебниками; в-третьих, подготовки проектов статей по тем вопросам, по которым «в судебниках указу не положено и боярских приговоров на те статьи не было».

Комиссия Одоевского составляла первоначальный вариант Уложения в течение двух с половиной месяцев. К этой работе были привлечены также приказы, которые присылали в комиссию извлечения результативной части из своих указных книг.

Слушание проекта на Земском соборе, открытом 1 сентября 1648 г., проходило в двух палатах: в одной заседали царь, Боярская дума и Освященный собор, другая палата получила название «Ответной палаты» и в нее входили выборные люди всяких чинов под председательством князя Юрия Алексеевича Долгорукова. Активное участие членов Ответной палаты в обсуждении проекта оказало немалое влияние на состав Уложения.

Соборное Уложение стало первым русским законодательным документом, который был напечатан сразу же после его утверждения. До Уложения обычной формой оповещения о новых законах было оглашение их на торговых площадях и в храмах. Этот способ порождал возможности для злоупотреблений должностными лицами. Появление печатного Уложения подрывало основу для злоупотреблений дьяков. Уложение было отпечатано первым изданием весной 1649 г. тиражом в 1200 экз. По всей видимости, во второй половине того же года состоялось еще одно издание таким же тиражом.

Интерес к Соборному Уложению проявили в XVII и XVIII вв. и за границей. Было сделано несколько переводов на иностранные языки: латинский, французский, датский, немецкий.

В XVI – XVII вв. не существовало различия между законом, административным распоряжением и судебным решением.

Ведущими формами закона были грамота и указ, которые исходили только из верховной власти (непосредственно или от ее Имени). Законодательные акты, принятые царем совместно с Боярской думой,

назывались указами с боярскими приговорами. Самостоятельные приговоры бояр приобретали законодательную силу в том случае, когда они были совершены по распоряжению царя, хотя и без его участия.

После издания Соборного Уложения 1649 г. продолжалась работа по выработке законов, дополнявших и этот свод. По неполным подсчетам исследователей, во второй половине XVII в. было введено в действие более 1800 законов, представленных в самых разных формах: грамотах, указах, указах с боярским приговором, боярских приговорах, наказах, уставах, статейных списках.

Практика накопления в приказах текущего законодательства сохранялась. Она помогала приказным людям, с одной стороны, сверяться с предшествующим законодательством, а с другой – выявлять те стороны государственной, социальной, хозяйственной деятельности, которые не получили необходимого законодательного подкрепления.

Во второй половине XVII в. в развитии законодательства просматривается тенденция создания законов, охватывавших целые отрасли права или регламентировавших деятельность уполномоченных лиц (законодательство о торговле, законодательство о сыске беглых, законодательство об описании и межевании земель и т.д.).

Таким кодифицированным законом был, например, Наказ сыщикам 2 марта 1683 г. Наказ стал крупнейшим законодательным памятником по крестьянскому вопросу во второй половине XVIII в. Он включал законы, касавшиеся не только сыска беглых крестьян и холопов, но и урегулирования взаимных претензий феодалов в вопросе их прав на беглых. Таким образом, новый закон касался и крепостного права в целом.

Крупным законом в этой области стал Новоторговый устав 1667 г., разработанный в Посольском приказе. Создатели ориентировались на Соборное Уложение, взяв из последнего некоторые приемы оформления закона. Текст устава начинался преамбулой, которая заменила традиционный доклад царю. По обстоятельности и своей мотивировочной основе преамбула может быть сравнима с преамбулой Соборного Уложения 1649 г. За вводной частью следовал Новоторговый устав (ст. 1 – 94), за ним – Устав торговле, состоявший из статей об иностранной торговле в России, порядке сбора пошлин и обязанностях иностранных купцов. Как и в Соборном Уложении, в конце текста стоит дата – 22 апреля 1667 г.

Библиографический список

1. Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. – М., 1976.
2. Законодательство Петра I. – М., 1997.
3. Полное собрание законов Российской империи (собрание первое). – СПб., 1830. – Т.1 – 45.
4. Памятники русского права. – М., 1952. – Вып. 1 – 8.
5. Российское законодательство X – XX вв. В 9 т. Т. 1 – 5. – М., 1984 – 1987.
6. Соборное Уложение 1649 года : Текст. Комментарии. – Л., 1987.
7. Алексеев, Ю. Г. Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместнического суда / Ю. Г. Алексеев // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1991. – Т. 23.
8. Он же. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты / Ю. Г. Алексеев // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1979. – Вып. 11.
9. Водарский, Я. Е. Проект Регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) / Я. Е. Володарский // Проблемы источниковедения. – Л., 1962. – Вып. 10.
10. Замуруев, А. С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е годы XVIII в. (на примере глав о противоцерковных преступлениях) / А. С. Замуруев // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 1994. – Т. 25.
11. Зимин, А. А. К истории текста краткой редакции Русской Правды / А. А. Зимин // Труды Историко- архивного института. – М., 1954. – Т. 7.
12. Маньков, А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. / А. Г. Маньков. – СПб., 1998.
13. Он же. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Л., 1980.
14. Милов, Л. В. Легенда или реальность ? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) / Л. В. Милов // Древнее право. – Jus Anticvium. – 1996. – № 1.
15. Мюллер, Р. Б. Законодательные акты второй половины XVI – XVII вв. и принципы их издания / Р. Б. Мюллер // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Т. 8.
16. Развитие русского права XV – первой половины XVII в. – М., 1986.

17. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. – М., 1992.
18. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – М., 1953.
19. Флоря, Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России / Б. Н. Флоря // Отечественная история. – 1999. – № 5.
20. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV – XV вв. / Л. В. Черепнин. – М.; Л., 1948 – 1951.
21. Он же. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. / Л. В. Черепнин. – М., 1978. – Ч. 1, 2.
22. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI – XIV вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1972.
23. Юшков, С. В. Судебник 1497 года (К внешней истории памятника) / С. В. Юшков // Труды выдающихся юристов: С. В. Юшков. – М., 1989.
24. Янин, В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII – XV веков / В. Л. Янин. – М., 1998.

Тема 3. АКТЫ

Общая характеристика Термин «акт» происходит от латинского оборота «actum est», что в переводе означает «сделано, совершено». Актами часто называют разнообразные документы договорного, законодательного, распорядительного, регистрационного, удостоверительного и другого характера.

Сегодня акты X – XVII вв. представляют собой значительный корпус текстов на бересте, пергамене и бумаге. Одной из проблем источниковедческого изучения этих текстов договорного характера является их классификация.

Анализ различных письменных исторических источников (актов, граффити, берестяных грамот, летописей) показывает, что в переходе к письменной фиксации договоров существовало несколько фаз: во-первых, заключение соглашения, условия которого закреплены только обрядом; во-вторых, запись о сделке «для памяти»; в-третьих, запись для официального утверждения сделки.

Разнообразные сделки между отдельными лицами, или группами людей, или сообществами (обмен продуктами труда, соглашения вождей племен о мире, договоры в области семейно-брачных отношений и т.д.) появились еще в дописьменный период.

На этом этапе общественного развития условия соглашения закреплялись обрядами, состоявшими из определенных символических действий и словесных формул. Уникальный пример подобного обряда доносят до нас так называемый Усть-Вымский сборник 20-х гг. XVI в. и Вологодско-Пермская летопись XVI в., которые сообщают о заключении русскими послами мира с остяками и вогулами в конце 1484 г. или начале 1485 г. Со стороны остяков и вогулов заключение мира сопровождалось обрядом, необычность

которого поразила русских послов, и они, вернувшись в пределы Руси, рассказали о нем своим соотечественникам: «А мир их таков. Подкинувши елку в жерьдь протольсту, протесав на четыре, а под нею послали медведно (медвежьё шкуру). Да на медведно покинули две сабли острой в верх супротивно. Да на медведно же положили рыбу да хлеб. А наши поставили в верх елки крест. А югричи по своему жабу берестену (т.е. свой тотем) доспену и с нохти. Да привяжут под крестом ниско, да под жабою над нами как почнуть ходити вкруг елки в посолон (т.е. по движению солнца, с востока на запад) дръжати две сабли, подкнув елку острой вниз. Да человек, стоячи, приговаривает: «Кто сесь мир изменить, по их праву Бог казни». Да обоидуть 3-жды, да наши поклонятся кресту, а они на польдень (юг). А после того всего с золота воду пили, а приговор их так же: «Кто изменить, а ты, золото, чюй!»¹.

В конце XVI в. русские послы не предполагали того, что их далекие предки, заключая более пятисот лет тому назад договоры с Византией, так же клялись оружием (мечом) и своими языческими богами. Так, погодные записи 907, 911, 944 и 971 гг. из «Повести временных лет» показывают, что обряд заключения международных договоров языческой Русью состоял из определенных действий и словесных формул: «А Ольга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшеся оружием своим, и Перуном богом своим, и Волосами, скотьемъ богом, и утвердиша миръ» (погодная статья 907 г.) «...некрещеная Русь полагають щиты своя и мече свое наги, обруче свое и прочаа оружия, да кленутся о всем, яже суть написана на харатьи сей» (погодная статья 944 г., описание утверждения мира Русью в Царьграде); «...и прииде на холмъ, где стояше Перунъ и покладоша оружие свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь роти люди его, елико поганыхъ Руси» (погодная статья 944 г., описание процедуры утверждения Русью того же договора в Киеве); «...да имеем клятву от бога, в его же веруем – в Перуна и в Волоса, скотья бога, и да будем золоти, яко золото, и своим оружием да исечени будем» (погодная статья 971 г., из текста договора).

¹ Цит. по: Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М. : Ньютон-вилль, 1993. С. 150.

Важное место в изучении актов на раннем этапе письменного оформления договоров занимают берестяные грамоты XI – XV вв., первая из которых была найдена археологами в Новгороде 26 июля 1951 г. Понятие «берестяные грамоты» сегодня объединяет разнообразные по содержанию тексты.

Имея много общего, акты на пергамене и на бересте развивались по-разному. Береста не могла стать основой для развития актов и других видов источников. Причина этого кроется в свойствах писчего материала, не позволявших включать новую информацию в сложившиеся краткие варианты текстов. Краткость «берестяных» текстов договорного характера при существовании развернутых текстов на пергамене или бумаге позволяет предположить, что они представляют собой не официальные акты, оформленные по всем правилам, а записи «для памяти». По мнению некоторых исследователей, краткая и четкая структура этих записей со всеми присущими конкретному акту формулами позволяет утверждать, что письменная форма фиксации сделок длительное время сосуществовала со словесно-процедурным действием.

Публично-правовые акты: основные разновидности К числу публично-правовых актов относятся международные договоры; княжеские договоры: а) между князьями и Новгородом; б) между великими и удельными князьями; в) между князьями и церковью; г) между верховной властью и отдельными светскими феодалами или духовными корпорациями.

Особое политическое устройство Новгородской феодальной республики предусматривало письменное оформление условий, на которых новгородцы приглашали князей на службу. Приглашенные князья были из Твери, Литвы, Москвы. Содержание заключенных с ними договоров касалось условий, на которых князь участвовал в управлении Новгородской землей и его прав.

Самая ранняя из дошедших договорных грамот Новгорода с приглашенным князем датируется серединой 60-х гг. XIII в. Это грамота с тверским великим князем Ярославом Ярославичем. Последний договор подобного рода, заключенный Великим Новгородом в период независимости, был оформлен грамотой 1471 г. об условиях, на которых московский великий князь Иван Васильевич должен «держати» Новгород.

Докончальными грамотами (от древнерусского слова «докончание» – договор) назывались договоры между великими князьями, великими и удельными князьями. Для наименования договоров русских царей с главами других государств термин использовался и позднее, в XVII в.

Самая ранняя из известных сегодня междукняжеских договорных грамот возникла в XIV в. Это докончание 1350/1351 г. между великим князем Семеном Ивановичем Гордым и его удельными братьями – князьями Иваном и Андреем Ивановичами. Большое число междукняжеских договоров оформлялось в условиях феодальной войны второй четверти XV в., когда актуальным для князей стал вопрос о военных и политических союзах. Последняя договорная грамота была составлена в 1531 г., она оформила соглашение между великим московским князем Василием III и дмитровским князем Юрием Ивановичем,

Жалованные грамоты появились на Руси в XII в. Древнейшей жалованной грамотой, сохранившейся в оригинале, является пергаменная грамота великого киевского князя Мстиглава Владимировича и его сына новгородского князя Всеволода. В ней зафиксировано пожалование братии Юрьева монастыря села Буйце вместе с иммунитетными правами на землю.

В период феодальной раздробленности жалованные грамоты выдавались во многих княжествах: Рязанском, Тверском, Ярославском, Московском и др.

На начальном этапе выдача жалованных иммунитетных грамот в определенной степени свидетельствует о слабости государственной власти, поскольку вместе с землей она передавала вотчиннику собственные права на сбор государственных доходов и суда над людьми, проживавшими на территории и отченных.

Духовные грамоты великих и удельных князей Северо-Восточной Руси создавались с XIV по XVI вв., однако сохранились грамоты только князей московского дома. Духовные грамоты московских князей появляются с конца 20-х или конца 30-х гг. XIV в. За период с 1327 г. (или 1339 г.) по 1375 г. их известно четыре, причем духовные Ивана Калиты и Ивана Красного дошли в двух вариантах. Все шесть текстов сохранились в подлинниках. В письменном тексте существо договора передают формулы: «... целым своим умом пишу душевную

грамоту...» и «...даю ряд...»). Заметим, что такие же формулы характерны для завещаний частных лиц. Поздней сохранившейся княжеской духовной является завещание Ивана Грозного 1572 г., которое по своему содержанию близко к публицистическому сочинению.

Духовные грамоты составляли и удельные князья. Последняя такая грамота – завещание углицкого князя Дмитрия Ивановича Жилки (1521 г.).

Древнейшие уставные грамоты реконструируются на основе церковных уставов. Как уставные грамоты, так и церковные уставы касались взаимоотношений светской и церковной властей и отражали земельные, финансовые и иные интересы государства и церкви.

Результаты реконструкции уставных грамот, проведенной Я. Н. Щаповым, таковы. Первая уставная грамота князя Владимира Святославича предоставляла в 995 г. или 996 г. десятину только церкви Богородицы. Следующая уставная грамота князя Владимира о церковных судах, относившаяся ко всем русским епископиям, была выдана до 1011 г. На основе общих грамот возник древнейший текст церковного устава Владимира, распространившего действие этих постановлений на все русские земли. Выдача второго церковного устава князя Ярослава Владимировича о церковных судах датируется периодом между 1051 и 1054 гг. К середине XVI в. область возникновения публично-правовых договоров и актов, их оформлявших, несколько сузилась. Завершение государственно-объединительного процесса и установление власти московского великого князя над всеми русскими землями как «государя всея Руси» упразднили, например, необходимость регулировать с помощью договоров отношения, с одной стороны, великого князя, а с другой – удельных князей. «Самодержавство», утвердившееся в это время, понималось современниками как неограниченная власть монарха, независимого от своих подданных. В новых исторических условиях механизмами, регулирующими отношения верховной власти с различными категориями населения, стали законодательство и административное управление, представленное приказной и местной системами государственных учреждений. В связи с этим возросло значение нормативных и распорядительных материалов, исходивших от имени царя. Если говорить о совокупности материалов договорного характера, то в дальнейшем изменилось количественное соотношение публично-правовых и частных актов в пользу последних.

Частные акты обязаны своим происхождением развитию сферы социально-экономических отношений. Большинство частных актов, возникших до конца XV в., связано с перераспределением земельного фонда. Письменно оформленные договоры, объектом которых была земля, раскрывают процесс образования феодальной собственности на землю, показывают различные пути формирования этой собственности и т.д.

Переход земли от одного лица к другому, а также закрепление права собственности нового владельца фиксировали данные, купчие и меновые грамоты. Акты этих групп фиксировали разные формы перехода земли от одного владельца к другому и условия, на которых сделки совершались.

Когда переход осуществлялся в виде дара, тогда сделка оформлялась данной (или вкладной) грамотой. Дарителями здесь выступали светские лица, а получавшими дар – церкви, монастыри. Эти вклады были одним из основных путей формирования церковного и монастырского землевладения.

О времени появления данных грамот в источниковедении нет единой точки зрения. Некоторые исследователи древнейшей данной грамотой считают новгородскую данную игумена Антония Римлянина. Основываясь на годе смерти вкладчика, они датируют грамоту не позднее 1147 г., хотя она сохранилась в списке второй половины XVI в. В настоящее время данную грамоту Антония Римлянина или считают подделкой, или ее составление относят к более позднему периоду – между концом XIII и серединой XIV в.

Обмен землей отражался в меновой грамоте. Первые меновые грамоты появились во Пскове в XIV в., а со второй четверти XV в. распространялись и в Северо-Восточной Руси. Характер сделки передавала письменная формула: «Се аз (такой-то) променил есми (такому-то) свою вотчинку...».

В купчей грамоте обязательно указывалась сумма, выплаченная продавцу земли. В текстах купчих XVI в. стала записываться обязанность продавца «очищать» землю, т.е. при возникновении претензий третьих лиц на землю доказывать свое право на ее продажу и освободить покупателя от судебных издержек.

Крупные землевладельцы собирали свои владения в течение многих лет в результате и других сделок, которые оформлялись закладными и деловыми (дельными, раздельными) грамотами.

Закладные грамоты, которые появились ещё в период феодальной раздробленности в начале XV в., оформляли получение денежной суммы в долг под заклад (залог) земли. В качестве заемщиков выступали и феодалы, и крестьяне, и церковнослужители. Закладные грамоты обычно начинались формулой: «Се аз (такой-то) занял есми у (такого-то) (столько-то) денег, а в тих деньгах заложил есми... (наименование земли)». Важным пунктом в условиях такой сделки был срок, на который брались деньги взаймы. В закладной грамоте он обычно обозначался церковными праздниками. Кроме того, закладная часто содержала специальные указания на размер процентов («рост») или на способ их взимания, на права кредитора во время залога и в случае невыкупа должником своих земель в срок.

Деловые грамоты фиксировали раздел вотчины светского феодала между его наследниками. Эти акты были тесно связаны с духовными грамотами, в которых завещатель отдавал распоряжения относительно всего своего движимого и недвижимого имущества. Но в дельной грамоте отражен раздел только земли в соответствии с распоряжением завещателя. Раздел земли в дельной грамоте мог быть расписан более подробно, чем в духовной.

Развитие товарно-денежных отношений и связанный с ним процесс формирования категорий несвободных людей отражен во многих разновидностях частных актов, среди которых полные грамоты, служилые кабалы, порядные, ссудные грамоты, жилые записи и др. В историографии на основе этих грамот изучалось происхождение крепостного права, экономическое положение различных категорий крестьян и т.д.

Полные грамоты регистрировали один из вариантов купли-продажи, и ее объектом являлись люди.

Первые сведения о полных грамотах относятся к XV в. Пока выявлены две подлинные полные грамоты – 1494 г., составленная в Суздале, и 1511 г., написанная в Пскове. Другие полные грамоты сохраняются в списках конца XVI в. в новгородских так называемых записных книгах старых крепостей. Последняя известная сегодня полная грамота датируется 1554 г.

С начала XVI в. и до конца XVII в. похолопление оформлялось новой разновидностью актов – служилыми кабалами. Кабала – слово, которое обозначало письменное долговое обязательство, долговую расписку. Служилые кабалы фиксировали заем денег с обя-

зательством должника «служите по вся дни и всякое дело делати» «во дворе» заимодавца. В отличие от закладных в заемных кабалах заем не обеспечивался залогом земли. Поэтому заемные кабалы заключались с представителями тех социальных слоев, которые не располагали свободно отчуждаемой землей. В роли кредитора мог выступать светский или церковный феодал, а в роли заемщиков – монастырские слуги, крестьяне, посадские люди. Поступавший в кабалу заемщик имел право после погашения долга выйти из кабалы, однако такая возможность реализовывалась редко.

С конца XV в. получают распространение акты крестьянского порядка, т.е. акты, оформлявшие поступление в крестьяне к частному феодалу. Это оброчные, порядные, ссудные грамоты.

Оброчные грамоты оформляли отношения между феодалом и крестьянином, который получил от этого феодала землю для обработки. Акты появились с конца XV в. Они начинались формулой: «Се аз (такой-то) дал есми на оброк...». Далее описывалась земля, размер ренты частному феодалу, которую должен был уплатить крестьянин с этой земли. Арендаторами вотчинной земли выступали и другие сословия.

Порядные записи дошли до нас по преимуществу из северных монастырей. Свое название документ получил от слова «ряд» (договор). Такое же наименование договора было известно и в период феодальной раздробленности в Новгородской феодальной республике, где рядная фиксировала договор между двумя сторонами по какому-либо спорному делу, заключенный либо «полюбовно» без суда, или согласно судебному решению. Самой ранней рядной считается псковская рядная Тешаты и Якима 1266 – 1291 гг.

Акты в системе делопроизводственной документации государственных учреждений

До настоящего времени в подлинниках дошло минимальное число древнерусских средневековых актов. Основная масса исторических источников этого вида сохранилась в позднейших или современных копиях, или в переработанном виде.

Накоплению копий актов, а также краткой информации о состоявшихся сделках способствовала организация специального государственного учетно-регистрационного делопроизводства во второй половине XVI в.

Тексты договоров часто писали площадные дьяки, работавшие в различных городах. В Москве, например, местом письменного оформления частных сделок была Ивановская площадь в Кремле. О своей причастности к составлению акта площадные дьяки сообщали в конце текста после перечисления послухов: «А даную писал алаторские площади под(ь)ячей Куземка Попов» (запись в приданое 1678 г.).

С расширением территории Русского государства, созданием системы органов управления и ростом числа лиц, обслуживавших процесс управления, углублением социально-экономических процессов в обществе верховная власть берет под свой постоянный контроль выдачу письменных свидетельств о разнообразных сделках.

Важное место в оформлении актов играл Печатный приказ. Под этим названием учреждение впервые упоминается в 1611 г. Приказ просуществовал до 1722 г., когда его функции были переданы вновь организованной Печатной конторе. Деятельность Печатного приказа носила регистрационно-нотариальный характер.

Значительные масштабы кабального холопства в XVI в. породили стремление верховной власти законодательно упорядочить выдачу кабальных грамот и взять под контроль сбор пошлин от регистрации этих сделок. Оформление служилых кабал в конце XVI – 40-х гг. XVII в. осуществлялось на основе указа 1 июня 1586 г. Этим указом предписывалось регистрировать служилые кабалы в определенных местах: в Москве – в приказе Холопьяго суда, а за пределами столицы – губными старостами в приказных и съезжих избах.

Акты в системе частной делопроизводственной документации учреждений

В частном делопроизводстве, прежде всего в монастырском, состав которого отчетливо обозначился в XVI в., создавались специальные сборники из разновременных публично-правовых и частных актов на землю (жалованных, данных, меновных, купчих и т.д.) и делопроизводственной документации (судных списков, разъезжих грамот и т.д.). Эти сборники называются копияными книгами.

Каждый монастырь, владевший земельной собственностью, составлял копияные книги. Он был заинтересован в том, чтобы в них исчерпывающе полно были представлены все материалы, подтверждавшие его право на земли.

Копийные книги составлялись монастырями по различным конкретным причинам. Например, для получения жалованной грамоты на всю монастырскую вотчину. Выдача подобной грамоты предусматривала проверку владельческих прав монастыря и документации, их подтверждающей. Стремление получить жалованную грамоту стало непосредственной причиной создания копийной книги в Иосифо-Волоколамском монастыре. Грамота была дана монастырю в 1563 г. Текст полученной жалованной грамоты был внесен в книгу, где ей предшествовали 114 документов.

К настоящему времени обнаружено 13 монастырских копийных книг XVI в. Самая ранняя из них создана в Троице-Сергиевом монастыре около 1534 г., а всего от XVI в. до нас дошло 10 троицких копийных книг. Однако предполагается, что самая первая копийная книга возникла здесь в последней четверти XV в. в условиях ликвидации последних уделов и обострения борьбы феодалов за землю. В XVI в., помимо Троицкого монастыря, свои копийные книги имели Кирилло-Белозерский (основан в 1397 г.), Иосифо-Волоколамский (основан в 1479 г.) и др.

Копийные книги создавались и в течение XVII в. Одна из книг Кирилло-Белозерского монастыря составлялась и в 30-х гг. XVII в., и в последней четверти этого же столетия. Она отличается от книги XVI в. объемом и структурой. В нее было включено 1685 документов, сохранявшихся в архиве монастыря и входивших в состав более ранних копийных книг.

Библиографический список

1. Акты Российского государства : Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII в. – М., 1998.
2. Акты Русского государства 1506 – 1526 гг. – М., 1975.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. – М.; Л., 1952 – 1964.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства : в 3 ч. – М., 1951 – 1961.
5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л., 1949.
6. Документы Печатного приказа (1613 – 1615 гг.). – М., 1994.
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI веков. – М.; Л., 1950.

8. Марасинова, Л. М. Новые псковские грамоты XIV – XV вв. – М., 1966.
9. Памятники русского права. – М., 1952 – 1961. – Вып. 1 – 8.
10. Андреев, В. Ф. Новгородский частный акт XII – XV вв. / В. Ф. Андреев. – М., 1986.
11. Зимин, А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV – XV вв. / А. А. Зимин // Проблемы источниковедения. – М., 1958. – Вып. 6.
12. Каштанов, С. М. Из истории русского средневекового источника : Акты X – XVI вв. / С. М. Каштанов. – М., 1996.
13. Он же. Интитуляция русских княжеских актов X – XIV вв. (Опыт первичной классификации) / С. М. Каштанов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Т. 8.
14. Он же. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. – М., 1988.
15. Маньков, А. Г. Записные книги крепостей на крестьян Поместного приказа второй половины XVII в. / А. Г. Маньков // Исследования по отечественному источниковедению : сб. ст., посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. – М.; Л., 1964.
16. Панеях, В. М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка / В. М. Панеях // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1978. – Т. 10.
17. Свердлов, М. Б. Древнерусский акт X – XIV вв. / М. Б. Свердлов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Т. 8.
18. Семенченко, Г. В. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник / Г. В. Семенченко // Источниковедение отечественной истории : 1984 : сб. ст. – М., 1986.
19. Хорошкевич, А. Л. Источники по истории полного холопства конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич // Советские архивы. – 1974. – № 4.
20. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV – XV вв. / Л. В. Черепнин. – М.; Л., 1948 – 1951.

Тема 4. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

Древнерусский человек знакомился с античной и византийской традицией эпистолографии (так в средние века называлось учение о написании писем) на примере апостольских посланий, включенных в Новый Завет.

Позднее на Руси использовались специальные своды эпистолярных образцов – так называемые письмовники. Они играли важную роль в распространении культуры написания писем, способствовали специализации эпистолярных текстов, закрепляя их наиболее характерные черты, предлагали разнообразные варианты эпистолярного этикета в зависимости от социального положения адресата.

Два самых старых русских списка письмовника, известных в настоящее время, датируются первой четвертью XV в. Архетип (т.е. предполагаемый список, от которого пошли все сохранившиеся списки) данного письмовника, был создан в третьей четверти XIV южнославянскими книжниками, усвоившими византийскую традицию написания церковных посланий. При митрополитах «киевских и всея Руси» Киприане (1381 – 1382, 1389 – 1406) или Фотии (1408 – 1431) один из южнославянских списков эпистолярного справочника попал на Русь, где был скопирован в митрополичьей канцелярии и в скриптории одного из монастырей Северо-Восточной Руси.

Помимо письмовников, которые включали образчики частных литературно украшенных писем, на Руси существовали так называемые формулярники – образцы документов делового и официального характера. Как своды образцов двух самостоятельных групп переписки формулярники и письмовники появились примерно в одно время. Размежевание письмовников и формулярников обусловлено, с одной стороны, усложнением государственного и церковного ап-

паратов, функционирование которых требовало упорядочения служебной переписки, а с другой – распространением практики обмена письменной информацией между частными лицами. Об интересе древнерусских людей к эпистолярным руководствам свидетельствует значительное количество выявленных к настоящему времени рукописных письмовников – около 170 текстов различных редакций.

Разнообразие образцов частной переписки между людьми, находившимися в деловых, дружеских, родственных отношениях, возросло тогда, когда русская письменность окончательно перешла на бумажную основу. Бумага стала использоваться на Руси с середины XIV в., а к концу XV в. она повсеместно вытеснила и пергамент, и бересту. Самый древний русский письмовник был создан в Новгородской боярской республике в 1475 – 1477 гг. Впоследствии он неоднократно переделывался, дополнялся новыми образцами посланий. В 1539 – 1541 гг. появился письмовник с заглавием «Послание начало, егда хоцещи кому поелати: к вельможам или к властным людям, – кому ся ни есть имярек». В последней трети XVI в. была создана еще одна редакция письмовника «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку». По сравнению с ранними сводами она содержала наибольшее число образцов – до 70 примеров. Это самый популярный древнерусский письмовник, который переписывался представителями различных общественных слоев. Его особенностью было расположение посланий по алфавиту, независимо от иерархического положения адресатов. Отсюда второе название свода – Азбучный письмовник. В него были включены образцы посланий, отражавших разные человеческие взаимоотношения.

Частная переписка (XI – XV вв.)

Древнейшие русские частные послания представлены новгородскими берестяными грамотами XI – XV вв. К настоящему времени корпус берестяных грамот насчитывает около 1000 единиц, и значительная доля его текстов относится к переписке. Авторы посланий информировали адресатов о различных происшествиях, направляли распоряжения, жалобы и отчеты, рассказывали о своих бедах, признавались в любви и т.д.

В качестве писчего материала береста использовалась жителями и других древнерусских городов.

По мнению ученых, условия для существования интенсивного письменного обмена информацией были только в Новгородской республике. Возникновению большого объема новгородской частной переписки способствовала особая политическая ситуация, которая заключалась в том, что в Новгороде ежегодно проходили выборы магистратских органов управления. Новгородский боярин имел шанс быть избранным как на высокую должность в государстве, так и на пост руководителя республики – посадника. Это обстоятельство заставляло новгородского вотчинника постоянно находиться в центре политических событий, которые здесь разворачивались. Оторванные от своих хозяйств землевладельцы вынуждены были руководить деятельностью приказчиков с помощью письменных распоряжений.

Частная переписка (XVI – XVII вв.)

Возможность дальнейшего развития частная переписка получила благодаря повсеместному распространению в конце XV в. удобного писчего материала – бумаги. Не случайно письмовники и формулярники появились в тот период, когда произошла смена писчего материала.

Однако для увеличения объема частной переписки были необходимы и другие важные предпосылки: складывание крупных вотчинных и поместных хозяйственных единиц, развитие торговли, высокая мобильность населения, наличие стабильных и надежных каналов передачи письменных посланий, высокий уровень грамотности в обществе и т.д.

Библиографический список

1. Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы : в 3 т. – М., 1953.
2. Государственный архив России XVI столетия : Опыт реконструкции. – М., 1978.
3. Каштанов, С. М. Отдаточные материалы Троице-Сергиева монастыря 1649 – 1650 гг. / С. М. Каштанов // Исторический архив. – М., 1953. – Вып. 8.
4. Новосельский, А. А. Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. / А. А. Новосельский // Дворянство и крепостной строй России XVII – XVIII вв. – М., 1975.

5. Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV – XVII вв. – М., 1929.

6. Сенатский архив. – СПб., 1888 – 1913. – Т. 1 – 15.

7. Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель. В 4 т. Т. 2. / сост.: Ю. М. Эскин, М. В. Бабич, Е. Ф. Желуховцева. – М., 1992.

8. Анисимов, Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Е. В. Анисимов. – СПб., 1997.

9. Гудзинская, А. П. Документы сыскных комиссий второй половины XVII в. как исторический источник / А. П. Гудзинская // Археографический ежегодник за 1967 год. – М., 1969.

10. Литвак, Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. / Б. Г. Литвак. – М., 1979.

11. Лукашевич, А. А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII века / А. А. Лукашевич // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода : сб. ст. – М., 1993.

12. Новосельский, А. А. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке / А. А. Новосельский // Труды историко- архивного института. – М., 1946. – Т. 2.

13. Сокова, А. Н. О создании русской традиционной формы документа в делопроизводстве госучреждений XVIII – начала XX века / А. Н. Сокова // Труды ВНИИДАД. – М., 1974.

14. Тихомиров, М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. / М. Н. Тихомиров // Российское государство XV – XVII веков. – М., 1973.

15. Черепнин, Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. / Л. В. Черепнин. – М., 1978.

16. Шмидт, С. О. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI – XVII вв. : учеб. пособие / С. О. Шмидт, С. Е. Князьков. – М., 1985.

Раздел II. Зарубежные
источники о Руси
(IX – XVII вв.)

Тема 5. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О НАРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Исторические судьбы народов Северного Причерноморья Возникновению Древнерусского государства предшествовала многовековая история народов, проживающих на территории Восточной Европы с древнейших времен. Во времена классической древности появились первые свидетельства о народах, проживающих на территории Восточной Европы. Уже в поэмах Гомера (IX – VIII вв. до н.э.) присутствуют глухие сведения о народах и племенах Северного Причерноморья. Знания о Восточной Европе постепенно возрастали по мере освоения берегов Черного моря греческими колонистами (рис. 1).

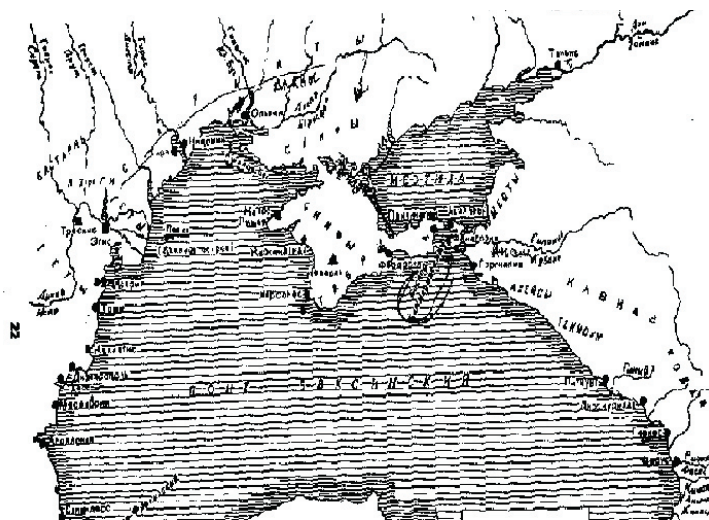

Рис. 1. Колонии на берегу Понта Эвксинского

В VIII – VI вв. до н.э. на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря) во время колонизации появились греки. Большинство колоний Северного Причерноморья было основано выходцами из Ионии (Малоазийской Греции) в VI в. до н.э. Крупнейшими были города Тира, Ольвия, Херсонес (на окраине современного Севастополя), Феодосия, Пантикапей (современная Керчь) – столица Боспорского царства. В Боспорское царство входило около полутора десятка городов, среди них – Фанагория (современная станица Сенная), Гермонасса (современная Тамань), Горгиппия (современная Анапа), Танаис (в устье Дона). В колониях греческие переселенцы обычно сохраняли политическую организацию, уклад и обычаи метрополии, поэтому города Причерноморья являлись в большинстве случаев типичными эллинскими полисами со всеми атрибутами демократического устройства. Начиная с I в. до н.э. в севернопричерноморский регион проникают римляне, города попадали в политическую и военную зависимость от Рима, в некоторые города вводились римские гарнизоны, на монетах чеканились портреты римских императоров.

Прибрежная зона Северного Причерноморья составляла часть Греко-римского античного мира. Степные просторы к северу от побережья напротив населяли так называемые варвары, т.е. народы, находившиеся, с точки зрения «цивилизованных» греков и римлян, на ступени варварства. Постепенно местные племена Северного Причерноморья (геты, киммерийцы, скифы, сарматы, аланы, тавры, синды, меоты и некоторые другие) вовлекались в различные взаимоотношения с греческими городами, вели с ними активную торговлю, воевали, заключали мирные договоры, устанавливали свой протекторат. Представители местных племен становилось жителями греческих городов, внося свой материальный и культурный вклад в их жизнь. Так, наряду с известной «варваризацией» греческих городов происходила «эллинизация» окружающих племен, ускорялся процесс их социально-экономического развития. Особенно наглядно это проявилось в истории Боспорского царства.

Наиболее крупным племенным объединением Северного Причерноморья были скифы – ираноязычный народ, создавший здесь в VII – III вв. до н.э. мощную державу (сумевшую противостоять в конце VI в. персидскому царю Дарию I) и самобытную культуру. С III в. до н.э. их вытесняли сарматы, близкие скифам по происхождению и культуре.

В III – IV вв. началось великое переселение народов, которое нанесло сокрушительный удар по сложившейся в Северном Причерноморье этнической и политической ситуации. В середине III в. германские племена готов, а с IV в. гунны, пришедшие из степей Азии, уничтожили большинство греческих городов Северного Причерноморья, смяли и увлекли за собой на запад остатки сарматских племен, среди которых особенно известны были аланы. В качестве союзников гуннов аланы прошли через всю Европу. Римские источники рассказывают об аланской коннице на среднем Дунае и на Рейне, в Галлии и на Британских островах, в Испании и даже в Африке. Прямыми потомками скифо-сарматского населения Северного Причерноморья являются современные осетины.

Через одно-два столетия пришедшие в движение народы осели в своих новых границах и заложили основы этнополитической карты средневековой Европы. В этот период на исторической арене впервые появились славяне. Начиная с VI в. они широко расселились в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Через несколько веков возникли первые славянские государства.

Историография Античные источники базируются на изучении античных памятниках античного Северного Причерноморья:

- письменные нарративные источники (повествовательные произведения греческих и латинских авторов, писавших об этой территории);

- материалы археологических раскопок, ведущихся в Северном Причерноморье уже с конца XVIII в.;

- греко-латинская эпиграфика Северного Причерноморья (надписи, выбитые на камне, процарапанные на бронзовых таблицах, нарисованные на стенках сосудов, и др.);

- нумизматика Северного Причерноморья (монеты греческих городов).

Русская археология античных источников по истории Северного Причерноморья прошла значительный путь, начиная с XVIII в. Первыми памятниками научной историографии в России являются «Синописис», обычно приписываемый архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию Гизелю (1674 г.), и «Скифская история» Андрея Лызлова (1692 г.). Длительное время в истори-

ографии господствовала идея происхождения славян непосредственно от скифов и сарматов. Она разделялась М.В. Ломоносовым (1711 – 1765) в его «Кратком Российском летописце» и «Древней Российской истории» (50-е гг. XVIII в.). Так, он писал, что «единородство славян с сарматами, чуди со скифами для многих ясных доказательств неоспоримо». И хотя уже во времена Ломоносова это положение было анахронизмом, оно долго сохранялось в трудах исследователей русской истории и нашло отражение в поэтической метафоре Блока «Да, скифы мы, да, азиаты мы».

Подлинно научное скифоведение связано с именем Г.З. Байера (1694 – 1738). Серия его статей, опубликованных с 1726 по 1739 гг., была посвящена народам, населявшим в древности юг России (скифам, киммерийцам, гиперборейам).

При Петре I при Российской академии наук существовал «переводной департамент», задачей которого являлось переводить на русский язык произведения древних и новых писателей.

В это время были переведены на русский язык произведения Курция Руфа, Овидия, Горация, Анакреонта, Юстина, Корнелия Непота, Евтропия, Вергилия, Витрувия, Саллюстия, Тацита, Валерия Максима, Веллея Патеркула, Сенеки, Бозция, Апулея, Цезаря, Авла Геллия, Аннея Флора и многих других римских авторов. С этого времени историки используют в своих исследованиях античные источники. На сегодняшний день не осталось практически ни одного античного автора, не переведенного на русский язык.

После присоединения к России Северного Причерноморья и Крыма было положено начало археологическим раскопкам на месте древнегреческих городов Северного Причерноморья, тогда же начались раскопки скифских курганов. Появляется работа Иоанна Штриттера «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю с древних времен и переселения народов» (СПб., 1771 – 1775. Т. 1 – 4), охватившую источники от IV до XV вв., т. е. сюда включены некоторые позднеантичные авторы.

Позднее появляется собрание источников в трех томах Ивана Потоцкого (1761 – 1815) «Фрагменты исторические и географические о Скифии, Сорматии, славянах» (1795 г.) с V в. до н.э. и до IX в.

На протяжении XIX в. задача собирания стала особенно актуальной. Появляются исследования российских историков, анализирующих античные источники по Северному Причерномо-

рю (Э. Эйхвальд, Н. М. Надеждин, Ф. К. Брун, П. Н. Кречетов, А. С. Лаппо-Данилевский, Ф. Г. Мищенко и др.), во многом проявивших античную литературную традицию.

Интерес к античным свидетельствам о Северном Причерноморье был проявлен в XIX в. и зарубежными учеными, прежде всего немецкими. Большую работу по выявлению и комментированию античных текстов, посвященных географии Северного Причерноморья, провел Ф. А. Укерт (1846 г). В 1880 – 1890-х гг. в Петербурге вышла на немецком языке работа Э. Боннеля, посвященная обзору античных источников по истории Северного Причерноморья.

Появляется первое отечественное собрание античных свидетельств о Кавказе, выполненное К. Ганом (Известия. 1884 – 1890. I – II). Первая часть публикации была посвящена античным авторам от Гомера до VI в. н.э.

В этот же период появилось фундаментальное издание выдающегося российского историка и филолога В. В. Латышева (1885 – 1921). «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Издание представляет собой исчерпывающую подборку фрагментов сочинений античных авторов, свидетельствующих об истории Северного Причерноморья.

Почти одновременно с книгой Латышева вышло исследование Ю. А. Кулаковского, посвященное античной и византийской традиции изображения одного из севернопричерноморских народов – аланов (Кулаковский. 1899).

В начале XX в. крупнейший российский историк-антиковед М. И. Ростовцев в книге «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических» (Ростовцев. 1925) сделал блестящий анализ особенностей литературной традиции. Этот обзор до сих пор остается единственной попыткой целостного анализа всей литературной традиции о Северном Причерноморье.

Изучалась до революции и нумизматика Северного Причерноморья. Это работы П. О. Бурачкова, а также Х. Х. Гиля, А. Л. Бертье-Делагарда, А. В. Орешникова и других нумизматов.

Работа по изучению и публикации эпиграфических и нумизматических источников по истории Северного Причерноморья успешно продолжалась и в советское время. В эпиграфике следует отметить труды В. Н. Гракова, И. И. Толстого, Э. И. Соломоник, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, Ю. Г. Виноградова, В. П. Яйленко.

Плодотворно в 50-е – 80-е гг. работали в нумизматике А. Н. Зограф, Д. В. Шеллов, В. А. Анохин, Н. А. Фролова, а также К. В. Голенко и П. О. Карышковский, оставившие многочисленные статьи и публикации по монетному делу Северного Причерноморья.

Новый этап изучения античных письменных источников по истории Северного Причерноморья начался с основанием В. Т. Пашуто в начале 70-х гг. новой серии «Древнейшие источники по истории народов СССР» (с 1993 г. – «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»).

Для студентов полезна также изданная в 1990 г. книга «Кавказ и Дон в произведениях античных авторов», а также хрестоматия, составленная из русских переводов важнейших текстов греческих и римских авторов о Скифии.

Из важнейших работ последних десятилетий, посвященных непосредственно античному источниковедению отечественной истории, выделяются работы Д. П. Каллистова и С. А. Жебелева, которые содержат более или менее полные обзоры всей античной традиции; статьи и монографии Л. А. Ельницкого, труды А. В. Подсонова, М. В. Агбунова и М. В. Скржинской, посвященные проблемам географии Восточной Европы, И. В. Куклиной, освещающие этногеографию древней Скифии.

Литературная традиция ранних античных авторов Ранние сведения о Северном Причерноморье в большинстве своем легендарного характера связаны с греческими мифологическими преданиями о северной стране киммерийцев, о блаженных гипербореях, живущих на крайнем севере, о стерегущих золото грифонах и одноглазых ари-маспах, о походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном и о колхской царевне Медее, помогшей Ясону, о Прометее, прикованном к скале на Кавказе и т. д. Эти сюжеты и мотивы были популярны в греческой и римской литературе и изобразительном искусстве, поэтому они разрабатывались или упоминались в огромном числе литературных произведений на протяжении всей античности, например, в трагедии великого греческого драматурга Эсхила (525 – 456 гг. до н.э.) «Прометей Прикованный», где действие происходит на Кавказе, или драме Еврипида (480 – 406 гг. до н.э.) «Ифигения в Тавриде», разыгравшейся в Крыму.

Античная литература начинается с *Гомера*, который жил в IX – VIII вв. до н.э. Эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» содержат первые неясные сведения о северо-восточной окраине тогдашней ойкумены. Так, в «Илиаде» упоминаются некие северные гиппемолги (буквально «доители кобыл», «питающиеся молоком»). Последующая традиция, начиная с греческого поэта Гесиода (около 700 г. до н.э.), отождествляет гиппемолгов со скифами-кочевниками, у которых кобылье молоко составляло основу питания. В «Одиссее» имеется также упоминание киммерийцев, которые были предшественниками скифов в Северном Причерноморье:

«Закатилось, солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами – ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (Гомер. Одиссея, XI, 12 – 19).

Уже древние комментаторы «Одиссеи» не были уверены (а ученые до сих пор спорят), имеет ли это описание пути Одиссея в преисподнюю отношение к Северному Причерноморью. Примерно в то же время (VIII – VII вв.) киммерийцы и скифы появляются в библейских и ассирийских источниках как северные кочевники, угрожающие своими набегами.

Упоминания северо-причерноморских реалий в VIII – VII вв. до н.э. встречаются исключительно в поэзии – первой литературной форме древних греков (поэты Гесиод, Стасин, Арктин, Эвмел, Каллин, Алкман, Мимнерм, Алкей, Сафо, Аристей Пропоннеский, Анакреонт). От большинства их сочинений дошли только небольшие фрагменты, но в них мы находим упоминания о Прометее, реке Истры (Дунай), колхском царе Эете и его дочери Медее, дочери греческого царя Агамемнона Ифигении, перенесенной Артемидой в Таврику (Крым), Ахилле, которого после его смерти мать Фетида поселила на острове Белый в Черном море, а также скифах, исседонах, аримаспах и других полумифических народах Восточной Европы.

Историческая и этнографическая наука о Северном Причерноморье

Древнегреческие науки – философия, космология, география, естествознание, история – зародились в среде греков Малой Азии в Ионии. Представителям ионийской науки мы обязаны первыми реальными сведениями об истории географии Северного Причерноморья. Греческая колонизация ионийцев побережий Средиземного Причерноморья принесла много новых сведений о народах Причерноморья, которые и были зафиксированы ионийскими учеными VI – V вв. до н.э. Аксимадром, Гекатеем Милетским, Геллаником Митиленским, Геллаником, Эвдоксом, Дамастом и Геродотом, чей труд стал вершиной ионийской исторической мысли.

Работавший на рубеже VI – V вв. до н.э. Гекатей из Милета написал большой труд «Землеописание», в котором свел воедино все географические знания греков об ойкумене, добавив сведения, добытые им в результате собственных путешествий. Скифский и кавказский материал Гекатея – названия народов, их географическое расположение, этнографические данные, названия греческих колоний и святилищ – древнейший источник по истории Северного Причерноморья.

Из фрагментов его произведений мы узнаем, что уже во времена Гекатея существовал греческий город Каркинитида, расположенный в Северо-Западном Крыму; а греческий город Фанагория, один из крупнейших городов Боспорского царства, получил своё имя от некоего Фанагора, одного из жителей Милета, ставшего основателем Фанагории. Для историков важно также, что Гекатей помещает скифский народ в Европе, которая, по античным представлениям, граничила с Азией по реке Танаису (современный Дон).

«Скифский рассказ» Геродота

Цицерон называл «отцом истории» Геродота (около 425 г. до н.э.), происходившего из малоазийского города Галикарнаса. Его можно было бы также назвать «отцом географии и этнографии», поскольку в своем главном произведении «История», посвященном истории греко-персидских войн, Геродот соединяет элементы всех этих наук, давая подробные описания народов Причерноморья. Геродот описывает также поход персидского царя Дария против скифов, который датируется около 512 г. до н.э. Это дало Геродоту по-

вод в IV книге своей «Истории» подробно рассказать о географии и климате, истории и религии, одежде и вооружении, нравах и языке не только скифов, но и других народов Северного Причерноморья. Сам Геродот, путешествуя по всему тогдашнему миру, посетил греческий город Ольвию, где и собрал большую часть сведений о Скифии и скифах.

«Скифский рассказ» Геродота содержит обстоятельную информацию о всех сторонах жизни скифов, включая сведения об их государственном строе. Вот что рассказывает Геродот о происхождении скифов: «Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая Зевс и дочь реки Борисфева (т.е. Днепра). Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их направления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое.

Этих загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему. От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катарами и траспиями. От самого же младшего из них – цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же назвали их греки» (Геродот. История. IV, 5-6; цит. по Геродот. 101).

Кроме собственных впечатлений очевидца, Геродот использует труды предшественников, рассказы и записки людей, побывавших в описываемых районах, а также памятники эпиграфики, архитектуры, прикладного искусства. Археологические раскопки, ведущиеся в Северном Причерноморье, подтвердили достоверность многих сведений Скифского рассказа Геродота. Фрагмент, помещенный ниже, даёт общий обзор этногеографии Скифии, ставший классическим для многих поколений античных географов.

«От Истра (т.е. Дуная) идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой. Далее – от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту (Черному морю), населяет племя таврон. Далее – от Таврики (Крыма) выше тавров и в области, обращенной к восточному морю, – живут уже скифы к западу от Боспора Киммерийского (Керченского пролива) и от Меотийского озера (Азовского моря) до реки Танаис (Дон), которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера. Начиная уже от Истра, в тех областях, которые расположены выше и находятся внутри материка, Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами, затем андрофагами и, наконец, меланхленами» (Геродот. История. С. 139 – 141).

Афинские источники

о Северном Причерноморье

В V – IV вв. до н.э. господство скифов в Северном Причерноморье постепенно клонится к упадку, на первый план выдвигается Боспорское царство, объединявшее несколько греческих городов и варварскую периферию вокруг Керченского пролива. Активная торговля хлебом, которую вело Боспорское царство с Афинами, тесные политические связи Боспора с Афинами и позже со всем эллинистическим миром создали основу для нового притока информации о Северном Причерноморье. Афинские ораторы IV в. до н.э. Исократ, Эсхин, Динарх и Демосфен в своих публичных речах сообщают некоторые сведения о ситуации на Боспоре. Эти речи выделяются на фоне других источников, так как они содержат актуальную информацию о Северном Причерноморье и потому более достоверны. Так Демосфен сообщает нам:

«Вы ведь, конечно знаете, что к нам (в Афины) привозится хлеба гораздо более, чем ко всем другим. Хлеб, привозимый водою из Понта, по количеству равняется всему, привозимому с прочих рынков, И понятно: это происходит не только оттого, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что ее правитель Левкон (царь Боспора Левкон 1, 387 – 347 гг. до н.э.) даровал беспрошльность купцам, везущих хлеб в Афины, и обнародовал приказ, чтобы отплывающие к вам грузились первыми. Рассмотрите теперь, как велика эта милость! С купцов, вывозящих из его владений хлеб, он взимает в виде пошлины 1/30 стоимости товара; оттуда ввозится сюда около 400 000 медимнов (1 медимн около 52 литров) хлеба. Притом

он так далек от мысли лишать нас этого благоденствия, что устроив новый торговый порт Феодосию, которая, по словам моряков, не хуже Боспора, и здесь даровал нам беспощинность» (Демосфен «Речь против Лептина о беспощинности», 355 – 354 гг. до н.э.).

Очень популярен был жанр географического описания в античности. К IX в. до н.э. относят и так называемый «Перипл Средиземного моря» Псевдо-Скилака; слово «перипл» означает «плавание вдоль берегов моря». В «Перипле» Псевдо-Скилака (настоящий Скилак жил в VI в. до н.э.) наряду с актуальными данными о народах, городах и природных условиях побережья Черного и Азовского морей отражаются аттические интересы IV в. до н.э.

«От Истра (Дунай) до Бараньего Лба (мыс в Крыму) три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое больше, так как там есть залив. В этом заливе есть пустынный остров, по имени Белый (о. Змеиный), посвященный Ахиллу. От Бараньего Лба до Пантикапея (Керчи) день и ночь пути; от Пантикапея же до устья Меотийского озера (Азовского моря) 120 стадиев (1 стадий = около 177 м); Меотийское озеро, говорят наполовину меньше Понта (Черного моря). На Меотийском озере прямо при входе в него по левую руку живут скифы; ибо их область простирается от внешнего моря над Таврической землей (Крымом) вплоть до Меотийского озера» (Псевдо-Скилак. «Перипл Средиземного моря»).

В древнеионийской литературе (у Гелланика и Геродота) возникает представление о скифах как о блаженном народе на крайнем севере, не знающем войн, вражды и несправедливости. Историк Эфор (жил между 405 и 330 гг. до н.э.) в своем историко-географическом труде «История» (отрывки его сохранились, например, у Страбона) дал пример крайней идеализации скифов в моральном и социальном плане как кочевников, сохраняющих вдали от развращенной цивилизации высокие моральные качества, мудрость и добродетели. Его характеристика оказала мощное влияние на последующие описания скифов, просуществовав до конца античности. В русле этой традиции большое значение и распространение получил образ легендарного скифского мудреца Анархарсиса, которого Эфор делает изобретателем многих «культурных» достижений (например, трута, двузубого якоря и гончарного круга) и причисляет к семи знаменитым греческим мудрецам.

Эллинистические источники о Северном Причерноморье Период античной истории, начинающийся завоеваниями Александра Македонского (последняя треть IV в. до н.э.) и заканчивающийся подчинением Риму последних эллинистических монархий Востока (I в. до н.э.), привнес, благодаря расширению географического кругозора (Александр дошел в своих завоеваниях до Средней Азии и Индии) и вовлечению в международную торговлю и политику далеких окраин тогдашнего мира, много новых знаний о Восточной Европе и сопредельных землях. Из источников мы знаем, что один из полководцев Александра – Зопирион предпринял поход против европейских скифов, но дойдя до Ольвии, был разбит скифами и погиб.

При дворе Александра существовал целый штат историков и географов, исследовавших народы и местности, через которые проходили войска македонского царя. Описывается путь македонцев на Восток от реки Яксарт (Аму-Дарья), до которой дошел Александр, и Танаис (Дон), возле которого жили северочерноморские скифы. В 80-е гг. III в. до н.э. Патрокл, один из военачальников Селевка Никатора, преемника Александра, предпринял исследование побережья Каспийского моря. В середине IV в. до н.э. совершил свое знаменитое плавание вокруг западного и северного побережий Европы Пифей из Массалии (Марселя).

Все эти факторы подготовили почву для небывалого взлета эллинистической географической науки. Выдающиеся географы Эратосфен (275 – около 196/194 г. р. до н.э.), хранитель знаменитой библиотеки в Александрии, и его последователь Гиппарх, живший полстолетием позже, заложили основы математической астрономии, научной географии и картографии (их великим предшественником выступает Аристотель, учитель Александра). Была определена форма Земли, ее размеры, разработана теория зонального членения Земного шара, намечены параллели и меридианы, определена форма и размеры ойкумены. Здесь же дискутировались многие вопросы географии Восточной Европы (например, о существовании на севере Европы Рифейских гор, о течении основных рек Восточной Европы, о гидрографии бассейнов Азовского, Черного и Каспийского морей и др.). Эратосфен написал несколько книг, в том числе «Географию» (это название, впервые употребленное Эратосфеном,

стало в дальнейшем обычным для сочинений такого рода) и «Об измерении Земли», в которых собрано много материала не только по географии понтийского региона, но и о климате, о материальных ресурсах, о племенах и их государственном строе и т.д.

«Эратосфен говорит, что эти места (устье Днепра и Дона) отстоят от Мероэ (город в Эфиопии) немногим больше, чем на двадцать три тысячи стадиев, именно до Геллеспонта (Мраморного моря) восемнадцать тысяч и затем пять тысяч до Борисфена (Днепра) В местностях же, отстоящих от Византия (современный Стамбул) приблизительно на шесть тысяч триста стадиев и находящихся севернее Меотира (Азовского моря), в зимние дни солнце поднималось не более чем на шесть локтей, а наибольший день равнялся семнадцати равноденственным часам (Эратосфен. География; печатается по: Старабон, II, 42).

Эратосфен оставил целую школу географов; из них черноморским регионом занимались во II в. до н.э. особенно много Диофант, Агатархид Книдский, Деметрий Каллатийский и Артемидор Эфесский, давшие уточненное описание северного побережья Черного моря.

К эллинистическому периоду относится также писательская деятельность историков Полибия (около 205 – 123 гг. до н.э.) и Посидония Апамейского (128 – 45 гг. до н.э.), которые продолжили эфоровскую линию идеализации скифов; через Посидония, чьи произведения сохранились только во фрагментах, эта линия была продолжена римской литературой.

Римские источники о Восточной Европе Римская историко-географическая и этнографическая литература, начиная с I в. до н.э., восприняла большинство идей и представлений о Восточной Европе из греческой литературы. Вместе с тем продолжалось накопление новых данных по мере продвижения римских легионов на северо-восток известной тогда Европы, в Закавказье, Крым и Западное Причерноморье.

Большую роль в знакомстве античного мира с положением в Северном Причерноморье сыграли Митридатовы войны, которые велись римлянами против понтийского царя Митридата VI Евпатора (погиб в 63 г. до н.э. в Пантикапее – Керчи). Поскольку судьба Митридата была тесно связана с судьбами причерноморских городов и местных варварских племен, которые находились с ним мно-

гие годы в военно-политическом союзе (Боспорское царство было даже включено в состав Понтийской державы Митридата), много новых сведений из истории этого региона попало в произведения историков, давших описание Митридатовых войн. Такими историками были Феофан Митиленский и Квинт Деллий, описавшие в I в. до н.э. восточные походы римского полководца Гнея Помпея – победителя Митридата.

Важным источником для реконструкции истории Боспорского царства и скифов является труд греческого историка Диодора Сицилийского (около 90 – 21 гг. до н.э.) «Историческая библиотека», одна из сохранившихся глав которой содержит ценные исторические сведения о боспорских царях, о военной активности скифов, их обычаях и религиозных представлениях. Данные Диодора о годах правления некоторых боспорских царей – основа хронологии древнего периода истории Боспорского царства.

На рубеже нашей эры было создано произведение, которое после Геродотова «Скифского рассказа» является, пожалуй, самым информативным и важным источником по истории Северного Причерноморья. Это «География» (греческого историка и географа Страбона; около 20 г. н.э.). Выходец из знатного понтийского рода (его дед был другом Митридата), Страбон многое знал из собственного опыта и многое почерпнул из историко-географической литературы предшествующих веков. Его труд, написанный на греческом языке, но предназначенный для римских правителей, – подлинная энциклопедия по истории, географии и этнографии современного Страбонова мира. В книге, которая сохранилась почти полностью, Страбон цитирует, иногда дословно, множество своих предшественников, труды которых зачастую не сохранились совсем – Эфора, Эратосфена, Гиппарха, Артемидора Эфесского, Полибия, Посидония и других, всего около 150 авторов. Столь подробной информации о Северном Причерноморье не дает ни один античный автор. В частности, в фрагменте рассказан важнейший эпизод из истории Херсонеса – крупнейшего греческого города Северного Причерноморья, который в первой половине I в. до н.э. в результате угрозы со стороны крымских скифов потерял самостоятельность и попал в зависимость сначала от Митридата VI Евпатора, а затем от Боспора. Здесь называются также имена скифских правителей, которых победили войска Митридата.

«Этот город (Херсонес) прежде пользовался автономией, но потом, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена (Днепра) и Адрия (Адриатики). Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых, по свидетельству Посидония, было пятьдесят, а по свидетельству Аполлонида – восемьдесят. Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владелец Парисад. С тех то пор и доньне город Херсонес подчинен владыкам Боспора» (Страбон. География., VII, 4, 3).

Географическая литература на латинском языке представлена именами Агриппы, Мелы и Плиния Старшего.

Ближайший сподвижник императора Августа Марк Випсаний Агриппа (63/64 – 12 г. до н.э.), имея в силу высокого положения при императорском дворе большие возможности для сбора географического и статистического материала, создал труд, который назывался «Хорографией», возможно, ему принадлежит также одна из первых карт Римской империи. Собранный им материал по Восточной Европе отличается актуальностью и свежестью. В труде Агриппы впервые встречается название реки Вислы.

В 40-х годах I в. н.э. был написан небольшой географический трактат «Хорография». Автор Помпоний Мела как и Перипл, построил его в плане описания плавания вдоль морского побережья. Наряду с некоторыми актуальными сведениями из агрипповой традиции, Мела описывает народ Северного Причерноморья в традициях эллинистических авторов, а в ряде случаев использует древневизантийские, и даже иногда догеродотовы представления о расселении племен (рис. 2).

То же можно сказать о трудах другого римского ученого, государственного деятеля и полководца Гая Плиния Старшего (23/24 – 79 г. н.э.), написавшего грандиозную энциклопедию всей античной науки под названием «Естественная история». Географическая часть этого труда содержит, как и «География» Страбона, огромное количество отсылок к работам предшественников, позволяющих представить литературную традицию о Северном

Причерноморье при утрате большинства произведений античных географов и историков. Многие сведения были получены Плинием от чиновников и военачальников, лично участвовавших в тех или иных событиях, военных экспедициях и поездках в район Черного моря. Труд Плиния во всей римской литературе является самым важным, подробным и всесторонним источником по истории Восточной Европы, с которым могут сравниться только произведения Геродота и Страбона.

Рис. 2. Карта Птолемея

Мы располагаем также ценными свидетельствами двух очевидцев римского времени, побывавших лично в Северо-Западном Причерноморье. Один из них – великий римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.), сосланный императором Августом в 8 г. н.э. в низовья Дуная и проведший там до своей кончины почти десять лет. В поэтических элегиях, названных «Тристиями» (печальные песни) и «Посланиями с Понта», он оставил яркие зарисовки жизни небольшого греческого города в условиях варварского окружения.

Известный греческий оратор и философ Дион Хрисостом (около 40 – 120 г. н.э.) в своей знаменитой «Борисфенитской речи», произнесенной в 100 г., донес уникальные сведения о положении греческого города Ольвии, который он незадолго до этого посетил:

«Город борисфенитов (Ольвия) по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн, последнее и самое сильное разорение его было не более как сто пятьдесят лет тому назад: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии (прибрежный город на территории современной Болгарии)... О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты... Все это служит явными признаками его разорения, и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках» (Дион Хрисостом. Борисфенитская речь. II, 48; цит. по: ЭС. Т. 1. С. 172 – 173).

От времени императора Адриана до нас дошел «Перипл Черного моря», составленный в 30-е гг. II в. н.э. на греческом языке специально для императора наместником провинции Каппадокии Флавием Аррианом. Помимо литературной традиции, обильно использованной Аррианом, в Перипле представлена и актуальная информация, касающаяся Южного, Восточного и Северного Причерноморья конца I в. н.э. (в частности, об усилении в это время скифотаврского царства).

Из неизвестных нам источников черпал свои сведения о скифах замечательный греческий писатель Лукиан из Самосаты (около 120 – 190 г. н.э.).

Вершина геокартографической мысли античности – труды греческого ученого из Александрии Клавдия Птолемея (середина II в. н.э.), продолжившего традиции эллинистической географической науки. В своем «Географическом руководстве» (около 150 г. н.э.), которое построено как описание карты мира, снабженной градусной сеткой с параллелями и меридианами, Птолемей подробно описывает и территорию Восточной Европы. По объему топонимического материала, почерпнутого Птолемеем из греческой и римской географической литературы и сведенного воедино, этому произведению нет равных во всей античной литературе. Восточная Европа заключена для Птолемея на пространстве между Венедским заливом (Балтийским морем) и Меотидой (Азовским морем). Здесь он называет реку Вистулу (Вислу), дает названия некоторых рек, впадающих в Балтийское море, а также перечисляет десятки племен, многие из которых, к сожалению, не поддаются отожд-

дествлению. Среди этих названий некоторые ассоциируются с позднейшими финнами (галинды, финны), славянами (венеды), германцами (гитоны), гуннами (хуки). Впервые на карте Птолемея появляются «Карпатские горы» как южная граница Сарматии, а также река Волга (Ра). Интересно, что и Птолемей, несмотря на сугубо научный характер своего труда, находит на карте Восточной Европы место и для мифических гипербореев, и гиппоподов (лошадиноногих людей), и амазонок (в области Северного Кавказа), и Рифейских гор.

Во многом на трудах Помпония Мелы и Плиния была основана книга Гая Юлия Солина «Собрание достопримечательностей» (написана в первой половине III в. н.э.), которая содержала множество фактов из древней географии, истории и этнографии. Этот труд стал, в свою очередь, одним из основных источников геокартографических познаний на протяжении всего средневековья.

К первым векам нашей эры восходит карта мира, сохранившаяся в единственной копии XII – XIII вв. – знаменитая Певтингерова карта, воспроизводящая политическую и этническую ситуацию ранней Римской империи с дополнениями, сделанными во время императора Диоклетиана. Карта в очень искаженной форме дает очертания трех материков, морей, рек и гор, которые служат основой для показа дорожной сети Римской империи. Вся карта покрыта сетью линий, изображающих дороги и находящиеся на них города, станции, узловые пункты, переправы; указаны и расстояния между ними (рис. 3).

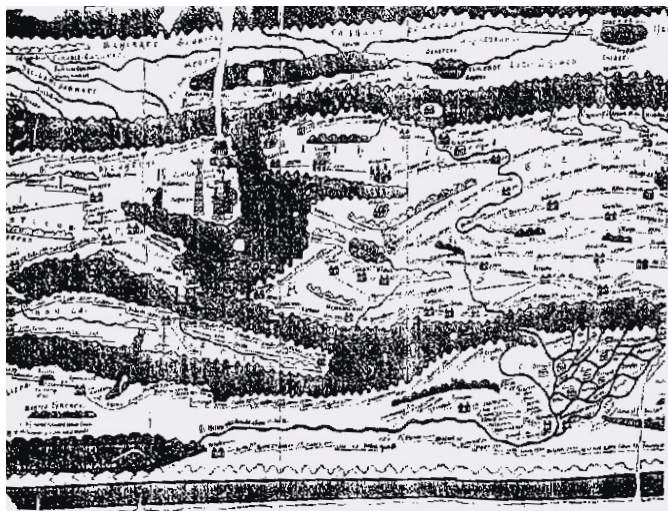

Рис. 3. Певтингерова карта

Певтингерова карта содержит ряд этнонимов и топонимов, в основном на среднем и нижнем Дунае, в которых некоторые исследователи видят славянские названия.

Античные источники VI – V вв.

Ценный источник по истории Северного Причерноморья – сборник биографий римских императоров от Адриана до Нумериана (117 – 284).

Например, Аммиан Марцеллин (около 330 – 395), написавший большой исторический труд о современных ему событиях, в описании Северного Причерноморья использует как литературные источники, частично восходящие к древнеионийскому времени, так и свежие сведения, в частности, о гуннах, недавно вторгшихся в Восточную Европу. Его этнографические экскурсы об аланах и гуннах содержат множество ценных данных об этих народах.

«Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами (Азовским морем) у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости. Итак, гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые сопредельные с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они с большей уверенностью внезапный натиском ворвались в обширные и плодородные владения (готского царя) Ерменриха (Германариха.), царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами храбрости наведшего страх на соседние народы» (Аммиан Марцеллин. История. XXXI. 2, 1 и 3, 1).

Со становлением в IV в. христианства как государственной религии начинается *новый этап* историографии – пересмотр истории с точки зрения христианства и его ценностей. Одним из первых таких трудов на Западе стала «История против язычников» (*Historiae adversum paganos*) Павла Орозия (*Paulus Orosius*, около 417 г.). На греческом Востоке это труды по всеобщей, локальной и церковной истории Евсевия (умер в 340 г.), Филосторгия (368 – 440), Сократа Схоластика (380 – 440), Созомена (писал около 444 г.), Феодрита Кирского (первая половина V в.), Зосима (вторая половина V в.), Приска Панийского (около 410/420 – 475) и др. Церковные и светские истории, написанные этими и другими историками, содержат

много новых сведений о борьбе римских императоров против готов и гуннов, о принятии готами и другими причерноморскими народами христианства и т.д.

Тем не менее этнографическая и географическая номенклатура, используемая раннехристианскими авторами, долго еще (вплоть до позднего средневековья) оставалась той же, что и в произведениях языческой античности. В частности, описание Северного Причерноморья у Орозия основывается на материалах, восходящих к трудам Агриппы, хотя автор и доводит историю мира до современных ему событий.

Раннесредневековые латинские источники (VI – VII вв.)

Период Великого переселения народов III – V вв., когда огромные этнические массы Северной и Восточной Европы, а также Северной Азии мигрировали из мест обычного расселения, разрушая на своем пути сложившиеся государственные и этнические границы, отразился в некоторых трудах, появившихся в раннее средневековье. Одним из них является книга «О происхождении и деяниях гетов» («De original actibusque Getarum») Иордана (Iordanes, VI в.), происходившего из смешанной гото-аланской среды и поставившего своей целью написать историю готов (он называет их именем «геты»). Поскольку ранняя история готов времен царства Германариха была тесно связана с Восточной Европой и Северным Причерноморьем, произведение Иордана является ценнейшим источником позднеантичной и раннесредневековой истории этого региона. Он рассказывает о продвижении готских племен от побережья Балтийского моря к Черному, дает перечень племен, с которыми пришлось столкнуться готам (среди них, кроме скифов, упомянуты финно-угорские народы вепсы, чудь, меря), подробно рассказывает о царствовании гуннского царя Аттилы, а также впервые прямо связывает племенное название венедов, встречавшееся у античных авторов начиная с I в. н.э., со славянами, которые живут по Иордану, на Дунае и в Северо-Западном Причерноморье и делятся на венедов и антов.

О славянских племенах склавинов (склавов) и антов рассказывают также ранневизантийские источники V – VI вв. (Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Псевдо-Кесарий, Иоанн Малала, Агафий Миринейский, Менандр Протектор, Маврикий и др.).

Традиционную, основанную на позднеантичных источниках схему расселения племен в Восточной Европе дает в своих «Этимологиях» испанский епископ и писатель, собиратель античных знаний Исидор Севильский (около 570 – 636).

Приблизительно 700 г. датируется латиноязычная «Космография» Анонима из Равенны, которому, по всей видимости, была доступна карта мира, близкая Певтингеровой, поскольку длинные списки топонимов обоих памятников часто совпадают между собой. Весьма характерно в описаниях Восточной Европы соотношение античных традиционных, ставших уже хрестоматийными, примет страны, таких как скифы, сарматы, роксоланы, амазонки, со сравнительно новыми реалиями, ставшими известными в период переселения народов и позднее – склавины, карпы, готы, даны, гепиды, газы (хазары). Хазары и Хазария – древнейшее государство на территории Восточной Европы, возникшее в VII – VIII вв. в низовьях Волги и на Северном Кавказе – упомянуты Анонимом впервые в латиноязычной европейской литературе. О Хазарии говорится, что это «чрезвычайно обширная как в длину, так и в ширину страна, расположенная в равнинной местности».

Автор вполне осознает те изменения, которые произошли на карте Европы в ходе Великого переселения народов и стали причиной путаницы в этногеографической номенклатуре, чему свидетельством его слова из Введения к «Космографии»:

«Итак, как было условлено, я подробно, с помощью Христа, расскажу... обо всем, если только не буду введен в заблуждение тем, что различные племена, возжелав из-за своей чрезмерной дерзости чужих или лучших земель, или же, возможно, терпя тяжкие притеснения от других народов, переместились из собственных владений и при этом страны, города или же реки, названные когда-то одним именем, теперь стали называться иначе, как это бывает у варваров» («Космография» Равеннского Анонима, I).

Античные и раннесредневековые источники о славянах

или склавенами, антами и др. Два последних этнонима появляются в V в. и, как правило, прилагаются к реальным славянам; сложнее обстоит дело с именем венедов.

Через античные источники мы впервые сталкиваемся с появлением славян на исторической арене. Славяне назывались венедами, склавами

Самыми ранними источниками были произведения римских авторов I – II в. н.э. Плиния Старшего, Тацита и Птолемея, а также Певтингерова карта. Эти источники называют в Восточной Европе племена венедов. Плиний писал:

«Некоторые передают, что он (таинственный остров в Балтийском море Энингия) населен вплоть до реки Висулы (Вислы) сарматами, венедами, скифами хиррами...». Римский историк Тацит колеблется, «причислить ли народы певкинов, венетов и фенов к германцам или сарматам». Клавдий Птолемей знает также Венедские горы и Венедский залив (Балтийское море), вдоль которого около устья Вислы живут венеды. На Певтингеровой карте венеды выступают дважды в районе среднего и нижнего Дуная.

Историк VI в. Иордан прямо подтвердил славянство венедов («они все называются славянами и антами»). В средние века и новое время этим же этнонимом (вене, виды) называли славян германцы, финны и эсты.

Теория славянства ранних венедов стала чрезмерно популярна среди славистов; ее придерживались такие ученые, как поляки В. Суrowецкий, С. Роспонд, Т. Лер-Сплавинский, Г. Ловмянский, К. Тыменецкий, Т. Завадский, З. Голомб, чехи П. Шафарик и Л. Нидерле, российские ученые Ф. А. Браун, А. Л. Погодин, А. Д. Удальцов, Г. В. Вернадский, С. Б. Бернштейн, Ф. П. Филин, В. В. Седов, Б. А. Рыбаков и др.

В 1837 г. чешский ученый П. Шафарик в «Славянских древностях» впервые проанализировал древнейшие сведения о славянах, привлекая также античные источники. Книга польского историка М. Плеззи, вышедшая в 1952 г., охватывает источники от Геродота до византийских авторов IX в. В издании Плеззи даны переводы с новейших изданий греческих и латинских авторов, сообщается информация об авторе и произведениях, приводится библиография.

В 1941 г. в отечественной истории последнего столетия появилась подборка древнейших греческих, латинских и византийских текстов, содержащих сведения о славянах, составленная А. В. Мишулиным.

Последнее в России издание ранних «славянских» сведений, начиная с I в. н.э. (Плиний, Тацит, Птолемей, Певтингерова карта, Иордан, Равеннский Аноним и др.), осуществил коллектив авторов под руководством Л. А. Гиндина и Г. Г. Литаврина (Свод. 1991 – 1995. Т. I – II).

Библиографический список

1. Марцеллин, Аммиан. Римская история / Аммиан Марцеллин ; пер. Ю. Кулаковского при участии А. Сонни. – СПб., 1994.
2. Демосфен. Речи. – М., 1994 – 1996. – Т 1 – 3.
3. Мишулин, А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. / А. В. Мишулин // Вестник древней истории. – 1941. – № 1. – С. 230 – 284.
4. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Ч. II : Древний мир на юге России / Б. А. Тураев, И. Н. Бороздин, Б. В. Фармаковский. – М., 1918.
5. Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica») / Иордан ; вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1997.
6. Траков, Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии / Б. Н. Траков // Вестник древней истории. – 1939. – № 3. – С. 231 – 315.
7. Мела, Помпоний. О положении земли / Помпоний Мела ; пер. С. К. Апта // Античная география / сост. М. С. Боднарский. – М., 1953. – С. 176 – 237.
8. Подосинов, А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья : тексты, перевод, комментарий / А. В. Подосинов. – (Древнейшие источники по истории народов СССР). – М., 1985.
9. Скржинская, М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего / М. В. Скржинская. – Киев, 1977.
10. Кесарийский, Прокопий. Война с готами / Прокопий Кесарийский ; пер. С. П. Кондратьева. – М., 1966.
11. Птолемей, Клавдий. Руководство по географии / Клавдий Птолемей ; пер. С. К. Алта и В. В. Латышева // Античная география / сост. М. С. Боднарский. – М., 1953. – С. 281 – 323.
12. Свод древнейших письменных известий о славянах / Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. – М., 1991 – 1995.
13. Страбон. География в семнадцати книгах / Страбон ; пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. – М., 1994.
14. Тацит. Сочинения в двух томах / Тацит. – М., 1969.
15. Агбунов, М. В. Античная география Северного Причерноморья / М. В. Агбунов. – М., 1992.

16. Алексеев, А. Ю. Скифская хроника : (Скифы в VII – IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк) / А. Ю. Алексеев. – СПб., 1992.
17. Алексеев, А. Ю. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность / А. Ю. Алексеев, Н. К. Качалова, С. Р. Тохтасьев. – СПб., 1993.
18. Алексеева, Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа / Е. М. Алексеева. – М., 1991.
19. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л., 1968.
20. Античные города Северного Причерноморья : Очерки истории и культуры. – М.; Л., 1955.
21. Артамонов, М. Л. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.) / М. Л. Артамонов. – Л., 1974.
22. Влататский, В. Д. Античная археология Северного Причерноморья / В. Д. Влататский. – М., 1961.
23. Он же. Пантикапей : Очерки истории столицы Боспора / В. Д. Влататский. – М., 1964.
24. Волгов, Н. Н. Закат античного Боспора : Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV – V вв.) / Н. Н. Волгов. – Белгород, 1996.
25. Врашинский, И. Л. Афины и Северное Причерноморье в VI – II вв. до н.э. / И. Л. Врашинский. – М., 1963.
26. Виноградов, Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование / Ю. Г. Виноградов. – М., 1989.
27. Траков, Б. М. Скифы / Б. М. Траков. – М., 1971.
28. Грацианская, Л. И. «География» Страбона : Проблемы источниковедения / Л. И. Грацианская // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1988. – С. 6 – 175.
29. Ельницкий, Л. А. Скифия евразийских степей / Л. А. Ельницкий. – Новосибирск, 1977.
30. Зубарев, В. Т. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолея / В. Т. Зубарев. – Тула, 1998.
31. Зубарь, В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху / В. М. Зубарь. – Киев, 1993. – (Экономика и социальные отношения).

32. Иванчик, А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII – VII вв. до н.э. / А. И. Иванчик. – М., 1996.
33. Ильинская, В. А. Скифия VII – IV вв. до н.э. / В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин. – Киев, 1983.
34. Кадеев, В. И. Херсонес Таврический : Быт и культура (I – III вв. н.э.) / В. И. Кадеев. – Харьков, 1996.
35. Кадеев, В. И. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. / В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан. – Харьков, 1989.
36. Карышковский, П. О. Древний город Тира : Историко-археологический очерк / П. О. Карышковский, И. В. Клейман. – Киев, 1985.
37. Кругликова, И. Т. Сельское хозяйство Боспора / И. Т. Кругликова. – М., 1975.
38. Крыжицкий, С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья / С. Д. Крыжицкий. – Киев, 1993.
39. Кузнецов, В. А. Очерки истории алан / В. А. Кузнецов. – Владикавказ, 1992.
40. Куклина, И. В. Этногеография Скифии по античным источникам / И. В. Куклина. – Л., 1985.
41. Кулаковский, Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей / Ю. А. Кулаковский. – Киев, 1899.
42. Лапин, В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья / В. В. Лапин. – Киев, 1966.
43. Леей, В. В. Ольвия: Город эпохи эллинизма / В. В. Леей. – Л., 1985.
44. Марченко, К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии / К. К. Марченко. – Л., 1988.
45. Масленников, А. А. Население Боспорского государства в VI – IV вв. до н.э. / А. А. Масленников. – М., 1981.
46. Он же. Население Боспорского государства в первые века н.э. / А. А. Масленников. – М., 1990.
47. Мелюкова, А. И. Скифия и фракийский мир / А. И. Мелюкова. – М., 1979.
48. Молев, Е. А. Боспор в период эллинизма / Е. А. Молев. – Нижний Новгород, 1994.

49. Мурзин, В. Ю. Происхождение скифов : Основные этапы формирования скифского этноса / В. Ю. Мурзин. – Киев, 1990.
50. Нейхардт, А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии / А. А. Нейхардт. – Л., 1982.
51. Петере, В. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья / В. Г. Петере. – М., 1982.
52. Петрухин, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М., 1998.
53. Подосинов, А. В. Овидий и Причерноморье : Опыт источниковедческого анализа поэтического текста / А. В. Подосинов // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1984. – С. 8–178.
54. Пьянков, И. В. Средняя Азия в античной географической традиции : Источниковедческий анализ / И. В. Пьянков. – М., 1997.
55. Раевский, Д. С. Модель мира скифской культуры / Д. С. Раевский. – М., 1985.
56. Рыбаков, Б. А. Геродотова Скифия / Б. А. Рыбаков. – М., 1979.
57. Сапрыкин, С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический / С. Ю. Сапрыкин. – Л., 1986.
58. Скржинская, М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье / М. В. Скржинская. – Киев, 1991.
59. Скрипкин, А. С. Этюды по истории и культуре сарматов : учеб. пособие / А. С. Скрипкин. – Волгоград, 1997.
60. Смирнов, К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / К. Ф. Смирнов. – М., 1984.
61. Соколов, Г. М. Античное Причерноморье : Памятники архитектуры, живописи и прикладного искусства / Г. М. Соколов. – М., 1973.
62. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. В 20 т. – М., 1989
63. Фролова, Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). / Н. А. Фролова. – М., 1997.
64. Хазанов, А. М. Социальная история скифов : Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А. М. Хазанов. – М., 1975.

65. Черненко, Е. В. Скифо-персидская война / Е. В. Черненко. – Киев, 1984.
66. Шелов, Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III – I вв. до н.э. / Д. Б. Шелов. – М., 1970.
67. Он же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры / Д. Б. Шелов. – М., 1972.
68. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI – IV вв. до н.э. / Ф. В. Шелов-Коведяев // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1985. – С. 5 – 187.
69. Щеглов, А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху / А. Н. Щеглов. – Л., 1978.
70. Щукин, М. Б. На рубеже эр : Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе / М. Б. Щукин. – СПб., 1994.
71. Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб., 1992.

Вопросы для контроля и повторения

1. Какие цивилизационные потоки столкнулись в Северном Причерноморье в античную эпоху?
2. Охарактеризуйте кратко историю этого региона в рассматриваемое время.
3. Какие греческие и римские авторы оставили наиболее важные сведения о Северном Причерноморье?
4. К какому времени относится появление в России первых научных публикаций античных литературных, агиографических и нумизматических источников?
5. С какого времени в источниках появляются первые достоверные известия о славянах?

Тема 6. ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Общая характеристика Самый объемный корпус свидетельств представляют собой византийские письменные источники. Они воспроизводят картину развития восточно-европейского региона с IV по XV в. и обладают достоинством повествований очевидцев – непосредственных участников исторических событий начальной истории Древнерусского государства. Среди них константинопольский патриарх Фотий, император Константин Багрянородный, Лев Диакон, Михаил Пселл и др. Эти источники – основной фонд сведений о Древней Руси начиная с IX в.

Ранневизантийская историографическая традиция IV – V вв. сочетала в себе элементы развития позднеантичных принципов исторического ведения и освоения нового исторического мировидения, связанного прежде всего с церковной историей, представителями которой были Евсевий Кесарийский, Феодорит Киррский, Захария Митиленский.

X в. вошел в историю византийской историографии как эпоха «византийского энциклопедизма». Она представлена сочинениями императора Константина Багрянородного (905 – 959), Хроникой Продолжателя Феофана (создана около 950 г.), включая «Жизнеописание императора Василия», «Книги царств» Генесия (середина X в.), «Историю» Льва Диакона (написана в конце X в.). Это выдающиеся памятники средневековой мысли. Почти все они содержат обширные, в основном уникальные сведения по истории Руси, ее политическому устройству, военным кампаниям, хозяйственно-экономической жизни, дипломатии и культуре.

Исторические философские и литературные памятники XI в., такие как мемуарные записки Михаила Пселла (1018 – 1096/97), монументальная хроника Иоанна Скилицы (1040 – 1100) и ее Про-

должателя (1101 г.), также являются важнейшими источниками по истории русско-византийских взаимоотношений. XI – XII вв. классического периода византийской исторической мысли представлены историографией эпохи Комнинов (династии византийских императоров, правивших с 1081 по 1185 гг.). Свидетельства очевидцев – историка Иоанна Киннама (1143 – начало XIII в.), мемуариста Евстафия Солунского (около 1115 – 1196/97), писателя и ритора Никиты Хониата (около 1155 – 1217) – касаются истории Руси и ее места в структуре международной политической жизни средневекового мира накануне монголо-татарского завоевания.

Большое значение для изучения отечественной истории имеют риторические сочинения, поэтические произведения исторического содержания, эпистолярные сочинения, памятники агиографии, специализированные трактаты (географические, воинские, обрядовые, юридические), а также акты – международные договоры, императорские хрисовулы, патриаршие постановления и послания, монастырские уставы и описи, судебные постановления. Все эти категории византийских источников содержат богатейшие материалы по истории древней Руси.

Важнейшее место в круге источников по начальной русской истории занимают агиографические сочинения – жития святых, деяния мучеников.

Среди них сочинения Феодора Продрома, Михаила Италика, Никифора Василаки, Михаила Ритора («Анхиальского»), другого ритора Михаила («Солунского»), Иоанна Диогена, Михаила Хониата, Никиты Хониата, Евстафия Солунского, Сергия Коливы, Иоанна Сиропула, Никофора Хрисоверга, Николая Месарита, митрополита Георгия Торника, Димитрия Торника, Георгия Торника – ритора, Константина Стислва и др.

Интереснейший материал дают акты, хранящиеся в афонских архивах Русского монастыря, монастырей Ксенофонта, Пантократора, и др. Акты до начала XIII в. представляют собой древнейший пласт афонского архива.

Еще одну группу византийских источников, важных для истории Руси, представляют легенды печатей древнерусских князей и церковных иерархов на греческом языке, формулы актов, легенды монет, а также большой корпус мало изученной греческой средневековой эпиграфики.

Историография

изучения византийских источников

Традиция освоения византийских сочинений в России уходит корнями в памятники истории и публицистики Древней Руси. Византийские хроники Иоанна Малалы, Георгия Синкела, Георгия Амартола, патриарха Никифора использовались уже составителями «Повести временных лет» в качестве источника сведений по древнейшим периодам всемирной истории, раннему христианству, расселению и обычаям различных народов. Переводные сочинения и хронографические памятники Руси опирались в основном на византийские компиляции.

Церковно-полемиические сочинения (например, «Слово Феодосия Печерского о вере крестьянской и о латыньской»), риторическая и мемуарно-публицистическая литература («Повесть о взятии Богохранимого Константина-града от фряг», «Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе» и др.) связаны с проблемами своего времени и опираются на современную им византийскую традицию.

Временем становления русской исторической науки считается семнадцатый век. Византийский материал, наряду с античным, лег в основу нового времени, целью которого было доказательство преимуществ монархии, что обосновывалось историческим опытом Византии. Зарождение византистики в Западной Европе связывается с развитием классических штудий в XIV – XV вв. Важное значение имели переводы Бруни Аретино и Христофоро Персона источников по истории народов Восточной Европы – сочинений Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского, издательская деятельность венецианских гуманистов.

В XV – XVI вв. появляются первые опыты изучения византийских источников по истории тюркских народов (8-томная «Туркогреция»). Издание серии трудов византийских историков – Никиты Хониата, Никифора Григоры, Лаоника Халкокондила – открывало путь для исследований материалов важнейших византийских источников по истории Руси и Причерноморья.

Эти традиции были развиты учеными эрудитской школы в конце XVI – XVII вв. Крупнейшее событие – выход с 1645 по 1711 гг. под руководством Ф. Лаббе 42 томов Парижского корпуса византийских историков – подготовило условия для источниковедческих занятий в XVIII в. с целью изучения русских древностей.

В. Н. Татищев опирается на таких византийских авторов XII в., как Иоанн Цец, Зонара, Евстафий, Никита Хониат, Михаил Глика. Материалы античных и византийских писателей составляют самостоятельные разделы «Истории Российской», посвященные истории скифов, сарматов, гетов, готов и других народов Причерноморья.

С 1771 по 1779 гг. вышло издание выдержек из византийских источников, подготовленное И. Штриттером (*Memoriae*). Его свод до сих пор остается наиболее объемным трудом такого рода, куда включены известия византийцев за весь период существования Византийской империи – с IV до середины XV в. Основная часть свода Штриттера была тогда же переведена на русский язык.

В XVIII в. началась систематическая публикация полных переводов важнейших византийских источников, содержащих сведения и о Руси, и о ближайших ее соседях. В середине XIX в. выходят 10 томов переводов византийских историков (серия «Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии»).

В конце XIX в. появилась первая византиноведческая работа. Ю. А. Кулаковский собрал данные классических византийских (вплоть до XV в.) источников о народах Северного Кавказа (Кулаковский. 1899). Целью работы было доказать автохтонность аланского (индоевропейского) населения Северного Причерноморья, определить значение христианства для данного региона, выявить международные связи раннесредневекового Аланского государства.

Однако русская византиноведческая школа была создана В. Г. Васильевским. Его ранние работы – «Византия и печенеги», «Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI – XII вв.» – посвящены вопросам русско-византийских отношений, истории кочевников, международной политической жизни средневековой Европы. Васильевский не только проводил детальный анализ вводимых им в научный оборот новых источников, но и на их основе решал крупные проблемы русской истории. Большую роль в изучении источников Византии сыграло творчество другого русского византиста – Ф. И. Успенского. В его работах решались проблемы славянской государственности, участия русских и куманов в освобождении Болгарии от византийского господства, византийских традиций на Руси, которые оценивались им с позиций панславизма и православия. События византийской истории с точки зрения их значения для Руси рассматриваются в монографиях В. С. Иконникова, Ф. А. Терновского и Х. М. Лопарева.

В конце XIX – начале XX в. в России начинается издание афонских актов. Издаются акты шести афонских монастырей, составившие серию «Акты Афона».

В XIX в. в Западной Европе византинисты и филологи-классики школы Б. Г. Нибура с 1829 по 1897 гг. выпускают 50-томный Боннский корпус писателей византийской истории (CSHB Bonn), которым ученые пользуются и поныне. В Италии выходят в свет тексты из рукописных коллекций Ватикана. Во Франции также появляются серии публикаций византийских источников Б. Газе, Э. Миллера, а с 1857 г. начинает выходить «Патрология» Ж.-П. Миня – самое объемное (166 томов) серийное издание текстов византийских авторов. На основе материалов этих изданий проводятся источниковедческие изыскания вплоть до сегодняшнего дня.

В советский период (1929 г.) Отделение общественных наук АН СССР решило приступить к изданию византийских, западноевропейских и арабских текстов, имеющих отношение к древнейшей истории Руси. Публикация материалов о Тмутараканском княжестве, о походах Руси на Константинополь, о русско-византийских экономических и культурных связях вызвало развитие новых конкретно-исторических и обобщающих исследований начиная с 1950-х гг. Это работы М. В. Левченко, А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина, И. С. Чичурова, М.В. Бибикова. Был введен в научный оборот новый ценный материал по истории Руси.

Зарубежом разработка тех же проблем проходила на фоне интенсивного освоения новых источников, в первую очередь, материалов из афонских архивов, а также серийного издания «Архивы Афона» (Archives. 1937 – 1994), содержащих ценные сведения по истории Руси. Появились исследования болгарских, румынских, венгерских византинистов (В. Н. Злотарского, И. Дуйчева, Н. Йорги, Д. Моравчика) по истории народов Восточной Европы и Причерноморья.

Большое значение имеет выпуск томов свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» и «Свода древнейших письменных известий о славянах» (Свод). В свете этих изданий поставлены новые задачи исторических исследований. Изменился взгляд на средневековый текст в целом. «Потребительское» отношение к источнику уступило место восприятию культуры прошлого в категориях, адекватных представлениям изучаемого времени.

**Славяне и Анты
в византийских
источниках (V – VII вв.)**

В византийских источниках древнейший период славянской истории на территории нашей страны традиционно связывался с племенами венетов/венедов в позднеантичное время и антов в период раннего средневековья. Начальный период истории Руси характеризуется как «антский» и во многих научных трудах Левченко, Мишулина, Рыбакова, Грекова. Однако вопрос об антской атрибуции древнейшей отечественной истории сложен.

Источники о славянах составляли ограниченный корпус, который нес хрестоматийный характер, что привело в отечественной науке к тому, что анализ источника стал подменяться «потребительским» поиском «совпадений» между данными того или иного фрагмента известий о славянах.

Сведения античных авторов I – II вв. н.э.: Плиния, Тацита, Птолемея, а также Певтингеровой карты и византийского историка Приска Панийского (V в.) о венедах/венетах касаются быта варварских племен первых веков нашей эры. Собственно «славяне» (под своим именем-самоназванием «словене») в данных источниках не упомянуты.

Византийский историк и дипломат Приск Панийский (410/420 – около 475), участвовавший в посольствах к гуннскому вождю Аттиле (умер в 453 г.), ведший переговоры в Риме, Дамаске, Александрии и описавший как очевидец историю «варварских» завоеваний, называл описываемые им племена, находившиеся под властью гуннов, скифами. Этот собирательный этникон обозначает северных варваров вообще, как кочевых, так и оседлых, без различия их этнической принадлежности. Описание быта этих скифов и вызывает «славянские» ассоциации: использование однодеревок-моноксил в качестве судов (характерное для славян от первых балканских походов в VI в. до последнего похода Руси на Константинополь в 1043 г.), посеvy проса, употребление «медового» и ячменного напитков и т.п. Некоторые исследователи подчеркивают этническую неопределенность этих «хозяйственно-культурных» характеристик; неясен и язык, которым пользуются эти варвары, неизвестен у славян и обычай «гостеприимного гетеризма», упоминаемый Приском у «скифов»:

«Правившая в селении женщина... послала нам пищу и красивых женщин для соития. Это по-скифски знак уважения. Ласково поблагодарив женщин за предложенную еду, мы отказались от сношения с ними» (цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 87).

Наиболее значительные и по объему, и по разнообразию известий о – работы «Книги о войнах» Прокопия Кесарийского. Прокопий (около 500 – около 560) – центральная фигура ранневизантийской историографии, автор многочисленных и пространных сочинений в жанре исторической прозы.

Прокопий происходил с Востока: он родился в Палестине, в Кесарии Севастийской, в знатной, семье, образование риторическое получил также в одном из главных центров культуры византийского Востока – в Бейруте. Его дальнейшая жизнь секретаря, советника, посланника тесно связана с судьбой могущественного полководца Велисария.

Существенно для оценки исторической информации Прокопия то, что описываемые им земли и события он видел сам: принцип личного присутствия автора был для него основой «истины». Он донёс до нас и уникальные сведения о древних славянах – склавинах и антах.

«...племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. А также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них у ног, схвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избежат ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав [смерти], жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения. Вступая же

в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни [их] грубый и неприхотливый, как и у массагетов, и, как и те, они постоянно покрыты грязью, – впрочем, они менее всего коварны и злокозненны, но и в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех, и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неимоверно обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра» (Цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 183 –185).

Традиционными при описании «варварского» мира в византийской историографии становятся еврипидовская тема вероломства, коварства «скифов» и одновременно геродотовский мотив простоты их нравов, наивности, неиспорченности «цивилизацией», что было использовано и Прокопием.

В первом же упоминании у него склавины и анты объединены с гуннами, причем составляют с ними конное войско. В целом в этнографической характеристике склавинов и антов присутствуют известные стереотипы описаний варваров, но многие черты их быта соответствуют реалиям, известным по археологическим данным. Например, отмеченная Прокопием смена мест поселений характерна для подсечно-огневого способа земледелия. Утверждение Прокопия о едином и «совершенно варварском» языке склавинов и антов представляется существенным, так как сам этникон «анты» неславянский.

В сочинении «Ответы на вопросы» Псевдо-Кесария середины VI в. (Свод. 1991. Т. I. С.251 – 259) преобладают стереотипы описания «диких» народов, и параллели в рассказах о верованиях и обрядах славян с традиционной славянской атрибутикой скорее относятся к похожим, но общим характеристикам «нечистых» народов и «нечистой силы», чем к реалиям славянского быта.

Анты упоминаются также в актах византийских императоров наряду с прочими «подвластными» Византии народами. Они называются между германцами и аланами, но не восточноевропейскими, а африканскими. В «Хронографии» Иоанна Малалы (около 491 – 578), упомянуты одни «склавы», которые совместно с «гуннами» нападали на Фракию в 559 г.

Свидетельствует об опустошительном походе славян на Фракию в царствование Тиверия Иоанн Эфесский. Следующий поход, согласно сирийскому источнику, они совершают, будучи под властью аваров; греки подкупают антов, и те нападают на землю славян.

В дальнейшем у византийского историка *Агафия Миринейского* (около 530 – около 582), жизнь которого была в основном связана со столицей, а также с другими центрами образованности византийского мира – Александрией и Смирной, – также вне всякой связи друг с другом фигурируют ант Дабрагез и славянин Сваруна, т.е. в более поздних источниках анты и славяне упоминаются раздельно.

«История» (VI в.) *Менандра Протектора* сохранилась лишь частично: дошедшие до нас фрагменты текста описывают события с 558 г. до воцарения византийского императора Маврикия (582 г.). Менандр получил юридическое образование, однако судебной практикой не занимался: при Маврикии он служил в императорской гвардии (отсюда и его прозвище – «протектор»).

В центре работы оказываются прежде всего внешнеполитические отношения Византийской империи с аварами, тюрками, славянами, гуннами. Составной частью повествования становятся географические, этнографические, историко-культурные экскурсы о них. Его информация о славянах и антах особенно ценна своей достоверностью, обилием и точностью непосредственных наблюдений.

Для взглядов Менандра характерна терпимость по отношению к иноплеменным народам, редкая для византийца-ортодокса. Так, тюрки не называются в «Истории» «варварами», а иноземный правитель может фигурировать в качестве «брата» византийского василевса (императора). Однако Менандру свойственны и многочисленные уничижительные оценки варваров:

«...так самонадеянно сказали славяне, но и авары продолжали говорить не менее высокомерно. Затем отсюда – оскорбления и грубости, и, как это присуще варварам, они из-за своенравного и над-

менного образа мыслей затеяли ссору друг с другом. И славяне, не способные обуздать свою досаду, прибывших к ним послов убивают, как это – разумеется, со стороны – стало известно Баяну (правителю аваров). Потому-то Баян, издавна упрекая в этом славян и питая к ним затаенную вражду, вообще гневаясь [на то], что не подчинились ему, а тем более что [он] жестоко от них потерпел, а вместе с тем и желая выказать кесарю благодарность и надеясь также найти страну [славян] весьма богатой, так как издавна [земля] ромеев [опустошалась] славянами, их же собственная [славянская] земля каким-либо другим из всех народов – никоим образом...» (цит. по: Свод. 1991. Т. 1. С. 321). Это описание включено в рассказ об одном из древнейших периодов славянской истории, датируемом 578 г.

В свою работу автор включает также важнейшие известия об аварском периоде антской истории, в частности, об опустошении аварами земли антов около 560 г. После 60-х гг. VI в. источники больше не сообщают об антских набегах вплоть до начала VII в. Таким образом, очевидно характерное для текстов второй половины VI в. разделение исторических судеб антов и славян. Анты прекращают походы на империю, а славяне начинают заселять Грецию.

Сведения по военной истории антов и славян содержатся в выдающемся памятнике византийской военной литературы – «Стратегиконе», автором которого считается император *Маврикий* (582 – 602). Он представляет своего рода энциклопедию военно-теоретической мысли, предназначался как для обучения воинов и военачальников, так и для практического применения в качестве руководства по ведению военных операций, по стратегии и тактике.

В нём приводятся свидетельства о битвах византийцев с неприятельскими армиями, прежде всего «варварскими». Помимо военно-технической стороны дела – описания приемов атаки и обороны «персов», «скифов», «гуннов», склавинов или антов, Маврикия интересуется и политический строй, обычаи, нравы, внешний облик иноземцев. Так в византийской традиции создавался и закреплялся определенный стереотип описания мира варваров. Четвертая глава XI книги «Стратегикона» специально посвящена славянам («склавам») и антам:

«Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами,

ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что, если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей; все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки... Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показаться в местах открытых и ровных не желают... Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо, даже если и соглашаются, то решенное тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому... Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, излишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к [их] объединению или монархии» (цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 369 – 375).

Таким образом, в «Стратегиконе» Маврикия в конце VI в. склавы и анты вновь объединены и характеризуются часто в соответствии с традиционными описаниями варварских народов. «В отличие от Прокопия, Маврикий нигде не говорит о каком бы то ни было этническом родстве склавов и антов, указывая лишь на единство их нравов» (Свод. 1991. Т. I. С. 380).

Россия в византийской традиции с середины X в.

В историографии до сих пор ведутся споры по поводу первого упоминания «росов» в византийских текстах. В источниках IX в. самое раннее зафиксированное в греческом памятнике сообщение о нашествии на византийский город в Малой Азии Амастриду «варваров-росов, народа, как все знают, жестокого и дикого» содержится в «Житии Георгия Амастридского» (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 643 – 644). Там говорится: «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверскими нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отечества святого (Георгия, т.е. Амастриды), посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одина- народов в иерархической системе государств ково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...» (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 64).

Автор жития повествует, как пораженный чудесными знаменьями у гробницы Георгия предводитель росов прекращает насилие, чинимое его воинами, и склоняется к правой вере:

«Варвар, пораженный этим, обещал все сделать как можно скорее. Дав вольность и свободу христианам, он поручил им и ходайство перед Богом и пред святым. И вот устраивается щедрое

возжжение светильников, и всеобщее стояние, и песнопение; варвары освобождаются от божественного гнева, устраивается некоторое примирение и сделка их с христианами, и они уже более не оскорбляли святых, не попирали божественных жертвенников, уже не отнимали более нечестивыми руками божественных сокровищ, уже не оскверняли храмы кровью. Один гроб был достаточно силен для того, чтобы обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство, привести [людей] более свирепых, чем волки, к кротости овец и заставить тех, которые поклонялись рощам и лугам, уважать Божественные храмы. Видишь ли силу гроба, поборовшего силу целого народа?» (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 64).

В. Г. Васильевский пришел к выводу, что автором памятника «Жития Георгия Амастридского» был известный агиограф диакон Игнатий (770/780 – после 845). Это позволило датировать памятник и тем самым упоминание в нем о нашествии росов периодом иконоборческой деятельности Игнатия, т.е. временем до 842 г. (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 14 – 67). Византинисты школы А. Грегуара пересмотрели выводы Васильевского, отнеся пассаж жития о нашествии росов к походу Игоря на Византию 941 г.

Дискуссия о датировке первого упоминания Руси в византийских текстах продолжается до настоящего времени. Если предположить, что «Житие Георгия Амастридского» написано до 842 г., то сведения о росах в нем являются первым упоминанием в византийских источниках.

Следует отметить, что других, кроме «Жития Георгия Амастридского», упоминаний народа рос в грекоязычной литературе до середины IX в. не существует.

По-настоящему известными в Византии народ рос и его название становятся после 860 г., когда войско росов осадило Константинополь. Описание осады сохранилось в нескольких произведениях, среди которых наиболее ценные принадлежат патриарху Фотию (около 810 – после 886), свидетелю и участнику этого события. Выдающийся деятель византийской образованности, литератор, знаток античности, полемист и канонист, Фотий оставил две речи-беседы, в заглавиях которых говорится о нашествии росов. Семью годами позже, в 867 г., Фотий направляет «Окружное послание» «восточным патриархам», где снова говорится о нападении в 860 г. на Константинополь «народа, ставшего у многих предметом частых толков,

превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам, – так называемого [народа] рос...». Это первое актовое упоминание Руси. Однако теперь, в 867 г., народ *рос*, по Фотию, стал «подданным и дружественным» Византии.

Аналогичным по содержанию и по форме свидетельствам патриарха Фотия является небольшой текст о нашествии росов в близком по времени агиографическом памятнике. *Никита Пафлагон*, родившийся около 885 г., в «Житии патриарха Игнатия» так описывает известный поход Руси на византийскую столицу:

«В это время запятнанный убийством более чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византия (т.е. Константинополя) острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали все, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами» (История Византии. 1967. Т. 2. С. 200.).

С росами, обитавшими в южной Таврике, связывается обычно упоминание «скифов», ведущих торговлю в византийской Амастриде. *Никита Пафлагон* пишет:

«О, Амастрида, око Пафлагонии, а лучше сказать – почти всей вселенной! В нее стекаются, как на общий рынок, скифы как населяющие северные *берега* Эвксина, так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары» (История Византии. 1967. Т. 2. С. 226).

В данном случае зафиксированы древнейшие торговые контакты между Византией и Русью.

Историографию X в. так или *иначе связывают с именем императора Константина VII Багрянородного* (905 – 959), номинально ставшего василевсом в 913 г. после смерти своего отца Льва VI, но начавшего править самостоятельно лишь в 945 г.

Наиболее объемным трудом историографического характера, связанным с именем Константина, стали сборники выдержек из античных и не византийских памятников. До нас дошли лишь немногие работы: «О посольствах», «О полководческом искусстве». В них использован богатый историографический материал.

Большое значение также имеют сочинения Константина Багрянородного, известные под условными названиями «Об управлении империей» (около 950 г.): «О церемониях византийского двора», или «Книга церемоний» и «О фемах». Каждый из этих трактатов основан на историческом материале.

«Об управлении империей», написанное в 948 – 952 гг. и адресованное сыну императора Роману, дает практические наставления по внешнеполитическим вопросам, приводит сведения о «варварских» народах, с которыми Византия имела те или иные контакты, – о печенегах, хазарах, русских, болгарях, тюрках и др. Трактат дошел в единственном списке, изготовленном, вероятно, с оригинала в 1059 – 1081 гг. по заказу кесаря Иоанна Дуки, т.е. произведение не покидало придворных кругов. В работе прослеживается тема о русско-печенежско-византийских отношениях:

«О печенегах и росах. [Знай], что печенеги стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб, [посему] и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с печенегами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с печенегами, так как печенеги имеют возможность – в то время, когда росы удалятся от своих [семей], – напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

[Поскольку] и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с печенегами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем выгатащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа печенегов и легко – не могут же росы двум трудам противостоять – побеждают и устраивают резню» (Константин. С. 37 – 39).

В «Книге церемоний» Константин впервые пользуется термином *Россия*. Этот термин для обозначения Руси впервые встречается именно у Константина Багрянородного.

Так термины «русская земля» и «страна русская» древнерусских летописей стали в византийских источниках соответственно выражениями «страна Росии» у Константина и «Российская земля» у Феодора Продрома. Этот термин закрепился и в документах константинопольского патриархата. В южнославянских памятниках именование государства *Рос(с)ия* появляется в XIV в., в самой России – со второй половины XV в. (Соловьев. 1957. С.134 – 155). В новое время форма с двумя «с» (*Россия*) в греческих текстах встретится лишь в XIV в.

В трактате «Об управлении империей» содержатся важнейшие свидетельства, касающиеся древнерусской истории. В главе IX описывается плавание караванов судов росов по пути «из варяг в греки». Перечисляются древнерусские города по пути следования: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, («Ольгин град» в «Повести временных лет»), Киев, Витичев, являвшиеся важными центрами Древнерусского государства. Константин упоминает также русских князей, называя их на византийский манер «архонтами Росии» – Игоря и Святослава.

В работах Константина Багрянородного подчеркиваются взаимоотношения росов и славян. Византийцы еще в X в. отчетливо разделяли росов и славян как в этнолингвистическом, так и в политическом отношении. Славянские племена, перечисленные в трактате, являются данниками («пактиотами») росов. Названия днепровских порогов «по-росски» и «по-славянски» подтверждают, что словом рос Константин обозначает скандинавов: славянские наименования, передаваемые Константином, «переводят» соответствующие скандинавские топонимы (см.: Константин. С. 319 – 321).

Очень интересны материалы о судах росов, их оснастке и названиях. Встречается термин *полудье*, как важнейшей институт социально-экономической и политической жизни Древней Руси:

«Приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киева, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии рубят в своих горах мощжсилы во время зимы и, снарядив их,

с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] вхожи в эту самую реку и отправляются в Киаву. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моносилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витчеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моносилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски «Не спи». Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, извергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестью, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что означает «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и труднопроходим. И вновь, высадив людей, они проводят моносилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов (печенегов). А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также, одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по

сю сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моноксилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как «Малый порог». Затем достигают так называемой переправы Крария, через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы – насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми.

Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуются «кружением», а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию» (Константин. С. 45 – 51).

В своих работах Константин выделяет «Внешнюю Росию», под которой подразумевалась Северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском. Собственно же Русь ограничивалась, вероятно, территорией, освоенной полюдем киевского князя. Если обратиться к названным в византийском трактате русским городам, то Русью в узком смысле слова следует считать, согласно Константину, Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли, т.е. территории Приднепровья.

Древнерусское общество делится Константином на дружину [«все росы» – выражение известно также из «Повести временных лет» (ПВЛ. С. 13, 18)] и славянские племена – кривичей, лендзян, а также «вервиан»-древлян, «другувитов»-дреговичей, северян и других, находившихся в отношении союзного данничества («пактиоты») по отношению к князю и «росам». Русского князя византийский источник называет «архонтом» – официальным греческим термином. Константин Багрянородный подчеркивает, что Святослав «сидел» в Новгороде во время княжения в Киеве Игоря. Это известие – самое раннее подтверждение обычая направления великим киевским князем своего сына на новгородский престол.

В трактате очень живописно описан языческий ритуал жертвоприношений, совершаемый росами по пути в Византию на острове Св. Григория (Хортице) (Константин. С. 327 – 328).

Всестороннее рассмотрение содержания этнонимов *рос* и *славяне* Константина с привлечением лингвистических и археологических данных позволяет сделать определенные выводы о происхождении имени Руси в Византии. Византийское наименование отрядов «северных варваров», нападавших на владения Византии, а с 860 г. и на Константинополь, непосредственно восходит не к древнерусскому русь, а к исходному для него древнескандинавскому самоназванию участников похода на восток – «гребцы».

О скандинавском происхождении росов прямо говорят и «Бертинские анналы» и византийские источники X в.: Константин Багрянородный, хроника Псевдо-Симеона, Георгий Амартол, Продолжатель Феофана. Наряду с Константином различает росов и славян и Продолжатель Феофана.

Значение термина *рос*, близкое к профессионализму, зафиксировано в византийских военных и морских трактатах X в., где «росы» представляют собой воинский контингент.

Предыстория крещения Руси Крещение Руси в 988 г. имело большое значение, оно придало мощный импульс тесному культурному взаимодействию Византии и Руси. Однако это событие имеет глубокую предысторию, относящуюся еще ко второй трети IX в. Тогда, судя по одному из посланий константинопольского патриарха Фотия, росы приняли христианство, и к ним направили византийского иерарха. Таким образом, появление

греческого священника в русской среде произошло более чем на столет раньше христианизации Руси князем Владимиром. Представление о Руси как христианской, дружественной Византии державе укрепилось с конца IX в. Византийский источник *«Жизнеописание императора Василия»*, составленное в середине X в. при непосредственном участии Константина Багрянородного, сохранило известие о направлении на Русь греческого архиепископа патриархом Игнатием в 70-х гг. IX в. В легенде анонимного сказания (так называемого «Анонима Бандури») об изобретении славянской азбуки Кириллом и Мефодием говорится о том, что они были посланы на Русь по просьбе князя Владимира византийским императором Василием I Македонянином. Все это говорит о пребывании в Киеве греческих иерархов и просветителей задолго до официального крещения Руси в 988 г. и имеет традицию более чем на столетие древнее, чем крещение Руси князем Владимиром.

Хроника Продолжателя Феофана сообщает о крещении Руси вслед за событиями похода на Константинополь в 860 г. Анонимное сочинение было создано, вероятно, около 950 г. в кругах императора Константина Багрянородного и освещает период с 813 по 961 г. В книге, посвященной правлению Михаила III, сообщается о набегах росов в момент церковного противоборства в византийской столице сторонников патриарха Фотия и будущего патриарха Игнатия: «...потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой – правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом, – а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их божьему крещению. Что и произошло» (Продолжатель Феофана. С. 84).

Так Продолжатель Феофана ставит оба события в непосредственную связь между собой: нападение росов, последующее их мирное посольство и принятие христианства.

Свет на принятие христианства на Руси до официального крещения проливает источник *«Жизнеописание императора Василия»*. Его сочинение до последнего времени приписывалось самому императору Константину VII Багрянородному, поставившему образ своего деда – основателя Македонской династии Василия I – в центр повествования всей хроники. *«Жизнеописание»* датируется временем после 943 – 950 гг.

Образ Василия I наделяется чертами мудрого политика, философа, ревнителя православия. Именно ему отводится роль просветителя славян, распространителя христианства среди других племен и народов, в том числе болгар и росов. Крещение болгарского царя Бориса относится к 864/68 гг., а в 870 г. по назначению константинопольского патриарха Игнатия в Болгарии утверждается архиепископство.

Повествуется об учреждении архиепископии на Руси, созданной заботами императора Василия I и патриарха Игнатия. Описывается своего рода ритуал «выбора веры», подкрепленного чудом с неопалимым Евангелием. Вслед за крещением части русской дружины около 860 г. при императоре Михаиле III и патриархе Фотии новый этап христианизации Руси, судя по данным Продолжателя Феофана, относится к периоду правления Василия I и патриарха Игнатия, примерно, ко времени около 874 г. Вот так описывает Продолжатель Феофана момент «выбора веры»: «Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он (Василий) склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку их подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая Священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому Завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: «Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках и печи, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим». А он, веря в истину рекшего: «Если что попросите во имя мое, то сделаю» и «Верующий в меня, дела, которые творю я, и он сотворит и больше сих сотворит, когда оное должно свершиться не напоказ, а для спасения душ», сказал им: «Хотя и нельзя искушать Господа Бога, но если от души решили вы обратиться к Богу, просите,

что хотите, и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны». И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому. После этих слов поднял иерей глаза и руки к Богу и рек: «Прославь имя твое, Иисус Христос, Бог наш в глазах всего этого племени», – и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти заповоротов книги не испортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению» (Продолжатель Феофана. С. 142 – 143).

В Византийской историографии представление о том, что в глазах византийцев Русь была страной христианской, стало общераспространенным. Более того, нередко считается, что Византия даже «не заметила» крещения Руси Владимиром.

Помимо известных хронографических данных о распространении христианства на Руси в последние годы были обнаружены новые материалы неизданных рукописных текстов. Они позволяют по-новому подойти к вопросу о взгляде византийцев на крещение Руси.

В одном из источников – брюссельском кодексе, переписанном в Константинополе между 1280 и 1300 гг., находится краткая императорская хроника с заметкой о первом походе Руси на Константинополь. Заметка этой хроники важна тем, что является единственным источником, сообщающим точную дату похода. В конце хроники, охватывающей более чем тысячелетнюю эпоху – от Юлия Цезаря до Романа III (1028 – 1034 гг.), находится следующее сообщение:

«Михаил, сын Феофила, [правил] со своей матерью Феодорой четыре года и один – десять лет и с Василием – один год четыре месяца. В его царствование 18 июня, в 8-й индикт, в лето 6368, на 5-й год его правления пришли росы на двухстах кораблях, которые ...были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены» (Шрайнер. 1991. С. 153).

Дата 18 июня 860 г. удостоверена в хронике. Но в заметке ничего не говорится о крещении росов.

Ничего не сообщает о ранней христианизации Руси и другая рукописная запись из Парижского кодекса о походе Руси 941 г., после которого, как известно из «Повести временных лет», был заключен русско-византийский мир князя Игоря 944 г., причем часть посланников, представлявших Русь, как следует из текста договора, давала клятву в храме Св. Ильи, т.е. была христианизирована:

«В 14-й индикт, в июне 6449 [года] произошло нашествие на город (т.е. Константинополь) десяти тысяч кораблей русского флота, в царствование Романа Старого, который царствовал с Константином – сыном Льва, сына Василия Македонянина» (Шрайнер. 1991. С. 154).

Этот источник отличается от известного свидетельства хроники Продолжателя Феофана, сообщающей день нападения на византийскую столицу – 11 июня: «Четырнадцатого индикта, июня месяца, одиннадцатого [числа] пришли росы на Константинополь с десятью тысячами кораблей».

В Парижском кодексе рядом с указанной выше записью о походе русского флота сохранилось другое, единственное в византийских источниках, свидетельство о крещении Руси: «В царствование императора Василия Македонянина, в 6390 г. был крещен народ Рос».

Византийские источники также говорят о крещении Руси при Владимире. Хорошо известна роль в деле распространения христианства и просвещения на Руси византийской принцессы, ставшей русской княгиней, Анны – сестры императора Василия II Болгаробойца и жены киевского князя Владимира. Брак Владимира и Анны тесно связан с условиями крещения Руси в 988 г. Последние искусствоведческие исследования выявили роль гречанки в деле христианского строительства, создания первого храма в Киеве, разработки фресковых композиций св. Софии.

Между тем сведений о ней очень мало и в древнерусских, и в византийских памятниках. Из византийцев лишь Скилица сообщает о рождении Анны сразу после известия о смерти ее отца, императора Романа II: «Его власть наследуют дети его Василий и Константин вместе с матерью Феофаной, родившей ему за два дня до смерти и дочь, которую называли Анной». Зная, что Роман II скончался 15 марта 963 г., рождение Анны следует отнести к 13 марта.

Скилица так же сообщает и о бракосочетании Анны с русским *архонтом* Владимиром, объясняя брак необходимостью получить военную помощь русских дружин: «Он ведь призвал их на помощь в войне, сделав архонта Владимира зятем благодаря своей сестре Анне». Это свидетельство, дословно переданное Иоанном Зонарой, также попадает в византийскую историографию XII в.

У Скилицы сохранилось упоминание и о смерти Анны: при описании событий, случившихся между 1022 и 1025 гг., он замечает, что «Анна, сестра императора, умерла в России, до нее же – ее муж Владимир...». В «Повести временных лет», напротив, о смерти Анны сообщается в 1011 г., тогда как Владимир княжил до 1015 г.

Даже отдельные заметки, краткие и фрагментарные, затерявшиеся среди листов часто забытых манускриптов, могут дать существенные уточнения и дополнения, помочь разгадать исторические загадки. Это касается и вопроса христианизации Древней Руси.

Княгиня Ольга в Константинополе

Отношения между Русью и Византией носили дипломатический характер, который отличался обменом посольств, торгово-купеческих караванов, посланий, направлением клириков, художников и архитекторов из Византии, а позже и из Руси: монахов на Афон, паломников в Палестину.

Важное место в отношениях двух государств уделялось церемониям приемов, торжественных обедов, официальных и неофициальных бесед. Ритуал подобных представлений был строго дифференцирован в зависимости от ранга гостя, досконально расписывался в руководствах по приемам послов. Прекрасный образец такого памятника – *трактат-обрядник, автором которого до последнего времени считали императора Константина VII Багрянородного.*

В произведении «*О церемониях византийского двора*» детально расписана режиссура приемов, в частности иностранных посольств, в соответствии с рангом приезжающих. Для нас, историков, огромное значение имеет подробное описание приема княгини Ольги в Константинополе, устройтелем которого был сам Константин. В предисловии автор пишет об историографическом значении своего произведения:

«Множество событий забывается и ускользает за большой промежуток времени, и если бы пренебрегали великим и почетным

занятием – описанием царских обрядов, если бы это, так сказать, обрекли на вымирание, на царскую власть можно было бы смотреть как на будничное и поистине лишенное красивой внешности явление». Работа основана на собственных авторских наблюдениях, а события прошлого описываются по литературным произведениям и, возможно, архивным документам. Константин пишет: «...мы решили все то, что самими нами видено и в наши дни принято, тщательно выбрать из множества источников и представить для удобного обозрения в этом труде тем, кто будет жить после нас; мы покажем забытые обычаи наших отцов, и, подобно цветам, которые мы собираем на лугах, мы прибавим их к царской пышности для ее чистого благолепия».

О поездке княгини Ольги в Константинополь и ее крещении имеется множество источников, к числу которых относятся древнерусские «Повесть временных лет», «Память и похвала князю Владимиру», латинская «Хроника Продолжателя Регинона», византийские хроники Иоанна Скилицы (XI в.) и Иоанна Зонары (XII в.). Сочинение Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» занимает особое место. Описание приема Ольги в Константинополе в 15-й главе книги II – не только единственное свидетельство современника, очевидца, даже участника событий, но и главного их организатора и постановщика. Неслучайно оно было создано как официальное руководство с изложением принципов и норм византийской дипломатии. Кроме того, при подготовке текста Константин использовал официальные документы своей канцелярии, протоколы приемов Ольги, регистрационные записи.

Описание Константина – самый полный и подробный отчет о пребывании Ольги в Византии. Напротив, Иоанн Скилица лишь кратко сообщает о рассматриваемом событии:

«И жена некогда отправившегося в плаванье против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер ее муж, прибыла в Константинополь. Крещенная и открыто сделавшая выбор в пользу истинной веры, она удостоившись великой чести по этому выбору, вернулась домой». Константин доносит до нас детальные подробности приемов Ольги:

«Другой прием – Эльги Росены (т.е. «русской»). Девятого сентября, в четвертый день [недели], состоялся прием... по прибытии

Эльги, архонтиссы Росии. Сия архонтисса вошла с близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней. Остановилась она на месте, где логофет (начальник ведомства почт и внешних связей) обычно задает вопросы. За ней вошли послы и купцы архонтов Росии и остановились позади у занавесей. Все дальнейшее было совершено в соответствии с вышеописанным приемом.

Выйдя снова через Анадендрарий (оранжерея) и Триклин кандидатов (зал дворца), а также Триклин, в котором стоит камелавкий (вид императорского венца) и в котором посвящают в сан магистра, она прошла через Онопод и Золотую руку, т.е. портик Августия, и села там. Когда же василевс обычным порядком вступил во дворец, состоялся другой прием следующим образом.

В Триклине Юстиниана (зал Юстиниана II) стоял помост, украшенный порфирными дионисийскими тканями, а на нем – большой трон василевса Феофила, сбоку же – золотое царское кресло. За ним, позади двух занавесей, стояли два серебряных органа двух партий, ибо их трубы находились за занавесями. Приглашенная из Августия, архонтисса прошла через Апсиду, ипподром и внутренние переходы самого Августия и, придя, присела в Скилах (строение, примыкающее к Триклину Юстиниана). Деспина (императрица Елена) между тем села на упомянутый выше трон, а ее невестка – в кресло. И [тогда] вступил весь кувуклий (дворцовые евнухи) и препозитом (начальник евнухов) и остиарием (привратник) были введены вилы (вельможи различного ранга).

Итак, лишь после этого вошла архонтисса, введенная препозитом и двумя остиариями. Она шла впереди, а родственные ей архонтиссы и наиболее видные из ее прислужниц следовали за ней, как и прежде было упомянуто. Препозит задал ей вопрос как бы от лица августы (императрицы), и, выйдя, она [снова] присела в Скилах.

Далее, когда василевс с августой и его багрянородными детьми уселись, из Триклина Кенургия была позвана архонтисса. Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала.

В тот же самый день состоялся клиторий (званный обед) в том же Триклине Юстиниана. На упомянутый выше трон сели деспина и невестка. Архонтисса же стояла сбоку. Когда трапезит (распоряди-

тель пира) по обычному чину ввел архонтисс и они совершили проскинесис (ритуальное prostиrание ниц перед императором), архонтисса, наклонив немного голову, села к апокопту (стол для высших персон) на том же месте, где стояла, вместе с зостами, по уставу. Певчие апостолиты и агиософиты (т.е. певчие храмов св. Апостолов и св. Софии) присутствовали на этом клиторий, распевая василикии (панегирики в честь василевса). Разыгрывались также и всякие театральные игрища.

А в Хрисотриклине («золотой зал» дворца) [в то же время] происходил другой клиторий, где пировали все послы архонтов России, люди и родичи архонтиссы и купцы. [После обеда] получили: анепсий (племянник или двоюродный брат.) ее – 30 милиарисиев (серебряная монета, одна тысячная золотого фунта.), 8 ее людей – по 20 милиарисиев, 20 послов – по 12 милиарисиев, 43 купца – по 12 милиарисиев, священник Григорий – 8 милиарисиев, 2 переводчика – по 12 милиарисиев, люди Святослава – по 5 милиарисиев, 6 людей посла – по 3, переводчик архонтиссы – 15 милиарисиев.

После того как василевс встал от обеда, состоялся десерт в Аристирии (зал для завтрака), где стоял малый золотой стол, установленный в Пентапиргии (зал, где выставлялись сокровища). На этом столе и был сервирован десерт в украшенных жемчугами и драгоценными камнями чашах.

Сидели [здесь] василевс, Роман – багрянородный василевс, багрянородные их дети, невестка и архонтисса. Было вручено: архонтиссе в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше – 500 милиарисиев, 6 ее женщинам – по 20 милиарисиев и 18 ее прислужницам – по 8 милиарисиев. Восемнадцатого сентября, в воскресенье, состоялся клиторий в Хрисотриклине. Василевс сидел [здесь] с росами. И другой клиторий происходил в Пентакувуклии св. Павла, где сидели деспина с багрянородными ее детьми, с невесткой и архонтиссой. И было выдано: архонтиссе – 200 милиарисиев, ее анепсию – 20 милиарисиев, священнику Григорию – 8 милиарисиев, 16 ее женщинам – по 12 милиарисиев, 18 ее рабыням – по 6 милиарисиев, 22 послам – по 12 милиарисиев, 44 купцам – по 6 милиарисиев, двум переводчикам – по 12 милиарисиев» (цит. по: Литаврин. 1981. С. 42 – 44).

В историографии развернулась оживленная дискуссия о датировке посольства (или посольств) княгини Ольги. Литаврин доказывает, что Ольга ездила в Константинополь дважды. Первый визит, датируемый 946 г., был связан с утверждением договора Руси и Византии 944 г. и направлен на получение более благоприятных торговых условий и на укрепление политических связей с империей. Второй – это упомянутая летописцем поездка под 954/55 гг. по приглашению византийского двора, увенчавшаяся большим успехом, в том числе крещением Ольги. Посольство укрепило союз двух государств, вследствие чего возросла военная помощь Византии со стороны Киева. В ходе поездки Ольга приняла христианство.

Возражая Литаврину, А. В. Назаренко приходит к заключению, что на основе имеющихся данных гипотезу о датировке приемов Ольги в Константинополе 946 г. «нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Она возможна, так же как и гипотеза о 957 г.». Решающее значение придается данным «Повести временных лет», где указывается лишь на 957 г.

В книге Константина обращает на себя внимание эстетическое, эмоциональное воздействие на гостей увиденного в византийской столице: им обычно демонстрировались императорские и церковные сокровища, памятники искусства, драгоценности. Этой же цели служили и богатые, часто ошеломляющие подарки визитерам, поднесение которых сопровождалось особым ритуалом.

Итоговым для Византии результатом русско-византийских соглашений было участие русских войск в боевых операциях византийской армии. В конце 950 – 960-х гг. при императорах Романе II (959 – 963) и Никифоре Фоке (963 – 969) дружина росов участвовала во всех экспедициях византийского флота.

Русь в византийской дипломатии. Договоры Руси с греками в X в.

В «Повести временных лет» сохранены древнейшие документальные памятники русско-византийских отношений – договоры Руси с греками 907, 911, 944 и 971 гг. Составлению дипломатических документов всегда предшествовали походы русских князей на Византию – Олега, затем Игоря и, наконец, Святослава. Правовыми актами юридически закрепить результаты кампаний.

Русско-византийские договоры – древнейшие дипломатические акты Древней Руси. Детальный текстологический, дипломатический и правовой анализ показал, что в текстах древнерусских и классических византийских договоров прослеживаются переводы стереотипов, известных по сохранившимся греческим подлинным актам либо другим памятникам византийского права.

В 907 г. не было, по всей видимости, выработано реального документа с необходимым набором дипломатических атрибутов, но было заключено лишь общее соглашение. Договоры с Византией следует считать древнейшими письменными источниками русской государственности. Вместе с тем, будучи международными договорными актами, они зафиксировали нормы международного права, а также правовые нормы договаривающихся сторон, что означает вовлечение каждой из них в орбиту другой культурно-юридической традиции.

К нормам международного права можно отнести те статьи русско-византийских договоров, аналоги которым наблюдаются в текстах ряда других договоров Византии. Это относится к ограничению срока пребывания иноземцев в Константинополе, к нормам берегового права, положению о беглых рабах, о термах (банях), ограничению на вывоз шелка, а также протокольным требованиям наличия печатей у послов и купцов.

История русско-византийских отношений после первого крупного военного конфликта в 860 г. и, вероятно, первых шагов к христианизации Руси – это история войн и перемирий, конфликтов и союзов, заключения брачных контрактов и ведения скрытых войн без оружия, выразившихся в организации дипломатической изоляции, протокольных унижениях, проведении политики «разделяй и властвуй».

Договор 907 г. характеризуется как отсутствием оригинального текста, так и молчанием в византийских источниках о походе Олега на Царьград.

Самый полный и подробный текст русско-византийского соглашения представляет нам договор князя Игоря 944 г. Заключение данного акта – следствие военного конфликта между Русью и Византией. Византийские хроники наряду с «Повестью временных лет» и творчеством арабского писателя ал-Масуди сохранили свидетельства о походе Руси на Константинополь, начавшийся 11 июня 941 г. Полки росов ошеломили византийцев, ведя успешные боевые дей-

тивя, опустошая окрестности столицы и близлежащие острова и предместья. 15 сентября они пустились в обратное плавание, в ходе которого потерпели поражение в новой битве. Об этом сообщают две другие хроники X в.: Продолжателя Феофана и Псевдо-Симеона. Продолжатель Феофана так повествует о событиях 941 г.:

«Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков. Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу (Фаросом называется сооружение, на котором горит огонь, указующий путь, идущим в ночи), патрикий, расположившийся у входа в Евксинский Понт, неожиданно напал на них на Иероне, получившем такое название из-за святилища, сооруженного аргонавтами во время похода. Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальных же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сгоре (место на вифинском побережье.). И послан был тогда по суше им наперехват из стратигов патрикий Барда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы заpastись провиантом и всем необходимым, но Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший domestик схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена (т.е. Босфора.), а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у

росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска domestика схол Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не умели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена» (Продолжатель Феофана. С. 175 – 176).

Хроника Продолжателя Феофана называет росов «дромитами» и указывает на их «франкское», т.е. западноевропейское происхождение.

Походы Последний из известных по русским летописям **Святослава** договор Руси и Византии связан с итогами войны князя Святослава в византийских дунайских провинциях в 970 – 971 гг. Наиболее полную информацию о ходе этих событий мы узнаем из «Истории» византийского писателя *Льва Диякона*. Работа была написана после 992 г. в пору правления Василия II и охватывала царствование трех его предшественников: Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, т.е. 959 – 976 гг. Лев Диякон родился около 950 г. в малоазиатском селении Калой, затем приехал учиться в столицу империи, там стал дияконом, и в правление Василия II состоял в придворном клире. В этом качестве он и сопровождал василевса в окончившийся неудачей болгарский поход 986 г.

Конец VIII и вся IX книга «Истории» Льва Диякона посвящены описанию сражений армии Святослава с византийским войском у Доростола (Дристры). Лев Диякон представляет росов воинственным племенем:

«Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев (т.е. византийцев), и дрались, напрягая все силы». Вместе с тем он отказывает им

в воинском искусстве, утверждая, что они сражаются лишь в пешем строю и совершенно не могут ездить верхом и потому непригодны для кавалерии. Кроме того, они пасуют под ударами техники: «Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом пронесли над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов». Воинский опыт и стратегическое мастерство византийской армии противопоставляются звериным повадкам противников:

«Росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство» (Лев Диакон. С. 74).

Лев Диакон знает поименно как русских князей, так и некоторых предводителей войска. Он называет «Сфенкела, почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава, доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в том бою» (Лев Диакон. С. 76). Сфендославом назывался князь Святослав, заключивший с ромеями соглашение, которое так описывает Лев Диакон:

«Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, [на поле] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей... всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Доростол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «индийского огня», который мог даже и камни превращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византию (т.е. Константинополь), как было установлено прежде... Император... с радостью принял условия [росов], заключил с ними

союз и соглашение и дал им хлеба – по два медимна на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев» (Лев Диакон. С. 81).

Лев Диакон представляет весьма живописный портрет князя Святослава:

«Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами» (Лев Диакон. С. 82).

Недавно был издан по хранящейся в Эскуриальской библиотеке под Мадридом греческой рукописи XI в. табель о рангах, в соответствии с которым должностные лица и сановники занимали свои места на официальных приемах. «Эскуриальская тактика» датируется как раз временем правления Иоанна Цимисхия или началом царствования Василия II (с 979 г.). Этот источник сообщает новые сведения об административном устройстве Руси второй половины X в. и позволяет конкретизировать взаимоотношения Византии с Русью и выходцами из Руси в последней четверти X в.

Последняя война Руси и Византии

Почти столетие спустя после Льва Диакона войны Святослава описал другой авторитетный византийский историк – *Иоанн Скилица*, родившийся после 1040 г. Выходец из малоазиатской семьи, Скилица был магистром, имел довольно высокие придворные титулы. Его основное историографическое произведение «Обзорение историй» примыкает хронологически к «Хронографии» Феофана, охватывая

события с 811 по 1057 г. В книгах, посвященных правлению императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, рассказывается и о ходе русско-византийской войны Святослава.

Скилица сообщает о византийском посольстве во главе с вельможей Калокиром к «правителю Росии Сфендославу» с целью вынудить его на военные действия против болгар. Однако вскоре Святослав стал действовать вместе с болгарами против Византии: в поход «росы и их архиг Сфендослав» собрали триста восемь тысяч воинов. Вопреки мнению Льва Диакона, свидетельствует историк и о наличии в армии Святослава сильной конницы.

Среди полководцев росов особо выделяется Сфангел, известный из сочинения Льва Диакона как Сфенкел: «Сфангел, который возглавлял все войско, находившееся в Преславе (он считался среди скифов вторым после Сфендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, запер ворота, обезопасив их засовами, взшел на стену и поражал нападающих ромеев различными стрелами и камнями». И в следующей битве, под Доростолом (Дристрой) он показывает чудеса доблести, гибнет, и росы терпят после этого сокрушительное поражение, несмотря на еще большую по сравнению с началом кампании их численность: войско Святослава насчитывало уже к этому времени триста тридцать тысяч.

В решающей же битве войско росов возглавлял уже другой воевода – также известный из «Истории» Льва Диакона – Икмор.

«Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения».

Иоанн Скилица излагает свою версию заключения русско-византийского мира 971 г., приписывая инициативу проведения переговоров, в отличие от Льва Диакона, императору Иоанну Цимисхию, первому обратившемуся к Святославу.

Еще одним автором, повествовавшим о военных событиях византийцев с росами, является Пселла. В рассказе о последней русско-византийской войне он говорит о своем присутствии рядом с императором во время битвы.

«Неисчислимое, если так можно выразиться, количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду (Мраморное море). Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город...

Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами. ...[Когда] власть перешла к неизвестному Михаилу (Михаилу V, правившему пять месяцев в 1041 – 1042 гг.), варвары снарядили против него войско; избрав морской путь, они нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, проделав все втайне, собрали большой флот и готовы быстро двинуться на Михаила... Пока все это происходило и война только грозила нам, не дождавшись появления росов, распрощался с жизнью и этот царь, за ним умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий, власть же досталась Константину (IX), и варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была беспричинная причина их похода на самодержца.

Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего предложили нам мир, если мы согласимся заплатить за него большой выкуп, назвали при этом и цену: по тысяче статеров на судно с условием, чтобы отсчитывались эти деньги не иначе, как на одном из кораблей... Когда послов не удостоили никаким ответом, варвары сплотились и снарядились к битве; они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали захватить город со всеми его жителями...

Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота..., он торжественно возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок...

И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильного душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, покато спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями.

Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам; те легко и стройно поплыли вперед...

В тот момент последовал второй сигнал, и в море вышло множество триер, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уж наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство...

И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море» (Пселл. С. 95 – 97).

О причинах войны 1043 г. иначе рассказывает Иоанн Скилица. Он повествует о какой-то ссоре между купцами на константинопольском рынке, в результате которой был убит знатный русский. В ответ на это князь Владимир Ярославич собрал стотысячное войско и, отвергнув извинения прибывших послов от василевса Константина Мономаха, двинулся на Царьград.

Поход Владимира Ярославича на Царьград в 1043 г. нашел отражение и в русских летописях, где предводителем войска назван Вышата: Владимир, согласно летописцу, также участвовал в походе, однако русский флот был разбит морским штормом (ПВЛ. 67). Выбравшиеся на берег воины во главе с Вышатой («Повесть временных лет») были пленены византийцами, ослеплены и три года томилась в неволе. В XI в. изменился политический курс Константина IX Мономаха по отношению к варяго-русскому корпусу, выразившийся в попытке его расформировать. Именно в этот момент уходит из Византии со своими норманнскими воинами Харальд Суровый Правитель (1015 – 1066), позднее король Норвегии, находившийся на службе у византийских императоров с 1034 г. Константин его не отпускает, и Харальду приходится тайно бежать. В византийской литературе об этом, известном также по исландским сагам, эпизоде, а также о дальнейшей судьбе Харальда сообщает византийский автор наставительного трактата.

Обострение отношений между варяго-русскими наемниками и императором отразилось и на отношении византийцев к Руси в целом: убийство в Константинополе «знатного скифа» – русского купца – и стало, по словам как Скилицы, так и хрониста XII в. Иоанна Зонары, предлогом для войны. Вряд ли случайным совпадением может быть произошедшее в это же время, судя по актам Русского монастыря на Афоне, разорение пристани и складов Русика, как называлась эта обитель (Акты. № 3).

Однако вскоре после конфликта отношения Византии и Руси были восстановлены, а заключенный в 1046 г. мир был закреплен браком Всеволода Ярославича с дочерью императора Марией.

Продолжала свою службу и наемная дружина варягов и росов. Упоминаний об ее участии в византийских войнах XI в. много. Это и кампания против сельджуков в Грузии в 1053 и 1074 гг., в Армении в 1057 и 1071 гг., битвы с печенегами на территории Фракии и Македонии в 1050 г., бои с сицилийскими норманнами в 1047 г., у Отранто в 1064 г. Во многих случаях росы прямо названы участниками сражений. Они помогают византийским императорам, не раз защищая их во время мятежей, столь частых в византийской истории XI в.

О корпусе в XII в. мы ничего не знаем. Это позволило сделать вывод о прекращении деятельности росов в Византии. И только анализ эволюции основного источника по истории варяго-русской дружины – афонских актов – позволил пересмотреть это заключение. В четырех актах второй половины XI в. из архива Лавры св. Афанасия перечисляются иностранные наемники, входившие в состав византийской армии, в том числе русские, варяги, кулпинги (колбяги), болгары и др.

Русско-византийские отношения в XII – XIII вв.

Принято считать, что в результате притока в Византию англо-саксов после завоевания в 1066 г. Англии норманнами русские, игравшие важную роль в наемном корпусе византийской армии в 40 – 60-х гг., уступают свое место с 70-х гг. XI в. выходцам из Англии и Скандинавии (Васильевский. 1908. Т. I). В XII в. не прекращаются контакты между древнерусскими княжествами и Византией. Один из ярких примеров – посольство Мануила Комнина на Русь в 1165 г., описанное историком, императорским секретарем *Иоанном Киннамом* (после 1143 г. – начало XIII в.). Участник походов императора Мануила I (1143 – 1180), он был свидетелем многого из того, что сохранило его «Историческое повествование». Императорский секретарь-историк был осведомлен о документах, протоколах, договорах, тексты которых хранила византийская императорская канцелярия.

Византийское посольство на Русь описано Киннамом в связи с событиями византино-венгеро-русских политических и династических взаимоотношений в середине 60-х гг. XII в. Рассказ о по-

сольстве Мануила Комнина включен Киннамом в рассказ о том, что Византийский император Мануил обратился за помощью против Венгрии к архонту тавроскифской [страны], направив ему следующее [послание]: «Мы не уподобимся тебе в недружелюбии, которое ты без всякой нужды явил по отношению к нам, когда пренебрег словами и договорами, в которых ты клялся прежде. Я ставлю [тебя] перед лицом [твоего] бесчестия, [поскольку] ты сам рискуешь оказаться совершенно обесчещенным. Знай, что ты отдаешь замуж свою дочь за короля пеонцев, человека злонравного и ужасно ненадежного в помыслах, ибо он никогда и никак не внимал ни праву, ни истине. А человеку, чуждому как естеству, так и законам, я считаю, легко сделать все, во что бы он ни был вовлечен. Итак, да не женится Стефан на твоей дочери! Если же женится, то будет с ней связан не более чем с распутницей. Ибо тот, кто так погрешил по отношению к нашей державе, не постыдившись недавно данные клятвы обратить в шутку, – подумай, как бесчеловечно поступит он по отношению к тебе!».

«Есть в тавроскифской стране город по имени Киама (Киев), который превосходит все другие города, воздвигнутые там, и является митрополией этого народа, так как сюда прибывает и архиерей из Византии (Константинополя). У города есть и другие привилегии старшинства. Так вот, правитель этой страны и сам стал союзником в войне против Стефана, решение о чем подтвердил клятвами».

Иерослав – это галицкий князь Ярослав (1153 – 1187), сын князя Владимира Галицкого, сильный, могучий правитель разросшегося к тому времени княжества. Упоминаемый Росислав – это великий князь киевский Ростислав Мстиславович (1161 – 1167). По сообщению Киннама, именно он клятвой подтвердил свое согласие оказать Византии помощь в действиях против Венгрии. Итак, отношения Киева с Византией, натянутые в начале правления Ростислава, впоследствии улучшились в результате посольства Мануила Комнина.

Но в историографии сложилось мнение об ослаблении русско-византийских контактов в XII в. (особенно к концу века): отсутствие прямых военных столкновений, внешнеполитическая опасность для каждой из сторон обусловили ослабление связей. Прекращает существование наемный корпус византийской армии, составленный из русских, вытесненных англичанами. Ничего не известно о Русском монастыре на Афоне с последней трети XII в. и т.д.

Тем не менее в этот период развиваются посольские отношения.

Однако во второй половине XII – начале XIII в. русско-византийские отношения не ограничивались, видимо, посольскими делами. Дело, возможно, доходило и до прямых военных столкновений. Так, по сообщению Николая Месарита, участники мятежа Иоанна Комнина 1201 г. требовали, чтобы ромеев не побеждали ни «скифы», ни «болгарин», ни «тавроскифы», ни другие «варвары». Возможно, речь идет о русских, называемых обычно «тавроскифами». Во всяком случае, из работ Никиты Хониата мы знаем об участии «тавроскифов»-бродников в борьбе болгар против Византии. Таким образом, прослеживаются интенсивные взаимоотношения древнерусских княжеств с Византией на протяжении всего XII и начала XIII в. Так политические связи двух государств не ослабевали в XII в., как считалось ранее.

Конфессиональные связи Руси с Византией

Конфессиональные связи Руси с Византией носят давний характер.

Известно о них в основном по древнерусским источникам. Греческие памятники содержат упоминания об иерархах Руси. Благодаря греческой надписи на свинцовой печати рубежа X – XI вв. «Иоанн митрополит Росии» нам достоверно известно имя второго по счету киевского митрополита. Третьему пастырю Руси принадлежала сохранившаяся свинцовая митрополичья печать с именем Феопемпта («Господи, помози Феопемпту, митрополиту Росии»: Актовые печати. Т. I. С. 44). Преемнику Илариона на митрополичьей кафедре греку Ефрему (1054/55 – 1061/62 гг.) принадлежала свинцовая булла, обозначая тем самым высокий придворный ранг иерарха. Три известные греческие печати принадлежали следующему митрополиту Руси – греку Георгию (1062 – около 1075), носившему титул синкелла («Господи, помози Георгию, митрополиту Росии и синкеллу») (Актовые печати. Т. I. С. 47).

К первой половине XII в. относятся греческие свидетельства о двух следующих митрополитах Руси. Это печати «проэдра Росии» Николая (до 1097 – после 1101) и «архипастыря Росии» Михаила (1130 – 1145/46). Два типа печатей связаны с киевским митрополитом греком Никифором (1104 – 1121): один с надписью «Пресвятая, храни меня, Никифора Росии», другой — «Храни меня, Никифора, по твоему Промыслу архипастыря всея Росии, Сыне» (Актовые пе-

чати. Т. I. С. 48 – 49). В русских переводах сохранились его четыре послания, написанные по-гречески и адресованные Владимиру Мономаху. Одно из них посвящено проблемам разделения церквей и великому князю Ярославу Святополчичу: «Написание на латыню... о ересях».

Преемником Климента Смолятича на киевском церковном престоле был грек Константин I, рукоположенный в Константинополе в 1155 г. (умер около 1159 г.), автор «Речи о жертвоприношении нераздельной Троице во время евхаристии».

В XII в. активизируются русско-византийские церковные отношения. И появляются патриаршие послания из Константинополя на Русь. Лишь в русском переводе дошло до нас послание константинопольского патриарха Николая IV Музалона к епископу Нифонту Новгородскому от 1149 г.

Другое послание из Константинополя, дошедшее в русской версии, – «Грамота великого патриарха Луки ко князю Андрю Ростовскому Боголюбскому», датируемая 1160 или 1168 г. Автор её – известный константинопольский патриарх Лука Хрисоверг (1157 – 1169/70), в юрисдикции которого находилась тогда и русская церковь.

В послании, адресованном к великому князю владимирскому Андрю Юрьевичу (1157 – 1174), патриарх сообщает о получении в Константинополе грамоты князя, доставленной послом (Пространная редакция называет имя посла: Яков Станиславич), и об оглашении ее на соборе. Патриарх хвалит Андрея за процветание веры в его государстве, о чем известно не только на основании данного послания, но и от княжеского епископа, находившегося в то время в Константинополе и засвидетельствовавшего все описанное в послании перед собором и императором, в частности, о росте и укреплении княжеского города Владимира и большом церковном строительстве в нем. В своей грамоте князь просил, чтобы город Владимир и его княжество не подчинялись церковной юрисдикции ростовского и суздальского епископства, но имели бы свою собственную митрополию кафедру; при этом князь предложил утвердить митрополитом Феодора. Патриарх отвечает отказом, так как на Руси могла быть только одна митрополия – в Киеве. Далее патри-

арх говорит о получении княжеских грамот, обвиняющих епископа ростовского, которого патриарх, в свою очередь, берет под защиту, говоря о его невиновности и настаивая на том, чтобы князь вновь принял епископа в своем городе. Заключается послание угрозами отлучения ослушавшихся воли патриарха.

Так церковно-канонические, на первый взгляд, проблемы, которым посвящено послание Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому, отражают важные события русско-византийских политических взаимоотношений середины XII в., а также определенные черты развития политической системы самого русского государства.

Послание обнаруживает, с одной стороны, давно проявлявшееся стремление князя Андрея к независимости русской церкви от Константинополя, выразившееся в действиях Андрея Боголюбского, сместившего греческого епископа и выдвинувшего своего ставленника Феодора на самостоятельно образованную владимирскую кафедру. С другой стороны, рассматриваемая грамота свидетельствует об активной политической борьбе Владимиро-Суздальского княжества за общерусский приоритет своей земли, за превращение своей столицы в общерусский политический центр. С этим связано и большое церковное строительство во Владимире, о котором идет речь в послании.

Таким образом, в середине XII в. Русь постоянно находится в поле зрения византийских церковных иерархов, что и отражают документы константинопольского патриархата. Послание Луки Хрисоверга – не единственный документ подобного рода. Византия упорно стремилась к усилению своей власти над церковью Руси, намереваясь через духовную сферу оказывать политическое влияние на русских князей.

С патриархом Лукой Хрисовергом связаны и документ, осуждающий ересь Леон(т)а Ростовского, и утверждение решения Андрея Боголюбского об установлении праздника Спаса 1 августа, и патриаршее посольство к князю Ростиславу, и назначение ростовского епископа. Тексты большинства этих актов утрачены, но упоминания о них в летописях и ссылки на них свидетельствуют об интенсивности русско-византийских церковных контактов в этот период. Только благодаря греческой дипломатии нам известен еще один

митрополит Руси, поименованный в Синодальном постановлении константинопольского патриархата от 24 марта 1171 г., грек Михаил. После завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. церковные связи Руси и Византии не прерывались: поставление киевских митрополитов оставалось делом вселенских патриархов, оказавшихся вместе с императорским двором в Никее. Никейский патриарх Герман II (1222 – 1240) направил в 1228 г. в Киев митрополиту Кириллу I (1224 – 1233) известное послание, дошедшее только в русской версии, о непоставлении рабов в священнический сан; в нем князьям запрещалось вмешиваться в церковную юрисдикцию, в частности, в имущественные дела монастырей и приходов. Никейским патриархом был рукоположен и другой митрополит Руси – Кирилл II, возглавивший кафедру с 40-х гг. XIII в. и ставший последним киевским владыкой (до 1281 г.).

Таким образом, в XII – XIII вв. очевидна активизация творческой деятельности поставленных из Византии киевских митрополитов, одни из которых известны лишь по летописным упоминаниям и греческим легендам печатей, большинство же оставило яркий след в древнерусской книжности и даже в летописании.

Место русской церкви в структуре епархиальной организации Византии определялось специальными «Перечнями епископий». Русская митрополия впервые называется в подобном списке конца X в., в одном из вариантов которого имеется уточнение: (митрополия) «Киева Росии». С конца XII в. в «Перечнях епископий» упоминаются также самостоятельные митрополии «Руси Преславны» и «Великой Росии». Образование титулярной Переяславской митрополии на Руси датируется второй половиной XI в. «Великая Росия» могла включать в себя и многочисленные местные епископские кафедры Руси, образование первых из которых относится уже к 90-м гг. X в.:

Новгородская, Белгородская, Черниговская, затем Переяславская, Полоцкая, Владимиро-Волынская, Перемышльская, Туровская, Юрьевская, Ростовская, Смоленская, Галичская, Рязанская, Владимиро-Суздальская и другие епископии упоминаются в византийских «Перечнях епископий» XII – XIV вв. Это свидетельствует о хорошем знании в Византии географической и административно-территориальной структуры Древней Руси.

Образ Руси

в византийской литературе

В византийских источниках XII – XIII вв. содержится немало сведений о территории Руси, ее областях, указываются *топографические* особенности южной границы русских княжеств, т.е. обнаруживается широкое знакомство с территориально-политической структурой Руси. Наибольшее количество свидетельств византийских источников относится к Галицкой Руси – самой близкой к Византии территориально и потому занимавшей в международных связях империи видное место. Византийские авторы знают границы Галицкой земли: непосредственно соприкасаясь на западе с Венгерским королевством, на юге она доходила до отрогов Карпат. Галицкое княжество рассматривалось как одна из [волостей] Руси, но вместе с тем, улавливается отношение византийцев к нему как к некоей самостоятельной территориальной и политической единице: во всяком случае, галицкий князь противопоставляется «властителю» Киева – центра всей Руси.

В Византийских источниках более сложным оказалось определение этнических характеристик Руси. Все «северные» народы, по мнению византийцев, принадлежат к «скифской общности». Так, этноним росы (русские) синонимичен, по Иоанну Цепу, имени «тавры», которые оказываются «скифским» племенем. Это отражает традиционное у византийцев наименование русских античным термином «тавроскифы».

Центром связей были Крым и Приазовье, где находились владения как Византийской империи, так и русских князей. Установлено, что в конце XII в. в землях Боспора Киммерийского действовал византийский податный сборщик, а в Керчи был византийский наместник, т.е. Византия имела в Крыму свои территории. На протяжении всего рассматриваемого периода встречаются сообщения о функционировании крымских церковных епархий константинопольского патриархата Сугдеи, Фуллы, Готии, Херсона, Хазарии, Боспора, Сугдофуллы.

Вместе с тем сообщается о русских купцах, спешащих в Солунь из Крыма, об императорских актах второй половины XII в., не гарантирующих итальянским купцам свободы и безопасности торговли в районе Крыма и Приазовья. К середине XIII в. уже упоминается о набегах «скифов», т.е. половцев или татар, на крымские города. Таким образом, Крым и соседние с ним земли представляли собой своеобразную часть русской земли, где происходили непосредственные контакты русских с византийцами – церковные, торговые, политические.

Библиографический список

1. Акрополит, Георгий. Летопись / Георгий Акрополит. – СПб., 1863.
2. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси. X – XV вв / В. Л. Янин. – М., 1970. – Т. 1, 2.
3. Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. – 1873.
4. Комнина, Анна. Алексиада / Анна Комнина ; пер. Я. Н. Любарского. – СПб., 1996.
5. Стриттер, И. Известия византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен и переселения народов / И. Стриттер. – СПб., 1771 – 1775. – Т. 1 – 4.
6. Ган, К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе / К. Ган. – Тифлис, 1884 – 1890.
7. Советы и рассказы Кекавмена / изд. и пер. Г. Г. Литаврина. – М., 1972.
8. Киннам, Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов / Иоанн Киннам. – СПб., 1859.
9. Багрянородный, Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный ; пер., коммент. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М., 1989, 1991. – (Древнейшие источники по истории народов СССР).
10. Диакон, Лев. История / Лев Диакон ; пер. М. М. Копыленко. – М., 1988.
11. Вриенний, Никифор. Исторические записки / Никифор Вриенний. – СПб., 1856.
12. Григора, Никифор. Римская империя / Никифор Григора. – СПб., – 1862.
13. Хониат, Никита. История / Никита Хониат. – СПб., 1860.
14. Бенешевич, В. Н. Сборник памятников по истории церковного права / В. Н. Бенешевич. – СПб., 1915.
15. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд. / подгот. М. Б. Свердлов. – СПб., 1996.
16. Повесть о Нифонте, епископе Новгородском // Памятники старинной русской литературы / Г. Кушелев-Безбородко. – СПб., 1862. – Т. 4.

17. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / пер. Я. Н. Любарского. – М., 1992.

18. Кесарийский, Прокопий. Война с готами / Прокопий Кесарийский ; пер. С. П. Кондратьева. – М., 1996.

19. Он же. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Прокопий Кесарийский ; пер. А. А. Чекаловой. – М., 1993.

20. Шелл, Михаил. Хронография / Михаил Шелл ; пер. Я. Н. Любарского. – М., 1978.

21. Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. / Г. Г. Литаврин, Л. А. Гиндин. – М., 1991 – 1995. – Т. 1.

22. Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения («Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора) / И. С. Чичуров. – М., 1980. – (Древнейшие источники по истории народов СССР).

23. Баран, В. Д. Черняховская культура и готская проблема / В. Д. Баран, Е. Л. Гороховский, Б. В. Магомедов // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). – Киев, 1990. – С. 30–78.

24. Барсов, Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью / Т. В. Барсов. – СПб., 1878.

25. Бенешевич, В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. / В. Н. Бенешевич. – СПб., 1905.

26. Бибиков, М. В. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР / М. В. Бибиков // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. – М., 1978. – С. 92–100.

27. Он же. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII – XIII вв.) / М. В. Бибиков // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1980, 1981. – С. 5–151.

28. Он же. Византийская историческая проза / М. В. Бибиков. – М., 1996.

29. Он же. К проблеме византийской агиографии / М. В. Бибиков // Византийские очерки. – М., 1996. – С. 50–55.

30. Он же. Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.) / М. В. Бибиков. – М., 1996.

31. Васильевский, В. Г. Труды / В. Г. Васильевский. – СПб., 1908–1930.

32. Вернер, И. К. К происхождению антов и склавен / И. К. Вернер // Советская археология. – 1972. – № 4. – С. 102 – 115.
33. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М., 1944.
34. Замысловский, Е. Царствование Федора Алексеевича / Е. Замысловский. – СПб., 1871.
35. Иконников, В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории / В. С. Иконников. – Киев, 1869.
36. о. Иоанн [Экономцев]. Византия – Православие – Россия. – М., 1992.
37. История Византии. – М., 1967.
38. Истрин, В. М. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград / В. М. Истрин // Изв. Отделения русского языка и словесности АН. – 1916. – Т. 21. – Кн. 2. – С. 215 – 236.
39. Каждан, А. П. Византийский податный сборщик налогов на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. / А. П. Каждан // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. – М., 1963. – С. 93 – 101.
40. Он же. Неизвестное греческое свидетельство о русско-византийских отношениях в XII в. / А. П. Каждан // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972. – С. 235 – 236.
41. Карпозилос, А. Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя / А. Карпозилос // Византийский временник. – 1988. – Т. 49. – С. 112 – 118.
42. Карышковский, П. О. К истории Балканских войн Святослава / П. О. Карышковский // Византийский временник. – 1953. – Т. 7. – С. 224 – 243.
43. Каштанов, С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X – XVI вв. / С. М. Каштанов. – М., 1996.
44. Кулаковский, Ю. А. Аланы по сведениям классических византийских писателей / Ю. А. Кулаковский. – Киев, 1899.
45. Лавровский, Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками / Н. А. Лавровский. – СПб., 1853.
46. Левченко, М. В. Византия и славяне в VI – VII вв. / М. В. Левченко // Вестник древней истории. – 1938. – № 4(5). – С. 23 – 48.
47. Он же. Очерки по истории русско-византийских отношений / М. В. Левченко. – М., 1956.
48. Литаврин, Г. Г. Болгария и Византия в XI – XII вв. / Г. Г. Литаврин. – М., 1960.

49. Литаврин, Г. Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. / Г. Г. Литаврин // Византийский временник. – 1967. – Т. 27. – С. 71 – 86.

50. Он же. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников / Г. Г. Литаврин // Византийский временник. – 1981. – Т. 42. – С. 35 – 48.

51. Он же. Реплика на статью А.В.Назаренко / Г. Г. Литаврин // Византийский временник. – 1989. – Т. 50. – С. 83 – 84.

52. Он же. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии / Г. Г. Литаврин // Византийские очерки. – М., 1991. – С. 60 – 82.

53. Он же. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус / Г. Г. Литаврин // Византийский временник. – 1993. – Т. 54. – С. 81 – 92.

54. Мишулин, А. М. Древние славяне и судьба Восточно-римской империи / А. М. Мишулин // Вестник древней истории. – 1939. – № 1. – С. 290 – 307.

55. Он же. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. / А. М. Мишулин // Вестник древней истории. – 1941. – № 1. – С. 230 – 280.

56. Мошин, В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI – XII вв. / В. Мошин // Byzantino-Slavica. – 1947. – Т. 9. – С. 55 – 85; 1950. – Т. 11. – С. 32 – 60.

57. Назаренко, А. Л. Когда же ездила княгиня Ольга в Константинополь? / А. Л. Назаренко // Византийский временник. – 1989. – Т. 50. – С. 66 – 83.

58. Павлов, А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян / А. С. Павлов. – СПб., 1878.

59. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М., 1966.

60. Петрухин, В. Я. Легендарная история Руси и космологическая традиция // Механизмы культуры. – М., 1990. – С. 99 – 115.

61. Пигулевская, Н. В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н.э. / Н. В. Пигулевская. – М., 1952. – С. 42 – 48.

62. Подскальски, Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988 – 1237 гг.) / Г. Подскальски. – СПб., 1996.

63. Попов, А. Е. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI – XV вв.) / А. Е. Попов. – М., 1875.

64. Поппэ, А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии / А. Поппэ // Византийский временник. – 1968. – Т. 28. – С. 85 – 108.

65. Приселков, М. Д. Русско-византийские отношения в IX – XII вв. / М. Д. Приселков // Вестник древней истории. – 1939. – № 3. – С. 98 – 109.

66. Рыбаков, Б. А. Анты и Киевская Русь / Б. А. Рыбаков // Вестник древней истории. – 1939. – № 1. – С. 310 – 320.

67. Он же. Киевская Русь и русские княжества. XII – XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.

68. Сахаров, А. Л. Дипломатия Древней Руси / А. Л. Сахаров. – М., 1980.

69. Седов, В. В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / В. В. Седов. – М., 1982.

70. Соколов, П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV в. / П. Соколов. – Киев, 1913.

71. Соловьев, А. В. Византийское имя России / А. В. Соловьев // Византийский временник. – 1957. – Т. 12. – С. 134 – 155.

72. Сюзюмов, М. Я. Вспомогательные исторические науки и внутренняя критика при датировке событий / М. Я. Сюзюмов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Свердловск, 1974.

73. Тихомиров, М. Н. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля» / М. Н. Тихомиров // Советская этнография. – 1947. – № 6 – 7. – С. 60 – 80.

74. Он же. О происхождении названия «Россия» / М. Н. Тихомиров // Вопр. истории. – 1953. – № 11. – С. 93 – 96.

75. Трубачев, О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье / О. Н. Трубачев // Вопр. языкознания. – 1981. – № 2. – С. 3 – 21.

76. Успенский, П. Восток христианский. История Афона / П. Успенский. – Киев, 1877. – Т. 1 – 3.

77. Успенский, Ф. И. История Византийской империи / Ф. И. Успенский. – СПб., 1913. – Т. 1. – Ч. 1, 2; Л., 1927. – Т. 2. – Ч. 1; М., 1997. – Т. 2. – Ч. 1, 2; М.; Л., 1948. – Т. 3.

78. Флоринский, Т. Афонские акты и фотографии с них в собраниях П. И. Севастьянова / Т. Флоринский. – СПб., 1880.

79. Фонкич, Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV – XVII вв. / Б. Л. Фонкич. – М., 1977.

80. Чичуров, И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранне-византийской историографической традиции (IV – начало IX в.) / И. С. Чичуров // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1983. – С. 5 – 146.

81. Он же. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь / И. С. Чичуров. – М., 1991.

82. Шевченко, И. И. Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. – 1993. – Т. 54. – С. 6 – 38.

83. Шрайнер, П. *Miscellanea Byzantino-Russica* / П. Шрайнер // Византийский временник. – 1991. – Т. 52. – С. 151 – 160.

84. Щапов, Я. Н. Византийское и южно-славянское правовое наследие на Руси в XI – XV вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1978.

85. Он же. Государство и церковь Древней Руси X – XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1989.

Вопросы для контроля и повторения

1. Что знают византийские источники о славянах V – VIII вв. и каким образом описывают их?

2. Как представляют себе византийские авторы христианизацию Руси?

3. Каковы обстоятельства заключения русско-византийских договоров X в. и каково соотношение в них византийского и русского права?

4. Каким предстает Древнерусское государство на страницах сочинений Константина VII Багрянородного?

5. Как освещают византийские источники балканские войны Святослава?

6. Каково было влияние Византии на становление русской церкви?

7. В каких областях и каким образом проявлялось византийское влияние на росов?

Тема 7. ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Арабский халифат

в средневековом мире

Одни из наиболее важных источников для изучения истории, исторической географии, этнографии Древней Руси и соседних народов Восточной Европы, особенно IX – X вв., – сочинения, созданные на арабском, персидском и сирийском языках в пределах Арабского халифата. К этой большой группе источников примыкают и некоторые памятники на древнееврейском языке; все они относятся к истории Хазарского каганата.

В конце 20-х гг. VII в. на территории Аравии было образовано государство во главе с религиозным реформатором Мухаммедом. Оно получило название Арабский халифат (рис. 4). Слово халиф – «заместитель» приобрело терминологическое значение в .632 г., когда после смерти Мухаммеда был избран его преемник, ставший главой мусульманской общины. В год смерти Мухаммеда халифат охватывал территорию Аравийского полуострова, но в результате победоносной экспансии арабов всего через 30 лет поглотил весь Сасанидский Иран, византийские владения на Ближнем Востоке, Египет и Ливию. Впоследствии арабами были завоеваны и другие земли, так что к середине VIII в. халифат включал в себя огромные пространства от Испании и Магриба на западе до Инда и среднего течения Сыр-Дарьи на востоке, от Дербента на севере до Египта и Аравии на юге. Политическим центром халифата до 750 г. был сирийский город Дамаск. В дальнейшем внешние границы халифата почти не менялись, но начался внутренний процесс обособления разноэтнических областей государства. В 750 г. опиравшуюся преимущественно на арабскую знать династию Омейядов сменили Аббасиды, выражавшие интересы феодалов местного происхожде-

ния, в особенности иранских. Появились первые признаки политического распада халифата. В разных частях некогда единого государства укреплялись местные династии: в Испании – уцелевшие от аббасидского погрома Омейяды, в Тунисе и Египте – Фатимиды, в Сирии – Хамданиды, в Средней Азии и Иране – Саманиды, Бунды, Газневиды, в Армении – Багратиды. Халифы, столицей которых был построенный ими Багдад, постепенно утрачивают политическое влияние. С 945 г., уступив светскую власть представителям иранской династии Бундов, багдадские халифы становятся прежде всего духовными главами мусульманского мира.

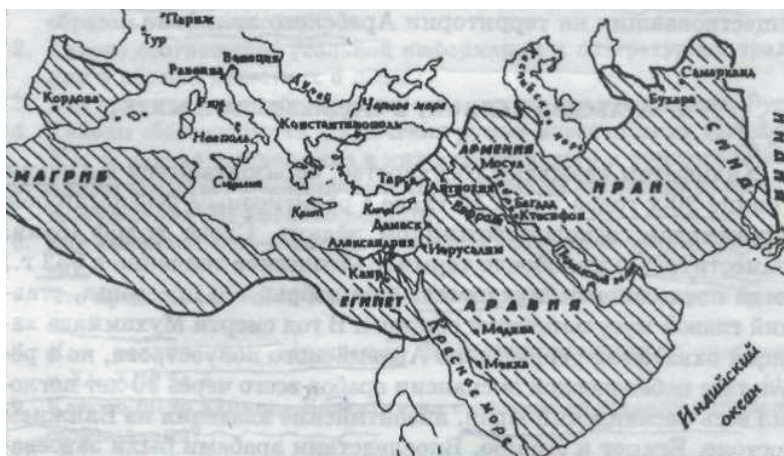

Рис. 4. Земли Арабского халифата

Арабский халифат в VIII в. состоял из арабов, которые представляли незначительную долю его населения. Однако им удалось создать условия для плодотворного взаимодействия входивших в халифат народов, результатом которого стало рождение новой богатейшей культуры, имевшей ислам как идеологическую основу и арабский язык в качестве государственного (с 705 г.). Поэтому культура халифата, которую принято называть арабской, на самом деле опиралась не только на собственно арабские традиции, но в очень большой степени и на наследие греко-римской, арамейской, персидской, индийской цивилизаций. Постепенное обособление восточных провинций халифата, населенных в основном иранцами, привело к тому, что с X – XI вв. языком культуры и науки наряду с арабским стал язык фарси.

Одна из важных особенностей культуры халифата по сравнению с западноевропейской культурой того же времени – гораздо большее распространение светского, в том числе научного, знания среди образованных слоев общества. Поиск знаний и обладание ими являлись главнейшими ценностными установками средневековой мусульманской культуры, в которой отсутствовали какие-либо формальные (например этноконфессиональные) ограничения на приобретение учеными. Стремление выйти за пределы привычного кругозора находило опору в завете Мухаммеда, которому приписывалось изречение: «Ищите науку хотя бы в Китае». Организация путешествий с познавательными целями как на государственном уровне, так и в порядке частной инициативы была весьма распространенным явлением в арабском мире. Наиболее знаменитая экспедиция такого рода была предпринята в годы правления халифа ал-Васика (842 – 847). Халифу однажды приснилось, будто рухнула железная стена, за которой были заключены враждебные людям существа Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог), жившие, согласно коранической традиции, на крайнем северо-востоке земли. На поиски этой стены и сбора сведений о ее состоянии ал-Васик снарядил экспедицию во главе с Саддамом ат-Тарджуманом («переводчиком»), которая через Кавказ и Хазарию добралась до Центральной Азии.

При халифах Аббасидской династии была развернута интенсивная переводческая деятельность, масштабы и сама организация которой были совершенно беспрецедентны для того времени. Ал-Мамун (813 – 833) учредил в Багдаде так называемый «Дом мудрости», где при специальной библиотеке трудилась коллегия переводчиков и штат ученых, переписчиков и переплетчиков. Неоднократно снаряжались археографические экспедиции в Византию за греческими рукописями. За сравнительно короткое время были переведены на арабский язык произведения почти всех основоположников греческой науки – Гиппократ (около 460 – 370 гг. до н.э.), Аристотеля (384 – 322 гг. до н.э.), Евклида (около 365 – 300 гг. до н.э.), Архимеда (287 – 212 гг. до н.э.), Птолемея (II в. н.э.) и многих других. Процесс освоения эллинистического наследия стимулировал развитие арабской науки, занимавшей передовые позиции в мире, по крайней мере, вплоть до эпохи крестовых походов.

Пути проникновения сведений о Восточной Европе в арабо-персидский мир

Сведения о народах Восточной Европы проникали в страны халифата различными путями. Одним из важнейших

каналов информации о восточно-европейском регионе была Византия. Вторжения славян на территорию империи, продолжавшиеся с разной интенсивностью весь VI в., завершились в VII в. широкой славянской колонизацией Балканского полуострова. Немало славян поселилось и в малоазийских провинциях Византии, которые после завоевания арабами Сирии в 635 – 636 гг. оказались ареной длительной арабо-византийской войны. Именно там арабы впервые познакомились со славянами, поразившими их своей внешностью. Наиболее раннее упоминание о «златокудых саклабах» относится к концу VII в. (около 640 – 710 гг.). Первые более или менее подробные сведения о народах Восточной и Центральной Европы проникли в арабо-персидскую историографию благодаря труду ал-Джарми (первая половина IX в.). О биографии и сочинении этого автора сохранилось единственное упоминание у писателя X в. ал-Масуди, который сообщает, что ал-Джарми находился в плену в Византии и был выкуплен в 845 г.

Когда попал в плен ал-Джарми и сколько лет он провел в плену, неизвестно. Согласно ал-Масуди, вместе с Муслимом ал-Джарми в 845 г. были освобождены арабы, взятые греками в плен в 837 г., однако остается неясным, принадлежал ли сам ал-Джарми к их числу. Тем не менее не исключено, что ал-Джарми находился в Византии во время прибытия туда посольства русов в 838 г. и мог узнать об этом событии. К сожалению, сочинение ал-Джарми, о котором упоминает ал-Масуди, не сохранилось, но в том, что им пользовались более поздние арабские писатели – Ибн Хордадбех, ал-Маеуди – сомневаться не приходится.

В более поздний период (XII – XIII вв.) одним из важных источников сведений о Восточной Европе стали для арабов рассказы византийских мореплавателей и купцов о плаваниях к северным берегам Черного моря.

Другим регионом, через который в арабский мир проникала информация о восточноевропейских народах, был Кавказ – близ Дербента проходила северная граница халифата. Первое появление

арабов под стенами Дербента относится к 642 – 643 гг., когда начались их столкновения с хазарами. Арабо-хазарские войны продолжались с переменным успехом вплоть до начала IX в. Их главной ареной был район Дербента и Закавказье, но в отдельных случаях военные действия переносились и далеко на Северный Кавказ. Неоднократно переходивший из рук в руки Дербент в 30-х гг. VIII в. был в конце концов захвачен арабами и надолго стал форпостом арабского влияния в этом регионе. На Кавказе арабы получили много информации о каспийских походах русов и об их военных действиях на стороне тех или иных местных правителей.

Большая часть этнографических сведений о восточноевропейских народах, в том числе о славянах и русах, поступала в мусульманский мир через Среднюю Азию. Завоевание арабами в начале VIII в. богатых среднеазиатских городов вывело их на торговые пути, которыми этот регион был издавна связан с народами Восточной Европы. Основных путей было два. Первый – сухопутный – шел из Хорезма через контролируемые кочевниками степи в Волжскую Булгарию. Второй – более безопасный – пролегал вдоль западного побережья Каспийского моря и вел в Хазарию, державшую в своих руках торговлю с Восточной Европой.

Информацию о русах – воинах и купцах – мусульманские авторы могли собирать не только на северо-восточных границах халифата, но и на крайнем западе арабского государства, в Испании, завоеванной арабами в начале VIII в. Данные, восходящие, если не целиком, то отчасти, к испано-арабским источникам, касаются набегов русов на испанские города, а также функционирования мировых торговых путей, отдельные участки которых проходили по территории Древней Руси и Восточной Европы.

Начиная с XII в., когда в Черном море стали появляться итальянские торговые суда, сообщения итальянских мореплавателей сделались ценным источником сведений о городах Северного Причерноморья для тех арабских ученых, которые жили в западных областях халифата.

Наконец, уникальные сообщения по этнографии и исторической географии Восточной Европы оставили арабские путешественники, совершившие путешествие в этот регион по Волге в домонгольское время – Ибн Фадлан в X в. и Абу Хамид ал-Гарнати в XII в.

Развитие географической науки

Дошедшие до нас известия восточных авторов о Древней Руси и Восточной Европе сохранились в письменных памятниках разных жанров.

Географическая литература, созданная в странах халифата, занимает совершенно особое место в истории географии как по богатству заключенного в ней материала, так и по разнообразию дошедших до нас произведений арабо-персидских авторов. В отличие от западноевропейской средневековой географии, идеи которой в значительной степени питались Священным писанием, арабская география выросла на почве чисто практических потребностей государства и общества.

Создав в короткий срок огромную и населенную разными народами империю, арабы оказались лицом к лицу с проблемой эффективного управления государством. Только для одного упорядочения сбора налогов требовалось большое количество сведений о провинциях халифата, о занятиях их жителей, о путях сообщения и т.п. Чтобы должным образом заботиться об охране границ государства, вести внешние войны или участвовать в международной торговле, надо было владеть знаниями о различных странах, как соседних, так и отдаленных. Не меньше, чем государственные чиновники, в сведениях географического характера нуждались и частные лица, для которых путешествия на дальние расстояния были привычным делом. Купцы по суше и по морю добирались до Индии и Китая, Кавказа и Поволжья, проникали в Центральную Африку и на Мадагаскар. Образованные люди совершали поездки из испанской Кордовы в среднеазиатскую Бухару, чтобы послушать знаменитых ученых. Паломники со всех концов халифата стекались в аравийский город Мекку – родину пророка Мухаммеда. Выполнение строго регламентированных религиозных обязанностей, налагаемых на мусульманина, требовало немалых познаний в области астрономической географии. Нужно было уметь точно определять начало и конец поста, время пяти ежедневных молитв, знать координаты Мекки и любых иных населенных пунктов мира, где мог оказаться верующий. Последнее было необходимо для установления так называемой киблы – направления в сторону Мекки при молитве или при постройке мечети.

Средством удовлетворения всех этих общественных потребностей и были географические произведения разных жанров, появившиеся как самостоятельные сочинения в конце VIII – IX вв. В это время арабы познакомились с трудами Птолемея, доступными им, как полагают, в сирийских переводах. Их изучение сопровождалось переработками птолемеевских материалов, которые положили начало астрономическому направлению в арабской географии, опиравшемуся также на индийское и иранское наследие. Основным жанром астрономической географии были *зиджи* – таблицы координат населенных пунктов. Постройка в первой трети IX в. двух обсерваторий – в Багдаде и около Дамаска – позволила вести самостоятельные астрономические наблюдения и перепроверить данные античных географов. Арабские ученые около 827 г. довольно точно определили величину градуса земного меридиана (ошибка составляла менее 1 км). Поэтому для территории халифата данные зиджей весьма точны. За точку отсчета долгот, по традиции унаследованной от греков, принимались Канадские острова, которые назывались «Островами блаженных». Из греческой традиции было заимствовано и учение об окружающем ойкумену Океане, заливами которого являлись все моря, а также идея о делении обитаемой части земли на широтные зоны – *климаты*.

Другое направление в географической литературе халифата было представлено описательной географией, называвшейся «наукой о путях и странах» или «наукой о почтовых станциях». Для нас особый интерес представляют богатые маршрутными данными «книги путей и стран», получившие особенное распространение в X в. Часто их авторами были не ученые, а занимавшие высокие посты чиновники. В XI–XII вв. появились географические словари, а также содержащие описание всей вселенной космографии. Очень популярны были рассказы о путешествиях. Произведения арабских географов IX – X вв. опубликованы в серийном издании «Библиотека арабских географов», осуществленном в 1870 – 1894 гг. выдающимся голландским ориенталистом М. Я. де Гуге.

Еще одну группу источников географического характера составляют карты. Первым арабским картографическим произведением, о котором мы имеем сравнительно достоверные сведения, является так называемая «мамуновская карта». Она была создана учеными

«Дома мудрости» для халифа ал-Мамуна в первой половине IX в. и известна по описаниям видевших ее более поздних авторов. В X в. в рамках жанра «книг путей и стран» была разработана серия карт, получившая наименование «Атласа ислама». Это собрание карт сопровождало произведения целого ряда географов X в. Количество и тематика карт, а также их порядок в атласе были строго регламентированы. Атлас включал в себя одну общую карту мира (с центром в Мекке) и 20 карт с изображением областей халифата, в том числе отдельные карты для Средиземного и Каспийского морей. Древнейшие из дошедших до нас памятников арабской картографии этого направления – карты ученого первой половины IX в. ал-Хоризми, в частности, его ориентированная на север карта с изображением Азовского моря (ал-Батиха). В середине XII в. ал-Идриси, опираясь на наследие Птолемея, создал серию прямоугольных карт, в совокупности составлявших общую карту мира.

Произведения

исторического жанра

Появление исторической литературы на арабском языке было тесно связано с распространением и утверждением ислама. Сказания о прошлом, опирающиеся на богатую иудео-христианскую традицию, составляют значительную часть текста Корана. Первые труды по истории на арабском языке были созданы в VIII в., но они сохранились и известны лишь по упоминаниям в других источниках. В VIII в. после завоевания Ирана арабами появились арабские версии официальной истории Сасанидов. От первой половины XI в. до нас дошел уже целый ряд сочинений исторического характера: жизнеописание Мухаммеда и сборник биографий его сподвижников (асхабов), труды об отдельных выдающихся событиях и военных походах. Как источник по истории Древней Руси и Восточной Европы арабо-персидская историческая литература изучена слабо. На русский язык переведены лишь отдельные фрагменты из различных исторических трудов, относящиеся к тем или иным регионам Восточной Европы. Поэтому при обращении к арабо-персидской историографии приходится прибегать либо к изданиям оригинальных текстов, либо к их переводам на европейские языки.

Особое место среди сочинений исторического жанра занимает историография на сирийском языке. Она древнее арабской и принадлежит иной культурной традиции – христианской. В I – VI вв.

сирийцы были самым главным торговым народом Ближнего Востока. Благодаря широким торговым связям они распространились на огромной территории от Восточного Средиземноморья до Кавказа, Средней Азии, Индии и Китая. Поскольку Сирия в III в. утратила государственную самостоятельность, сирийцам приходилось развивать свою культуру, находясь в составе сначала Византии и Ирана, а с VII в. – Арабского халифата. Поэтому многие сирийцы помимо родного языка владели и другими – греческим, арабским или персидским и иногда составляли свои сочинения параллельно на двух языках. В сирийских исторических сочинениях III – XIII вв. сохранился ценный материал о многих народах, населявших в то или иное время Восточную Европу, – гуннах, аварах, хазарах, булгарах, аланах.

Историография изучения восточных источников Опыт собирания источников вообще и восточных источников в частности в России был связан с именем графа Н. П. Румянцева (1754 – 1826), любителя русской истории. В начале XIX в. вокруг Румянцева сложился кружок видных ученых – археографов и источниковедов, занимавшихся исследованием русских и иноязычных источников по истории России.

Непосредственно у истоков научного изучения арабо-персидских источников по истории Древней Руси и Восточной Европы стоял выдающийся русский востоковед и нумизмат академик Х. М. Френ (1782 – 1851). В 1822 г. он опубликовал комментированную подборку арабских известий о хазарах и башкирах, позднее выпустил на немецком языке ставший классическим труд, посвященный сочинению побывавшего на Волге арабского путешественника Ибн Фадлана.

После появления труда Френа австрийский востоковед и дипломат Й. Хаммер-Пургшталь (1774 – 1856) по заказу Румянцева выпустил в свет в Санкт-Петербурге работу «О происхождении Руси» – первое собрание фрагментов арабских, персидских и турецких источников, имеющих отношение к ранней истории Руси.

В 1870 г. русский востоковед А. Я. Гаркави (1839 – 1919) опубликовал свод восточных данных о славянах и русах по X в. включительно. Он впервые свел воедино в русском переводе все доступные ему ранние восточные свидетельства о славянах и русах. Гаркави также издал подборку сведений еврейских писателей о хазарах и Хазарии. Собрания Гаркави не являются полными по охвату источ-

ников, поскольку во время их написания подлинники сочинений многих восточных авторов еще не были найдены, а другие произведения были известны лишь в поздних редакциях. Переводы Гаркави к настоящему времени уже устарели, но комментарии все еще сохраняют большое значение.

В 1878 – 1903 гг. историк и этнограф А. А. Куник (1814 – 1899) и востоковед В. Р. Розен (1849 – 1908) издали двухтомную работу об арабском дипломате и путешественнике X в. Ибрахиме ибн Йакубе, располагавшем ценными сведениями о славянских государствах своего времени. Текст Ибрахима ибн Йакуба дошел до нас лишь в составе сочинений более поздних авторов. Отдельное направление исследований было связано с именем академика-востоковеда Б. А. Дорна (1805 – 1881), который опубликовал собрание арабо-персидских известий о походах русов на Каспий в IX – XII вв.

В 30-х гг. столетия появились две публикации, посвященные анонимному персоязычному сочинению X в. «Худуд алалам» («Пределы мира»). Русский академик В. В. Бартольд (1869 – 1930) выпустил это издание в Ленинграде, а работавший в Англии В. Ф. Минорский – перевод на английский язык с подробнейшими комментариями и предисловием Бартольда.

Достижения отечественных ученых в деле изучения древнееврейских источников по истории Восточной Европы были обобщены выдающимся русским ученым П. К. Коковцовым, опубликовавшим в 1932 г. тексты еврейско-хазарской переписки X в.

В 1932 г. выдающийся арабист академик И. Ю. Крачковский (1883 – 1951) выступил с инициативой издания свода арабских источников по истории народов СССР. В рамках этого проекта появилось несколько публикаций, в том числе перевод записок Ибн Фадлана о путешествии на Волгу, выполненный А. П. Ковалевским (1995 – 1969).

Крупным знатоком восточных источников по истории Древней Руси был Б. Н. Заходер (1898 – 1960). Результаты его исследований обобщены в опубликованном двухтомном труде «Каспийский свод сведений о Восточной Европе». Заходер развивал идею о том, что в IX – X вв. в мусульманских странах, связанных с Восточной Европой посредством Волжско-Каспийского пути, сформировался более или менее устойчивый комплекс сведений о данном регионе.

В 1965 г. вышли в свет новые переводы арабо-персидских источников IX – XVI вв. по истории славян и Древней Руси, выполненные А. П. Новосельцевым.

Большое значение имеют работы В. М. Бейлиса в области арабского источниковедения, в частности, сделанный им перевод относящихся к Руси фрагментов сочинения географа XII в. ал-Идриси.

В 1988 г. появился первый восточный выпуск «Свода древнейших источников по истории народов СССР» под редакцией Т. М. Калининой. Он включал в себя фрагменты сочинений четырех арабских географов IX – начала X в., касающиеся Восточной Европы. Издание содержит сведения об авторе и его сочинении, публикацию арабского текста, русского перевода и комментариев к нему.

Восточная Европа в сочинениях арабских астрономов IX в.

Основоположником жанра астрономической географии был ал-Хоризми.

Сведения о его жизни очень скудны. Он был уроженцем среднеазиатского города Хорезма. Год его рождения по косвенным свидетельствам приходится на 80-е гг. VIII в. Дата смерти также определяется приблизительно – после 846 г. Ал-Хоризми много лет провел в Багдаде. Близко стоял к знаменитому «Дому мудрости», был придворным астрологом у халифов. Ал-Хоризми написал труды по целому ряду дисциплин – математике, астрономии, географии и истории, не все из которых дошли до наших дней. Латинские переводы математических сочинений ал-Хоризми были хорошо известны в Европе, начиная с XII в. По названию произведения ал-Хоризми «Книга ал-джабр» получил свое название один из разделов математики – алгебра. Само имя ал-Хоризми в его латинизированной форме Algorithmus стало математическим термином «алгоритм».

Сведения о Восточной Европе содержатся в географическом сочинении ал-Хоризми «Книга картины Земли», над которой он работал между 836 и 847 гг. К настоящему времени известна единственная рукопись этого произведения, датированная 1037 г. и ныне хранящаяся в университетской библиотеке Страсбурга.

В значительной степени труд ал-Хоризми – переработка «Географического руководства» Птолемея, обогащенная достижениями арабской географии. Современные ему сведения ал-Хоризми приводит в основном для стран халифата и тех территорий, с которыми

арабы имели политические и торговые отношения, прежде всего для областей Закавказья и Средней Азии. В описании же Восточной Европы преобладает птолемеевский материал.

Сведения о странах и народах Восточной Европы ал-Хоризми приводит в составе описания шестого и седьмого климатов, а также особого раздела о землях, лежащих к северу от седьмого климата. Ал-Хоризми сохранил птолемеевы наименования различных областей Восточной Европы, но переосмыслил их в свете современных ему данных. Как и Птолемей, ал-Хоризми называет две Сарматии, однако, их разграничение он проводит по-иному, чем александрийский ученый. В пределах Европейской Сарматии ал-Хоризми поместил не алан, как Птолемей, а бурджан (дунайских болгар). Аланы же оказались у него в пределах птолемеевской Азиатской Сарматии. Ал-Хоризми знал также Крымский полуостров. Гидрография и топонимика Восточной Европы в «Книге картины Земли» почти целиком восходит к Птолемею. Существенные расхождения с материалом античной географии касаются только описания и изображения Азовского моря. Согласно ал-Хоризми, Азовское море не было связано с Черным морем. Из народов Восточной Европы ал-Хоризми упоминает хазар, алан, бурджан. О славянах говорится как о жителях Ирмании, что соответствует «Великой Германии» Птолемея.

Сочинение ал-Хоризми легло в основу переработок других авторов в первой половине X в. и называлось «Книгой чудес семи климатов». Об авторе этого произведения ничего не известно. Сам же он называл себя *Сухрабом*, т.е. «беднейшим из людей».

Как и сочинение ал-Хоризми, книга Сухраба состоит из таблиц, где в порядке климатов приводятся названия различных географических объектов и их координаты. Однако сведения, взятые у ал-Хоризми, Сухраб подверг собственной переработке: значительно расширил информацию ал-Хоризми за счет современных ему арабских источников. В частности, Сухраб вносит изменения в описание Азовского моря, называемого им по имени прибрежного города *Тирма*. По определению Сухраба, «водоем Тирма» начинался «при соприкосновении с морем» (Сведения. С. 115).

Арабский географ *ал-Баттани* родился около 858 г. в городе Харране, в семье сабиев – последователей древних месопотамских астральных культов. Сам ал-Баттани считал себя мусульманином.

Почти всю жизнь он прожил в сирийском городе Ракке, где занимался астрономическими наблюдениями в местной обсерватории. Умер ал-Баттани в 929 г. Ал-Баттани написал несколько астрономических трактатов, из которых уцелел только один – «Книга сабиевских астрономических таблиц». При создании этого труда ал-Баттани опирался на материалы своего старшего современника и земляка Сабита ибн Курра, а также на сирийские обработки Птолемея и книгу ал-Хоризми. Сочинение ал-Баттани оказало большое влияние на развитие астрономии не только в мусульманских странах, но и в Европе, где результатами исследований ал-Баттани пользовались ещё в XVIII в.

Книга ал-Баттани содержит перечень координат для 273 географических объектов, которому автор предпослал обширное введение теоретического характера. Особый интерес в этом введении представляет шестая глава, где дается описание земли в целом, причем особенно подробно характеризуются моря, в том числе Черное, Азовское, Каспийское. В отличие от более ранних арабских географов ал-Баттани неоднократно упоминает Дон под его античным названием Танаис.

Первые упоминания о славянах

Ранние упоминания о славянах (*ас-сакалиба*) в арабо-персидской историографии датированы VI – VII вв. Из работ IX – X вв. прежде всего следует назвать произведение основоположника жанра всеобщей истории ученого и богослова ат-Табари (839 – 923) «История пророков и царей». Труд ат-Табари в полном виде не сохранился; до нас дошла его краткая редакция в тринадцати томах. Изложение событий в книге начинается с сотворения мира и доведено до 912 г.

В 60-х гг. X в. саманидский вазир Мухаммад Балами составил на персидском языке сокращенную обработку «Истории» ат-Табари. Версия Балами ценна тем, что он был знаком с полной редакцией труда ат-Табари и потому мог сохранить сведения последнего, не дошедшие до нас в составе краткой редакции. В доступном нам тексте краткой редакции «Истории» ат-Табари отсутствуют сведения о каких-либо событиях, связанных со славянами. Тем не менее сами славяне как один из населявших Европу народов были историкам, безусловно, известны. Излагая родословную человечества, он называет славян среди других народов – потомков Ноя. Исследова-

ние же сообщений о славянах в трудах арабо-персидских историков X – XIV вв., для которых сочинение ат-Табари служило источником, позволяет предполагать, что в полной редакции «Истории» ат-Табари могло быть и больше данных о славянах (Новосельцев. 1965. С. 362). Кроме Балами, полной редакцией «Истории» ат-Табари, по-видимому, пользовались и более поздние писатели, авторы сочинений по истории Прикаспия – *Ибн Исфендийар* (XIII в.) и *Амули* (XIV в.).

Другие ранние упоминания этнонима *ас-сакалиба* применительно к населению Восточной Европы связаны с описанием арабо-хазарских войн на Кавказе в первой половине VIII в. Особенный интерес для нас представляет фрагмент о деятельности на Кавказе арабского полководца Марвана ибн Мухаммада [позднее – халиф Марван II (744 – 750)], совершившего поход в глубь Хазарии, в ходе которого он столкнулся со славянами.

Две наиболее полные версии рассказа об этом походе содержатся в сочинениях арабских историков *ал-Балазури* (умер в 892 г.) и *ал-Куфи* (умер в 926 г.). Ал-Балазури был автором исторического труда «Книга завоеваний стран», повествующего об истории арабских завоеваний VII – первой половины IX вв.

В 733 г. Марван был назначен наместником двух кавказских провинций халифата – Армении и Азербайджана (иранского). В 737 г. арабы овладели тогдашней столицей Хазарии городом Самандаром, который находился, по всей вероятности, на севере приморской части Дагестана. Правитель Хазарии обратился в бегство, преследуемый по пятам отрядами Марвана. По словам ал-Балазури, Марван продвинулся далеко в глубь Хазарии; ал-Куфи же сообщает о том, что арабы достигли земель, расположенных «за страной хазар». Оба автора говорят о том, что Марван совершил набег на *ас-сакалиба* и взял в плен 20 тыс. семей. Согласно ал-Куфи, арабы двинулись дальше, пока не дошли до Славянской реки. За этой рекой они разбили хазарское войско, вынудив хакана признать свое поражение и согласиться на принятие ислама (Балазури. С. 207.).

В. В. Бартольд предполагает, что у ал-Балазури идет речь о славянах, проживавших на территории Хазарии (Бартольд. 1963. С. 870 – 871) Славянская река ал-Куфи была отождествлена с Волгой, по течению которой проживали эти этносы. Впоследствии Славянскую реку с Волгой отождествляли и другие авторы.

О славянах в связи с событиями на Кавказе в середине IX в. упоминает арабский историк и географ *ал-Йакуби* (IX в.). Ему принадлежит сочинение по всемирной истории – «История». В книге *ал-Йакуби*, начинающейся с истории библейских патриархов, изложение доведено до 872 г. В одном из разделов сочинения *ал-Йакуби* подробно останавливается на описании военных действий арабов в Закавказье в начале 50-х гг. IX в. Незадолго до этого халифские войска с трудом подавили оппозиционное народное движение хуррамитов, продолжавшееся в Западном Иране более 20 лет (816 – 837 гг.). Разгром хуррамитов повлек за собой усиление репрессий в Закавказье, где выступления против власти халифата охватили Армению и Грузию. На усмирение непокорных подданных халиф направил полководца Бугу Старшего. Замирив Армению и Грузию, Буга вслед за этим обрушился на кавказских горцев, которые, по сообщению *ал-Йакуби*, обратились за помощью к трем правителям – византийскому императору, владыке Хазарии и некоему *сахиб ас-сакалиба*, т. е. к правителю славян. По мнению В. М. Бейлиса, не лишено вероятности, что речь идёт о князе одного из восточнославянских племен (Бейлис. 1986. С. 141). Новосельцев считает, что горцы просили помощи у киевского князя (Новосельцев. 1965. С. 372).

В параллель к сообщению *ал-Йакуби* можно поставить данные арабского автора X в. *Ибн ан-Надима*, упоминающего о том, что «один из царей горы ал-Кабк» (т.е. Кавказа) направил посла к «царю русов» (*Ибн ан-Надим*. С. 20).

Арабские известия о русах

В арабо-персидских источниках этноним *ар-рус* (русы) фигурирует в рассказах о событиях, разыгрывавшихся на Кавказе в VI – VII вв. Иранский филолог и историк *ас-Саалиби* (961 – 1038) в своем сочинении «Лучшее из жизнеописаний персидских царей и известий о них», рассказывая о постройке Хосровом I Ануширваном Дербентской стены, среди враждебных персам северных народов упоминает наряду с турками и хазарами русов. Прикаспийский историк *Захир ад-дин Марашси* (вторая половина XV в.), написавший «Историю Табаристана», также упоминает наряду с хазарами русов.

Данные сообщения могли опираться на реальные факты. VI в. был временем широкой экспансии славянских племен. Славяне продвигались не только в юго-западном направлении, на Балканы, но так-

же и на юго-восток, где они вместе с иранскими и тюркскими племенами – аланами, хазарами, булгарами – тревожили границы державы Сасанидов. С этими событиями и связывают появление сообщений о славянах и русах VI в. в арабо-персидских источниках. А. П. Новосельцев предполагает, что под русами мог иметься в виду какой-то обитавший на Северном Кавказе народ иранской языковой группы, возможно, связанный со славянами (Новосельцев. 1965. С. 364).

О народе *рос* или *рус*, обитавшем далеко к северу от Кавказа, пишет, причем придает явно легендарный характер описанию представителей этого народа, сирийский автор VI в. *Псевдо-Захария*: «Мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей». Упоминание их в одном ряду с амазонками, людьми-псами и другими народами-монстрами, обитающими на краю ойкумены, заставляет современных исследователей относить сообщение Захарии Ритора к области мифологии (Петрухин. 1995. С. 42 – 48).

Новосельцев полагает, что рассказ о событиях 643 г. Балами почерпнул из несохранившейся полной редакции сочинения ат-Табари; содержание же этнонима ар-рус у Балами генетически связано с информацией о русах, имевшейся также у ас-Саалиби и Захир ад-Дина (Новосельцев. 1965. С. 362 – 365). Балами составлял свою обработку. Он завершил работу над ней в 963 г., когда в Прикаспии еще была свежа память о разрушительных походах русов на Каспийском море в первой половине X в. В эпоху Балами русы были самым могущественным народом Восточной Европы, поэтому упоминание их в числе опасных врагов арабов в VII в. могло только подчеркивать значение арабских завоеваний на Кавказе.

Особенно полно дошли до нас достоверные упоминания о русах в арабо-персидской литературе, связанные с описанием маршрута купцов-русов из Восточной Европы в Багдад и Константинополь. Первое сообщение о купцах-русах принадлежит автору IX в. Ибн Хордадбе-ху, одному из основоположников жанра «книг путей и стран».

Ибн Хордадбех, происходивший из знатной иранской семьи, родился около 820 г. Отец географа в начале IX в. был правителем Табаристана, области на южном берегу Каспийского моря. Ибн Хордадбех, получивший хорошее образование, был крупным чиновником; он занимал пост начальника почты области Джибал на северо-

западе современного Ирана. Под конец жизни географ переехал в Багдад, где и умер приблизительно в 912 г. Ибн Хордадбех написал множество сочинений по географии, истории, филологии, кулинарии и музыке, ныне утраченных. Сохранилась только «Книга путей и стран», очень популярная в IX – XVI вв. среди ученых халифата, которые обильно ее цитировали. Около 922 г. саманидский вазир, ученый и меценат *ал-Джайхани* (конец IX – первая четверть X в.) написал не дошедший до нас труд под традиционным названием «Книга путей и стран», куда он включил значительную часть материалов Ибн Хордадбега.

Интересующее нас сообщение Ибн Хордадбега о путях купцов-руссов может быть датировано самое позднее 40-ми гг. IX в. Сочинение Ибн Хордадбега почти целиком посвящено характеристике известных автору путей, соединявших различные города и страны. Основную часть описания занимает перечисление дорожников, относящихся к территории халифата, и сопредельных земель. Центром повествования является Багдад, откуда вели торговые пути в древнюю Азию, Индию и Китай, Северную Африку и Испанию, Византию и Закавказье, Аравию. Вслед за характеристикой маршрутов по Аравии говорится о торговом пути еврейских купцов, путешествовавших с товарами из мусульманской Испании до восточных областей халифата и далее до Индии и Китая. Затем помещен отрывок о путях купцов-руссов, после чего вновь следует описание сухопутных маршрутов еврейских торговцев. Завершают книгу Ибн Хордадбега рассказы о диковинах разных стран.

По словам Ибн Хордадбега, купцы-руссы доставляли меха из самых отдаленных районов страны славян к морю, именуемому им Румийским по арабскому названию Византии *Рум*. Большинство исследователей полагают, что маршрут купцов-руссов пролегал именно по Черному морю. Купцы-руссы двигались со своими товарами либо в Константинополь, либо в Багдад. В последнем случае их путь лежал через Хазарию, куда они попадали по реке славян, название которой в рукописях сильно искажено и восстанавливается большинством исследователей как Тан(а)ис (Дон). Поднимаясь по Дону, а затем спускаясь вниз по Волге, купцы-руссы попадали в Каспийское море, где высаживались с товарами на любом берегу. Иногда купцы везли свои товары от Джурджана, города на южном

побережье Каспия, до самого Багдада, пользуясь в пути услугами славянских евнухов, служивших им переводчиками. Согласно Ибн-Хордадбеку, купцы-русы утверждали, что они христиане и на территории халифата платили *джизью* – подушную подать с иноверцев в мусульманских государствах:

«Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (*джине*) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румынскому морю. Владетель (*сахиб*) ар-Рума взимает с них десятину (*ушр*). Если они отправляются по Танису – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель (*сахиб*) также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю в Джурджан и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов (около 3000 км). Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи (*ходам*). Они утверждают, что они христиане и платят подушную подать (*джизью*)» (Ибн Хордадбех. С. 124).

Известен другой географ X века Ибн-ал-Факих. К сожалению, биографических данных об Ибн ал-Факихе не сохранилось. Мы знаем лишь, что он был уроженцем города Хамадан в Иране и происходил из семьи законоведа. «Книга стран» Ибн ал-Факиха опирается на широкий круг письменных и устных источников. Труд Ибн ал-Факиха сохранился только в сокращенном изложении. В 1923 г. в иранском городе Мешхеде была обнаружена рукопись XIII в., Ибн ал-Факиха, в которой фрагмент о славянских купцах был дан в сокращенном виде.

Ибн ал-Факиха использовал многие данные Ибн Хордадбека, в том числе о торговых путях, проходивших по странам халифата. Сообщение Ибн Хордадбека о путях еврейских торговцев и купцов-русов Ибн ал-Факих также включил в свое сочинение, но в несколько измененном виде. Во-первых, Ибн ал-Факих говорит о славянских купцах, не выделяя из их массы купцов-русов, как это сделал Ибн Хордадбех. Во-вторых, Ибн ал-Факих в качестве остановки на пути купцов-славян называет еврейский город Самкуш, под которым, как полагают, имеется в виду принадлежавшая хазарам Керчь. В-третьих, описывая маршруты движения славянских купцов в целом так же, как Ибн Хордадбех, конечным пунктом их путешествия Ибн ал-Факих называет не Багдад, а город Рей в Иране:

«Славяне едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; затем следуют они по морю до Самкуша еврейского; далее они направляются в страну Славян или переходят из моря Славянского в ту реку, которую называют Славянская река, с тем, чтобы пройти в залив Хазарский, и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому, попадают в Джурджан и продают всё, что с собой привозят, и всё это попадает в Рей» (Новосельцев. 1965.С. 385).

В книге Ибн Хордадбеха имеется специальный раздел, озаглавленный «Титулы владык земли». В этом разделе среди прочих приводится и титул, который носит владыка славян (*ассакалиба*) «князь». Кроме того, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих сообщают интересные данные о хазарских городах – ал-Байде, Баланджаре, Самадаре, Хамлидже (Ибн Хордадбех. С. 109).

«Остров русов» В X в. в арабо-персидской литературе был очень популярен рассказ об острове русов, где говорилось о русах, живущих на острове, а также о взаимоотношениях их со славянами и другими народами Восточной Европы. Анализ вариантов этого рассказа привел исследователей к одному общему источнику, который был условно назван «Анонимной запиской».

Об острове русов впервые рассказывает Ибн Русте. Он жил и работал в иранском городе Исфахане в конце IX – начале X в. Единственный дошедший до нас труд Ибн Русте «Дорогие денности», был составлен им в 903 – 913 гг. В одном из разделов содержится описание восточноевропейских народов – хазар, бургасов, болгар, мадьяр, славян, русов, алан.

О русах Ибн Русте сообщает, что они живут на острове, окруженном озером. Правитель русов носит титул *хакан* и выполняет функции судьи. Русы плохие наездники и передвигаются на кораблях, совершая набеги на другие народы. Они, в частности, нападают на славян, берут их в плен и везут на продажу в Хазарию и Волжскую Булгарию. Русы не занимаются земледелием, но живут добычей, привозимой из земли славян и торговлей мехами. В земле русов нет деревень, но зато много городов, где чужеземцев встречают гостеприимно:

«Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженной озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Вулкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]. У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо... И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым [они] препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием, и чей из мечей острее, тот и побеждает ... Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем...» (Новосельцев. 1965. С. 397 – 399).

Ибн Русте подчеркивает, что русы, хотя и разделены на несколько племен, но по отношению к внешним врагам выступают единодушно. Между собой же они мало доверяют друг другу и не расстаются с оружием. Кроме этого, географ сообщает некоторые этнографические подробности о русах: одежда, погребальные обычаи и т. д.

Персидский историк XI в. *Гардизи* в работе «Краса повествований» также помещает рассказ об острове русов.

Рассказ Гардизи представляет собой географический и этнографический обзор, посвященный тюркским народам, к которым Гардизи относил славян и русов.

«Что же касается русов, то есть остров, расположенный в море, и остров этот протяженностью три дня пути в длину и в ширину и весь покрыт лесом. Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности. И есть у них царь, называемый хакан рус. Число жителей на этом острове 100 000. И

эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов, отвозят в Хазаран и Балкар и там продают. И у них нет посевои и пашен. И они пользуются обычно славянскими посевами... Торгуют они соболем и белкой и другими мехами. Носят чистые одежды и с рабами обращаются хорошо. И нет у них обыкновения, чтобы кто-либо оскорблял чужеземца. И если кто оскорбит, то половину имущества его отдают потерпевшему. И одежда русов и славян из льна. На острове много городов... И царь их вимает с торговли десятину» (Новосельцев. 1966. С. 399 – 400).

Гардизи утверждает, что остров русов окружен не озером, а морем. Гардизи также приводит численность населения острова – 100 тыс. человек – и сообщает, что правитель острова получает десятину с торговых операций. Имеющиеся разночтения говорят о том, что Гардизи пользовался не трудом самого Ибн Русте, а имел какие-то общие с ним источники. По словам Гардизи, этими источниками были труды Ибн Хордадбеха и ал-Джайхани.

Среди арабо-персидских ученых X – XVI вв., у которых сохранились сообщения о славянах и русах, – *ал-Мукаддаси* (X в.), автор шеститомной энциклопедии «Книга творения истории». Так же как и Ибн Русте, он пишет о том, что остров русов располагался на озере, но добавляет при этом, что остров представлял собой крепость. Кроме того, ал-Мукаддаси называет число жителей острова – 100 тыс. человек. Согласно ал-Мукаддаси, ближайшими соседями русов были славяне (Новосельцев. 1965. С. 398 – 399).

Ал-Марвази, придворный врач Сельджукидов, автор сочинения «Природа животных», (XI – XII вв.), посвятил свой труд не только зоологии, но также географии и этнографии. Судя по тексту сообщения, ал-Марвази пользовался несколькими источниками, в том числе и работами Ибн-Русте и Гардизи. Так, он сначала говорит, что русы живут на острове в море, а через несколько строк пишет о том, что остров был окружен озером. В отличие от других вариантов рассказа об острове русов у ал-Марвази имеется упоминание и о грабительских экспедициях русов на Каспий (Новосельцев. 1965. С. 400).

Рассказы об острове русов встречаются у арабских географов XIII – XIV вв. Ибн Саида и ад-Димашки. Авторы связывают рассказы ранних арабо-персидских ученых об острове русов с сообщением ал-Идриси о городе Русийа, расположенном в Керчи. И Ибн

Саид, и ад-Димашки говорят не об одном, а о нескольких островах, населенных русами, помещают эти острова в Азовском море и считают город Русийа главным городом русов.

Египетский историк и географ *Ибн Ийас* в географическом труде «Аромат цветов из диковинок округов» рассказал о русах, где повторяет данные Ибн Русте, Гардизи и других авторов об острове русов. Но есть и отличия, в частности, Ибн Ийас говорит о том, что земля русов окружена горами, что у русов нет ни царя, ни законов, что они убивают всех чужестранцев, проходящих к ним:

«Страна русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов. Между одним городом и другим большое расстояние. В ней большой народ из язычников. И нет у них закона, и нет у них царя, которому бы они повиновались. В земле их золотой рудник. В их страну не входит никто из чужестранцев, так как его убивают. Земля их окружена горами, и выходят из этих гор источники проточной воды, впадающие в большое озеро. В середине высокая гора, с юга ее выходит белая река, пробивающая себе путь через луга к конечному морю Мрака, затем текущая на север Русийи, затем поворачивающая в сторону запада и больше никуда не поворачивающая» (Новосельцев. 1965. С. 402).

В историографии ведутся споры о местонахождении «острова русов», они начались еще в прошлом веке и породили большую массу мнений, на которую к тому же определенное влияние оказала полемика между норманистами и их оппонентами. Специалисты-востоковеды Х. Д. Френ, Ф. Шармуа, В. Р. Розен, Ф. Вестберг, В. В. Бартольд, А. П. Новосельцев и другие помещали «остров русов» на севере Европы – в Скандинавии, в районе Новгорода. К такому выводу их подталкивал не только анализ самих сообщений об «острове русов», но и вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе, указывающая на их северное происхождение. Иной точки зрения придерживались исследователи-невроостоковеды (А. Д. Чертков, Е. Е. Голубинский, Г. В. Вернандский, Б. А. Рыбаков и др.), предлагавшие искать «остров русов» не на севере, а на юге Восточной Европы – в Киеве, в Тмутаракани, Крыму, в дельте Дуная. Сторонники этой теории, как правило, рассматривали данные об «острове русов» вне широкого контекста упоминаний о русах в арабо-персидских источниках IX – X вв., но при этом апеллировали к известиям авторов XIII – XIV вв. (Ибн Саид, ад-Димашки), говорящих о реках в Приазовье.

Скорее, рассказ об «острове русов» – результат литературной обработки всех известных данных о русах, аккумулированных арабскими авторами из разных источников на протяжении IX в. На наличие в это время целого ряда источников информации о русах указывает то, что рассказ дошел до нас в виде нескольких версий, отличающихся у разных авторов отдельными деталями. Поэтому данный рассказ следует рассматривать не как сообщение о некоем конкретном острове (или полуострове, арабское слово *джазира* допускает и такой перевод), принадлежавшем русам, а как свод разнообразных известий о русах.

Первый арабский путешественник по Восточной Европе

В X в. *Ибн Фадлана* посетил Волжскую Булгарию в составе посольства багдадского халифа. Итог этого путешествия – знаменитая «Записка». Сама поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии, который, желая освободиться от власти хазар, решил искать помощи халифа ал-Муктадира (908 – 932) и обещал принять ислам. Для этого в 921 г. он направил послов в Багдад, прибегнув к посредничеству Саманидов, поддерживавших устремления болгарского царя. Из Багдада в июне 921 г. отправилось ответное посольство, секретарем которого был не известный нам по другим источникам *Ибн Фадлан*. Посольство халифа – огромный караван в 5 тыс. человек и 3 тыс. лошадей, не считая верблюдов, – выступило из Багдада через Хамадан, Рей, Нишалур, Мерв и Бухару. В Бухаре *Ибн Фадлан* встретился с вазиром Саманидов известным ученым ал-Джайхани. Посольство добралось до Волжской Булгарии в мае 922 г. О датах и маршруте обратного пути посольства ничего не известно, поскольку заключительная часть «Записки» *Ибн Фадлана* не сохранилась.

Отчет *Ибн Фадлана* об этом путешествии представляет собой непринужденный рассказ. Его читали и переписывали полностью образованные люди халифата. Сокращенный вариант рассказа *Ибн Фадлана* вошел в географический словарь *Йакута* и в таком виде впервые стал известен европейским ученым в XIX в.

Данные *Ибн Фадлана* касаются многих народов, населявших Восточную Европу в X в.: хазар, болгар, русов, башкир и гузов. Для историков Древней Руси особую ценность представляет то, что в

Булгаре Ибн Фадлан наблюдал прибывших туда купцов-русов и оставил в своих «Записках» подробное описание их образа жизни, верований, погребального обряда, внешнего облика:

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не видал [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но у них мужчина носит кису, которой он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу. И при каждом из них имеется топор, меч и нож, [причем] со всем этим он [никогда] не расстается. Мечи их плоские, бороздчатые, франские. И от края ногтей иного из них [русов] до его шеи [имеется] собрание деревьев, изображений [картинок] и тому подобного. А что касается их женщин, то на [каждой] их груди прикреплена коробочка, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами [денежных] средств их мужей. И у каждой коробочки – кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них мониста из золота и серебра...» (Ибн Фадлан. С. 141).

Ибн Фадлан, описывая обрядность и внешний вид русов, говорит о том, что это выдает в них скандинавов. Небезынтересно также и то, что Ибн Фадлан называет правителя Волжской Булгарии не иначе, как «царем славян». Арабские путешественники попадали в Европу не только с востока, но и с запада – из мусульманской Испании. Одним из таких путешественников был *Ибрахим ибн Йакуб*, испанский ученый и путешественник. В 60-х гг. X в. он посетил южную Германию, где был на аудиенции у императора Отгона (962–973) в Магдебурге. Ибрахим ибн Йакуб располагал обширными сведениями о славянских государствах – Польше, Чехии, Болгарии, Руси. Из описаний путешествий Ибрахима Ибн Йакуба уцелели только отрывки, дошедшие до нас в составе произведений других авторов.

Ибрахим ибн Йакуб упоминает хазар, русов, печенегов и относит их к народам, говорившим по-славянски, так как они смешались со славянами.

Три группы русов

Среди ученых халифата сформировалась в X в. географическая школа. В современной европейской науке она получила название «классической». В трудах представителей этой школы наиболее ранние сведения о Древней Руси приводятся в виде рассказа о трех группах русов.

Основателем «классической» школы географов считается среднеазиатский ученый *ал-Балхи* (первая половина X в.). Около 920 г. он написал сочинение, известное под разными названиями: «Картины климатов», «Виды стран», или «Упорядочение стран». Оно состояло из собрания географических карт, сопровождавшихся кратким пояснительным текстом. Труд ал-Балхи в подлиннике не дошел до наших дней, однако, послужил основой для произведений других ученых.

Выходец из Южного Ирана, ал-Истахри в начале 30-х гг. X в. обработал сочинение ал-Балхи (первая половина X в.). Вторую редакцию своей книги, по традиции озаглавленной «Книгой путей и стран», ал-Истахри составил около 950 г. Она-то и получила наибольшее распространение в мусульманской историографии, где бытовала и в персидских переводах.

Уроженец города Насибина в Верхней Месопотамии *Ибн Хаукаль* (X в.) продолжил дело ал-Истахри. В середине X в. он объехал почти весь мусульманский мир от Испании до Индии, причем сделал это, по некоторым свидетельствам, в качестве политического агента сначала египетских Фатимидов, а затем багдадских Аббасидов и испанских Омейядов. Ибн Хаукаль побывал, в частности, на юге Каспия, где беседовал с беглецами из Хазарии, сообщившими ему сведения о русах и прочих народах Восточной Европы.

Как у ал-Истахри, так и у Ибн Хаукаля русы подразделялись на три группы, каждая из которых имела отдельного правителя и свой ареал проживания. Правитель первой группы – ближайшей к Булгару – сидел в городе, называемом *Куйаба*. Резиденцией правителя второй группы русов был город *ас-С(а)лав*, а сама группа именовалась *ас-Славийа*. Правитель третьей группы русов – *ал-Арсанийя* – находился в городе *Арса*. Куйаба являлась оживленным торговым центром. В Арсу же не мог проникнуть ни один чужеземный купец из-за распространенного там обычая убивать иностранцев. Купцы Арсы сами вели торговлю, спускаясь по воде для продажи мехов и металлов (олова или свинца). Торговыми контрагентами русов являлись Хазария, Византия, Волжская Булгария.

«Русы. Их три группы (*джинс*). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он (город) больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийа, и [третья] группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово. Эти русы торгуют с Хазарами, Румом и Булгаром Великим ...» (Новосельцев. 1965. С. 412).

Локализация двух групп русов в районе Киева (Куйаба) и словен ильменских (Славийа) не вызывает особых разногласий. Что касается третьей группы – Арсанийа, – то ее отождествление остается спорным. Многочисленные версии локализации Арсы охватывают практически все области Восточной Европы, от Урала до Карпат и от Скандинавии до Тамани (Новосельцев. 1965. С. 417 – 418). Большинство востоковедов высказываются в пользу северного расположения Арсы, предположительно в районе Ростова-Белоозера, где в IX в., по данным археологии, существовал торгово-ремесленный центр на месте Сарского городища.

Знаменитое средневековое географическое произведение было создано в последней четверти X в. Это анонимный трактат *«Пределы мира от востока к западу»*. Хотя это сочинение написано по-персидски, оно теснейшим образом связано с арабской традицией; высказывалось даже предположение о переводе его с арабского языка. Единственная известная рукопись «Худуд ал-алам» была открыта в 1892 г. в Бухаре русским востоковедом А. Г. Туманским, в связи с чем само произведение иногда называют «Анонимом Туманского».

Хотя автор «Худуд ал-алам» неизвестен, установлено, что сочинение было написано около 982 г. по заказу эмира, правителя области Гузган на севере Афганистана. Судя по составу сведений, вошедших в сочинение, его автор был книжным ученым и вряд ли выезжал далеко за пределы Гузгана. Основными источниками «Худуд ал-алам» были арабские обработки «Географического руководства» Птолемея, утраченный труд ал-Джаихани, сочинения географов «классической» школы, прежде всего различные обработки сочинения ал-Истахри, труд Ибн Хордадбеха в полной редакции.

В описании трех «групп» русов в «Худуд ал-алам» содержатся подробности, отсутствующие в иных версиях рассказа о трех «группах» русов и дающие дополнительный материал для решения вопроса об их локализации. Согласно версии автора «Худуд ал-алам», все три «группы» русов располагались в бассейне «Русской реки», являвшейся, по его представлениям, притоком Атила. Данное утверждение отражает уверенность Анонима в том, что земли всех «групп» русов были связаны между собой водными путями, ведущими в конечном счете в бассейн Нижней Волги.

Помимо рассказа о трех группах русов в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукаля содержится много других сведений о Восточной Европе. Они касаются, в первую очередь, описания торговых путей региона, а также этнографических данных о восточноевропейских народах: русах, волжских булгарах, буртасах, хазарах.

Походы русов на Каспий

С IX в. бассейн Каспийского моря входил в сферу экономических интересов русов. Тогда по Каспию проходил важнейший путь, связывавший Восточную Европу со странами Востока.

Согласно сообщению Ибн Хордадбеха, этот торговый путь шел по Дону и Нижней Волге, Каспийскому морю до лежащего на его южном побережье города Джурджана и далее в Багдад. Данный маршрут описан Ибн Хордадбехом как путь купцов-русов, из чего можно заключить, что они играли видную роль в торговле на Каспии. О том, что в IX в. русские купцы поддерживали торговые отношения со многими прикаспийскими областями, говорит и указание Ибн Хордадбеха на то, что отправлявшиеся в путь по Каспию русы имели обыкновение высаживаться «на любом берегу» моря.

Среди арабских авторов X в. наиболее значительной фигурой был учёный-энциклопедист и путешественник ал-Масуди (умер в 956 г.). Он родился в Багдаде в начале X в. и вел свое происхождение от одного из сподвижников Мухаммеда ал-Масуди, получил прекрасное образование, но наибольшее значение для его научной деятельности имели многочисленные путешествия. Он объехал все страны халифата. Для нас особенно ценно то, что ал-Масуди посетил южное побережье каспийского моря. Там он мог собирать сведения о русах не из вторых рук, а от лиц, непосредственно знакомых с русскими купцами и воинами.

Дошедшее до нас полностью сочинение ал-Масуди «Книга предупреждения и пересмотра» закончена им незадолго до смерти. В ней сообщается о том, что в Итиле на службе у хазарского царя находились русы и славяне, которые составляли часть хазарского войска. В первой половине X в. в Дербенте обрушился мол, построенный как продолжение знаменитых стен города с целью защиты его от нападений хазар. Хазары же, не располагавшие собственным морским флотом, сами никогда не совершали морских набегов. Поэтому В. В. Бартольд предположил, что с моря на Дербент нападали не хазары, а либо находившиеся у них на службе русы, либо одни русы, но действовавшие с согласия хазар (Бартольд. 1963. С. 685). Дербент, превратившийся после арабского завоевания в форпост арабского влияния на Северном Кавказе, в первой половине X в. являлся торговым соперником Итиля на Каспийском море, поэтому нападения на Дербент отвечали интересам хазар. Согласно ал-Масуди около 912/13 г. около 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал по сотне человек, получили разрешение от хазарского правителя на проход из Черного в Каспийское море. Условием прохода было обещание русов передать правителю Хазарии половину добычи, захваченной ими на Каспии.

«...Суда русов рассеялись по морю, и их отряды отправились в Гилян, – сообщал ал-Масуди. – Действия русов вызвали смятение у прикаспийских народов, дотоле видевших на Каспии одни торговые и рыболовецкие суда. В бассейне Прикаспия русы оставались «много месяцев», укрываясь на морских островах поблизости Баку. Хотя на обратном пути русы, как и было обусловлено, послали хазарскому царю половину добычи, они подверглись нападению со стороны проживавших в Хазарии мусульман, которых возмутили грабительские действия русов в исламских областях Прикаспия. К хазарским мусульманам присоединились и проживавшие в Итиле христиане, скорее всего купцы. Правитель Хазарии предупредил русов о готовившемся против них ударе, предотвратить который он якобы не мог. Русы, уцелевшие после битвы с хазарскими мусульманами в низовьях Волги, бежали вверх по реке, но были перебиты буртасами и волжскими булгарами» (Бартольд. 1963. С. 823 – 830).

О ранних походах русов на Каспий говорится в труде историка Ибн Исфендийара «История Табаристана», написанном в 1216 – 1217 гг.

Ибн Исфендийар сообщает о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X в. (большинство историков датируют их 909 – 912 гг.):

«В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Абаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Абаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили ... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округи Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море. Дойдя до Чашм-руда в Дейлемане, часть их вышла на берег, а часть осталась в море. Гилы ночью пришли на берег моря и сожгли корабли и убили тех, которые находились на берегу; другие, находившиеся в море, убежали. Поскольку царь Ширваншах получил об этом известие, он приказал устроить в море засаду и в конечном счете ни одного из них не оставил в живых, и так частое появление русов в этой стороне было приостановлено» (Ибн Исфендийар. С. 266).

Рассказ еще об одном походе русов в Прикаспий, состоявшемся в первой половине 40-х гг. X в., сохранился у историка Ибн Мискавейха (умер в 1030 г.). Ибн Мискавейх проявил себя в самых разных областях науки: медицине и алхимии, философии и истории. Перу Ибн Мискавейха принадлежит большой труд по всеобщей истории «Книга испытаний народов и осуществления заданий».

Он сообщает, что в 943/44 г. отряд русов захватил богатый азербайджанский город Бердаа, расположенный близ реки Куры в армяно-грузинском приграничье. Русы быстро разбили стоявший в городе небольшой гарнизон правителя области Марзбана, который сам в это время воевал в Сирии. Заняв город, русы заявили местным жителям, что готовы гарантировать им безопасность и свободу вероисповедания, если те будут подчиняться новым хозяевам Бердаа. Однако вылазки против захватчиков продолжались, поэтому русы истребили часть городского населения. Тем временем Марзбан подтянул к городу больше войско, но так и не смог выбить русов оттуда, хотя и изрядно потрепал их отряд. Вторжение мосульского князя в южную часть Азербайджана вынудило Марзбана перебросить на юг

свои основные силы, оставив в Бердаа лишь небольшую часть войска. В конце концов русы, ослабленные распространившимися среди них желудочными заболеваниями, а также постоянными стычками с мусульманами, решили оставить город. Ночью они вышли из крепости, нагруженные добычей, добрались до своего лагеря на берегу Куры, где сели на ожидавшие их суда и отплыли на родину.

Арабо-персидские авторы сообщают о походах не только на Каспий, но и в Испанию. Арабский географ и историк IX в. ал-Йакуби был автором труда «Книга стран». Исследования его сочинения показали, что он сообщает большое количество сведений, неизвестных по другим источникам. К числу таких сведений относится и фрагмент о набеге «огнепоклонников (*ал-маджус*), называемых ар-рус», на испанский город Севилью в 843 – 844 г. Упоминания о походах русов в *ал-Андалус* (Испанию) имеются и у Ибн Хаукаля. Его сообщения о набегах русов в Испанию особенно интересны, поскольку Ибн Хаукаль хорошо знал мусульманскую Испанию по личным впечатлениям. Считая византийцев главным врагом испанских Омейядов, Ибн Хаукаль пишет: «И только иногда приходят к ним корабли русов, тюрков, славян и печенегов, а это колено (*джил*) из колен тюрков, соседящих с землей хазар и болгар. Они (все) опустошают области ал-Андалус, а иногда возвращаются ни с чем» (Бейлис. 1969. С. 308).

В. М. Бейлис полагает, что упоминаемые Ибн Хаукалем славяне, печенеги и тюрки действовали не самостоятельно, а под руководством русов. Русы же, нападавшие на испанские города, приходили не из Восточной Европы. Скорее всего, до Испании доходили те отряды русов, которые служили наемниками в составе византийской армии и участвовали в средиземноморских морских экспедициях (Бейлис. 1969. С. 308).

Хазария Интересные сведения мы получаем из источников по истории Хазарии и ее взаимоотношений с соседними народами, написанные на древнееврейском языке.

Один из основных памятников по истории Восточной Европы X в. – так называемая еврейско-хазарская переписка. К данной группе документов относятся два письма: одно было написано савником испанских Омейядов Хасдаем ибн Шафрутом хазарскому царю Иосифу, другое представляет собой ответ Иосифа на вопросы Хасдая.

Хасдай ибн Шафрут происходил из знатного еврейского рода, занимал видные посты при дворе кордовского халифа X в. Получив от еврейских купцов сведения о том, что где-то далеко на востоке есть государство, правитель которого исповедует иудаизм, Хасдай решил установить с ним контакты. С этой целью он при посредничестве тех же еврейских купцов направил письмо хазарскому царю. Спустя некоторое время Хасдай получил ответ от Иосифа – правителя Хазарии.

В письме Хасдай описал мусульманскую Испанию, поведал о том, какими путями он пытался связаться с Хазарией, и задал хазарскому царю множество вопросов, главные из которых касались происхождения хазарского народа, причин и обстоятельств принятия хазарами иудаизма, политического строя и экономики страны, ее размеров, а также соседних с нею стран (Переписка. С. 51 – 71). В ответном послании Иосиф подробно изложил родословную хазар, историю их появления в Восточной Европе, обстоятельства принятия иудаизма правителями Хазарии, экономическое положение и социальное устройство государства и его границы; в заключение письма дано описание хазарской столицы города Итиля. Кроме ценных сведений о хазарах, письмо Иосифа содержит данные и о других народах Восточной Европы (Переписка. С. 72 – 103).

Другие два важных источника на древнееврейском языке происходят из Каирской генизы хранилища старых рукописей при синагоге. Один из них принято называть Кембриджским документом, поскольку он был обнаружен в 1912 г. американским ученым С. Шехтером в библиотеке Кембриджского университета.

Несмотря на то, что этот памятник дошел до наших дней в неполном виде, он очень богат по своему содержанию. В уцелевшей части анонимной рукописи говорится о переселении евреев в Хазарию и об истории обращения хазар в иудаизм, о войнах отца Иосифа, царя Аарона, с аланами, русами, византийцами и другими народами. Для историков Древней Руси самый интересный – рассказ о войне между Хазарией, Византией и Русью, имевшей место в правление византийского императора Романа I Лакапина (920 – 944). В документе описан захват царем Руси по имени Хелгу (Олег) хазарского города Самкерчи (Тмутаракань), предпринятый им по наущению византийцев. Успешный поход хазарского полководца Песаха

на Олега заставил последнего не только покориться хазарам, но и выступить против византийцев. После того, как война с Византией закончилась полной неудачей, Олег бежал за море, в страну П-р-с (Персия), где и сгинул вместе со всем своим войском (Документы. С. 167 – 169).

Из Каирской генизы происходит еще один документ, представляющий особый интерес для историков Древней Руси, – *письмо из иудейской общины Киева*, датированное X в. (Документы. С. 17 – 98).

Это рекомендательное письмо, составленное членами иудейской общины Киева для своего неудачливого единоверца, отправлявшегося с берегов Днепра в египетский город Фустат. В письме говорится, что его податель Мар Яаков бен Р. Ханукка, прежде никогда не нуждавшийся, из-за нападения на него разбойников впал в бедность, был арестован за неуплату долга, но впоследствии выкуплен братьями по вере. Далее в письме сказано, что его авторы посылают Яакова «по святым общинам», дабы он смог возместить средства, затраченные на его выкуп. В конце письма стоят имена его составителей (Документы. С. 24 – 31).

Арабские авторы X – XIII вв. сообщают о падении Хазарии под ударами русов. Их известия давно стали предметом пристального изучения и сопоставления с данными древнерусской летописи под 965 г. о походе Святослава на Восток.

Большой интерес представляет рассказ Ибн Хаукаля. Информацию о падении Хазарии географ получил от хазарских беженцев, с которыми он сам встречался в Южном Прикаспии в конце 60-х гг. X в. Данные о походе русов имеются в трех местах сочинения Ибн Хаукаля. В одном из сообщений приведена точная дата похода – 968/69 гг. Согласно Ибн Хаукалю, русы сначала опустошили Булгар, а затем обрушились на города Хазарии – ее столицу Итиль, а также Самандар:

«Булгар – маленький городок, и нет у него большого числа округов. Он был известен как пристань для этих государств, и опустошили его русы, а [затем] пошли на Хазаран, Самандар и Атиль, [и случилось это] в 358 г. И отправились сразу после этого в страну ар-Руми и ал-Андалус, разделившись на две группы. Русы же – варварский народ, живущий в стороне булгар, между ними и славянами на реке Атиль» (Новосельцев. 1990. С. 221).

Ибн Хаукаль сообщает также, что, спасаясь от русов, многие жители Хазарии бежали в прикаспийские страны. Некоторым беженцам удалось вернуться в Итиль в 80-х гг. X в. при поддержке ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Йазиди (981 – 991) (Новосельцев. С. 221 – 222).

Арабский автор *Шамс ад-дин ал-Мукаддаси (ал-Макдиси)* (947 – 1000) в своем труде «Лучшее разделение для познания климатов» («Ахсан ат-такасим фи марифат ал-ака-лим»), составленном в 80-х гг. X в., приводит данные, отличающиеся от сведений Ибн Хаукаля. Ссылаясь на дошедшие до него слухи, ал-Мукаддаси пишет:

«Я слышал, что ал-Мамун напал на хазар со стороны ал-Джурджанийи (Ургенч), покорил их и призвал к исламу. Еще потом я слышал, что войско, [пришедшее] из ар-Рума и называемое ар-Рус, напало на них и овладело их страной».

Таким образом, ал-Мукаддаси говорит о том, что в разгроме Хазарии определенную роль сыграли не только русы, но и Хорезм. Правда, сообщение ал-Мукаддаси с трудом поддается датировке из-за того, что мы не знаем точные годы правления ал-Мамуна ибн Мухаммада.

В сочинениях историков XI – XIII вв. Ибн Мискавейха и Ибн ал-Асира говорится о нападении на Хазарию в 354/965 г. некоего племени турок, что побудило хазар обратиться в Хорезм и в обмен за помощь принять ислам (Ибн ал-Асир. Т. VIII. С. 418). Ибн Мискавейх говорит о принятии ислама всеми хазарами, за исключением царя (Ибн Мискавейх. Т. II. С. 209), а по утверждению Ибн ал-Асира, мусульманином стал также и хазарский царь.

В историографии обсуждаются следующие вопросы: сколько походов на Хазарию совершили русы; когда это произошло; что за народ скрывался за воевавшими с хазарами «турками», о которых говорят арабские источники. Что касается количества походов и их хронологии, то в литературе давно уже разрабатываются две точки зрения. Одни исследователи полагаются на сведения Ибн Хаукаля и считают, что кроме похода 965 г., отмеченного в «Повести временных лет», был еще один в 968/69 гг., который и привел к падению Хазарии (Калинина. 1976. С. 91 – 93; Новосельцев. 1990. С. 225 – 227). Другие пытаются доказать, что русы лишь однажды ходили

на Хазарию – в 965 г., а датировка Ибн Хаукаля относится к тому времени, когда он собирал информацию о походе (Бартольд. 1963. С. 689, 849, 852).

Бартольд полагает, что под «турками», нападшими на Хазарию в 965 г., могут скрываться русы (Бартольд. 1963. С. 847 – 852; Калинина. 1976. С. 94) или гузы (Новосельцев. 1990. С. 225 – 227).

Многие исследователи обращают внимание на активную политику Хорезма в Нижнем Поволжье в связи с русско-хазарской войной (Бартольд. 1963. С. 853; Новосельцев. 1990. С. 230). Вмешательство Хорезма в конфликт на Нижней Волге было в значительной степени подготовлено его длительными и тесными связями с Хазарией.

Русы на Кавказе в X – XII вв.

В арабо-персидских источниках местных прикаспийских областей сохранилось довольно много известий о пребывании русов на Кавказе в X – XII вв. С одной стороны, речь идет о русских наемниках-гулямах, состоявших на службе у различных кавказских правителей, с другой – о походах русских отрядов на Кавказ и их участии в междоусобной борьбе местных правителей.

Например «История Дербента», начинается со второй половины VIII в. и доведена до 1075 г. В «Истории Дербента» приводится целый ряд известий об участии русов в событиях, разворачивающихся на территории наиболее значительных государственных образований Восточного Закавказья – Дербента и Ширвана – в X – XI вв. Дербент в это время – крупнейший торговый город на Каспии, северный форпост ислама. Особенностью социальной структуры города было наличие крупной торгово-ремесленной знати. Ее верхушка обладала большим политическим влиянием, что только усугубляло проблемы дербентских эмиров, вовлеченных в частые войны с дагестанскими горцами и в особенности с соседним Ширваном.

В 70-х гг. X в. один из эмиров обратился за подмогой к русам. В 987 г. 18 русских кораблей подошли к Дербенту. Русы, высадившиеся с одного из кораблей, поспешили на помощь к эмиру, а остальные суда ушли на юг, и дальнейшая судьба их неизвестна. В 989 г. война разгорелась с новой силой. На этот раз противостояние приняло религиозный характер. После 990 г. никаких известий о пребывании русов в Дербенте в «Истории Дербента» нет, что, по-видимому, объяснялось возросшим влиянием Ширвана в данном регионе.

Усиление влияния русов на Кавказе в первые десятилетия XI в. во многом связано с политикой княжившего в Тмутаракани Мстислава Владимировича. В 1022 г., согласно «Повести временных лет», он одержал победу над касогами, которые с тех пор стали поставлять воинов в войско Мстислава. Среди воинов князя «Повесть временных лет» упоминает и хазар, что может свидетельствовать о распространении влияния Мстислава на старые хазарские города Дагестана.

В 1030 – 1031 гг. русы, действуя в союзе с аланами и горцами Дагестана, выступили против правителя Ширвана, конфликтовавшего тогда с Дербентом из-за спорных земель. Союзники разгромили неподалеку от Баку войска ширваншаха. Затем отряды русов поднялись вверх по Куре, перешли на Араке и добрались до Байлакана. (Минорский. 1963. С. 11).

Затем часть русов двинулась в Византию и оттуда ушла к себе домой. Другие отряды русов и их аланские союзники возвращались на родину через Северный Кавказ и были уничтожены людьми дербентского эмира Мансура. Поэтому в следующем 1032 г. русы и аланы выступили уже против Дербента, но были отбиты и вернулись ни с чем.

Сведения по истории Древней Руси содержатся также в дагестанском историческом сочинении «*Дербентнаме*». Это произведение дошло до нас в многочисленных списках на многих восточных языках (турецком, арабском, персидском, на дагестанских языках). Для историков Древней Руси представляют интерес сообщения «*Дербентнаме*» о взаимоотношениях хазар и русов.

Следующее историческое сочинение «*История Дагестана*» повествует о событиях X – XIV вв. Наибольший интерес представляет рассказ об Аварии IX – X вв., известной в арабской географической и исторической литературе того времени под названием Сарир. Именно в начальной части «*Истории Дагестана*» приводится сообщение о совместной борьбе дагестанцев и русов против мусульман на Кавказе.

Данные, имеющие отношение к истории Древней Руси, содержатся в небольшом по объему сочинении «*История Ирхана*». Ирхан (Ирганай) – это древнее аварское селение, расположенное в Дагестане. По своему содержанию «*История Ирхана*» представляет

собой собрание местных легенд, отражающих историю Ирхана и близлежащих населенных пунктов в X – XIV вв., когда шел процесс исламизации Дагестана. Интересны сведения источника об этнической и религиозной принадлежности жителей аварских сел в то время. Наряду с мусульманскими поселениями существовали и христианские, и иудейские. Среди христианских «История Ирхана» называет, в частности, село Хадар, жители которого были «чистыми русами». Таким же являлся и этнический состав обитателей села Авар.

Сведения исторического характера содержатся и в некоторых поэтических произведениях прикаспийских авторов.

Сведения о взаимоотношениях Древней Руси с восточными народами имеются в поэме *Низами Гянджеви* (вторая половина XII в.) «Искандер-наме». Герой поэмы Искандер сильно отличается от своего прототипа – Александра Македонского, поскольку Низами создавал не историческую хронику, а художественное произведение. Эпизод о походе Искандера на Русь рассматривался многими учеными XIX – XX вв.

Древняя Русь в системе средневековых государств (XII – XIII вв.)

Ал-Идриси (1100 – 1165), автор сочинения «Развлечение истомленного в странствии по областям» XII в., иногда именуемого просто «Географией». Труд ал-Идриси – свод географических знаний, накопленных арабской наукой к середине XII в.

Ал-Идриси происходил из эмирского рода Алидов-Идрисидов, обосновавшегося на западе Арабского халифата в Сеуте. Совершив ряд путешествий по странам Средиземноморья, ал-Идриси надолго остановился в Палермо при дворе Рожера II. Покровительство Рожера открыло перед ал-Идриси широкие возможности для сбора сведений о разных странах, благодаря чему в его сочинение вошли не только данные арабских географов IX – XI вв., но и многочисленные сообщения современников – купцов, путешественников, паломников.

Описание земли в книге ведется по климатам, с юга на север, а в пределах климата – по секциям, с запада на восток. Наряду с подробным рассказом о Северной Африке, Испании, Италии и Сицилии в труде ал-Идриси в VI – VII климатах приводится характеристика стран и народов Восточной Европы – Руси, Кумании, Волжской Булгарии.

Ал-Идриси сообщает информацию о Древней Руси, которая исходит от купцов и путешественников, и данные, почерпнутые географом из трудов своих предшественников, в особенности географов X в. Ибн Хаукаля и ал-Масуди. Охарактеризованы маршруты плавания вдоль берегов Северного Причерноморья, где ал-Идриси были известны многие города Крыма. Он первым среди арабских географов упоминает реку Днепр и называет целый ряд древнерусских городов Поднепровья, приводит данные о городах Поднепровья, а также о Новгороде (Бейлис. 1984. С. 209 – 220).

Сочинение ал-Идриси стало основным источником для географических произведений *Ибн Саид ал-Магриби* (1208 или 1214 – 1274 или 1286 гг.) – арабского историка, географа, поэта. Он родился в Испании, много путешествовал по странам Арабского халифата. Ибн Саид был автором географического труда «Книга географии о семи климатах».

Географическое сочинение Ибн Саида тесно связано с традицией ал-Идриси. Заимствованные у него сведения о Восточной Европе Ибн Саид дополняет современными ему данными, полученными от купцов и путешественников. Кроме того, Ибн Саид отмечает географическую долготу и широту каждого крупного пункта. Особенно интересны сообщения его о славянах, под которыми он подразумевал исключительно западных славян, и о русах. Ибн Саид говорит о русах, живших по берегам Азовского моря и на его островах, отчего это море, по его словам, называлось Русским. Он сообщает также о народах Северного Кавказа и Поволжья: каса (касогах), абхазах, аланах, кипчаках и других.

С произведением ал-Идриси тесно связано географическое сочинение арабского энциклопедиста, историка и географа *Абу-л-Фиды* (1273 – 1331). Ученые занятия не являлись основной сферой деятельности Абу-л-Фиды. Сирийский эмир, состоявший в родстве со знаменитым Салах ад-Дином (Саладин, 1174 – 1193), Абу-л-Фида был прежде всего политическим деятелем и воином. В молодые годы он принимал участие в походах против крестоносцев, затем участвовал в военных экспедициях под началом мамлюкских султанов. Близость Абу-л-Фиды ко двору султана ан-Насира открывала перед ним широкие возможности для сбора информации о разных странах и народах.

Он известен как автор двух обширных трудов – всемирной истории до 1329 г. и географического сочинения под заглавием «Упорядочение стран».

Этот труд состоит из двух частей различного характера. Во второй части сочинения есть и характеристика «северных земель», куда, по классификации Абу-л-Фиды, относились страны и народы Восточной Европы.

Абу-л-Фида приводит подробные сведения о многих городах Северного Причерноморья – Акджа-Кермане (Белгород), Сару-Кермане (Херсонес), Киркри (Чуфут-Кале), Судаке, Сулгате (Солхат), Кафе, Карш (Керчь), Азаке (Азов), Тамани. О городе Азове он говорит, что Ал-Азак – знаменитый город, торговый порт; он расположен на равнине близ впадения реки Тан (Дон) в море ал-Азак (Азовское море). А море ал-Азак известно в древних книгах как озеро Мани-таш (греч. Меотида). Его вода, будучи слабо соленой, пригодна для питья прибывающих в город путников; в сильный мороз она замерзает. Городские здания построены из дерева. Между Азаком и [городом] ал-Кирым (Крым, он же Солхат) около 15 переходов; он расположен к юго-востоку от ал-Кирыма.

Интересные сообщения о народах Восточной Европы оставил и *Абу Ха-мид ал-Гарнати* (1080 – 1169) – испано-арабский писатель, проповедник и путешественник, побывавший в разных странах Северной Африки, Ближнего Востока, Средней Азии и Европы. В 30 – 50-х гг. XII в. он посетил Восточную и Центральную Европу. Жил в Итиле, бывал в Волжской Булгарии и на Кавказе, жил в Венгрии. В 1150 г. он совершил путешествие из Саксина в Венгрию, проследовав через Волжскую Булгарию и Русь. В 1153 г. ал-Гарнати проделал этот путь в обратном направлении и всю зиму гостил у «царя славян», передав ему письмо венгерского короля Гезы II (1141 – 1162).

Свои путешествия ал-Гарнати описал в двух сочинениях: «Ясное изложение некоторых чудес Магриба». Подробно описаны те районы, где побывал ал-Гарнати, – Северный Кавказ, Нижняя Волга, Булгар, Киев. В сочинениях ал-Гарнати приведено описание интересных деталей бытового характера – ловля рыбы с судов на Волге; меновая торговля, распространенная среди народов Европейского Севера; меховые деньги, имевшие хождение у славян.

Это не единственный восточный автор, сообщающий о хождении меховых денег на территории Восточной Европы. Об использовании русами в качестве денег шкурок пушных животных имеются известия в поэме Низами «Искандер-наме». Однако данные Гарнати имеют особую ценность, так как он передает не чужие сведения, знакомые ему по слухам, а описывает собственные впечатления:

«Когда я прибыл в их (славян) страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом, и пшеницей, и ячменем, и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева. Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету (славян) серебряный дирхем, связывают (шкурки) в связку и называют ее джуки. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине. На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары... Когда они (шкурки) испортятся в их домах, то их, (иногда даже) рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нализывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают» (Гарнати. С. 35 – 36).

Йакут ар-Руми (около 1179 – 1229) в начале XIII в. достижения арабо-персидской географии за все предшествующие столетия свел воедино в огромном по объему труде «Алфавитный перечень стран». Он был выходцем из Малой Азии, греком по происхождению. Ребенком он попал в плен (где и получил свое имя Йакут – «яхонт»), и был куплен мусульманским купцом. Благодаря своему хозяину, нуждавшемуся в грамотном приказчике, Йакут получил хорошее арабское образование. Всю жизнь он много путешествовал. Йакут был связан с библиотеками восточной части мусульманского мира: Багдада, Алеппо, Бухары, Мерва.

Географический словарь Йакута представляет собой энциклопедию, где в алфавитном порядке дан материал обо всех известных ему географических объектах – морях, реках, озерах, горах, странах, городах и т.п. Он широко привлекал исторические сочинения, записки путешественников, литературные произведения, в том числе поэтические, и, конечно, сообщения своих современников.

Важные сведения по истории Древней Руси содержатся в источниках, созданных в государстве малоазийских сельджукидов, в XII в. захвативших важный черноморский порт Синоп, через который осуществлялась торговля с городами Крыма. Поражение от монголов в 1243 г. поставило сельджуков под контроль монгольских ханов.

История султаната отражена в хронике Ибн Биби (XIII в.), занимавшем высокое положение в социальной иерархии – он был эмиром. В его хронике сохранился неизвестный по иным источникам рассказ о захвате сельджуками в начале XIII в. крымского торгового города Судак – крупного торгового центра Крыма. Объединенное половецко-русское войско, насчитывавшее, по словам Ибн Биби, 10 тыс. всадников, потерпело поражение в бою с сельджуками, но, в конце концов, русскому князю удалось уладить дело миром, откупившись богатыми дарами (Якубовский. 1927. С. 54 – 58).

Многие торговые пункты крымского побережья, в том числе и Судак, еще с XII в. принадлежали половцам, собиравшим дань с торговых оборотов городов. Судак играл видную роль в транзитной торговле между странами Восточной Европы, Малой Азии и Ближнего Востока. Захват сельджуками в 1214 г. Синопа – стратегически важного порта на юге Причерноморья – позволил им контролировать торговые пути, соединявшие Русь и Половецкую степь с богатыми ближневосточными городами. Поэтому посылка войск в Крым была связана со стремлением сельджуков обеспечить нормальное функционирование международной торговой трассы, приносящей им ощутимые выгоды. Русские и половцы выступают как главные политические гаранты безопасной торговли в Восточной Европе в этот период.

Одним из крупнейших арабских историков домонгольского времени был *Ибн ал-Асир* (1160 – 1234). Он происходил из ученой семьи, близко знал составителя знаменитого географического словаря Йакута, который завещал ему свою библиотеку. Ибн ал-Асир – автор нескольких произведений исторического жанра, но прославился благодаря своему сочинению «Совершенная книга по истории». В нем излагаются события всеобщей истории с 622 по 1232 г.

Библиографический список

1. Амули. Тарих-и Руйан. – Тегеран, 1934 (перс. яз.).
2. Куник А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах / А. Куник, В. Розен. – СПб. – Т. I. – 1878; Т. II. – 1903.
3. Баладзори. Книга завоевания стран / Баладзори ; пер. с араб. П. К. Жузе. – Баку, 1927.
4. Балами, Мухаммад. Тарих-и Табари / Мухаммад Балами. – Тегеран, 1958. – Т. I.
5. Бартольд, В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн алахбар»: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893-1894 гг.» / В. В. Бартольд // Сочинения / В. В. Бартольд. – М., 1973. – Т. VIII.
6. Гаркави, А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве / А. Я. Гаркави. – СПб., 1874.
7. Путешествие Абу Хамила ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.) / публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. – М., 1971.
8. Шихсаидов, А. Р. Дагестанские исторические сочинения / А. Р. Шихсаидов [и др.]. – М., 1993.
9. Голб, Н. Хазарско-еврейские документы X века / Н. Голб, О. Прицак ; науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. – М.; Иерусалим, 1997.
10. Ибн Русте. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века / Ибн Русте ; по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. – СПб., 1869.
11. Ковалевский, А. Л. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. / А. Л. Ковалевский. – Харьков, 1956.
12. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского ; под ред. И. Ю. Крачковского. – М.; Л., 1939.
13. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Ибн Хордадбех; пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. – Баку, 1986.
14. Каганкатвази, Мовсес. История агван / Мовсес Каганкатвази ; пер. К. Патканова. – СПб., 1861.
15. Крачковский, И. Ю. Арабская географическая литература / И. Ю. Крачковский // Избранные сочинения / И. Ю. Крачковский. – М.; Л., 1957. – Т. IV.

16. Алиев, С. М. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандий-аром и Амоли / С. М. Алиев // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1969. – Т. 4. – С. 316 – 321.

17. Бартольд, В. В. Сочинения / В. В. Бартольд. – М., 1963. – Т. 4. – Ч. 1; М., 1973. – Т. VIII.

18. Бейлис, В. М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутах-хара ал-Макдиси (X в.) / В. М. Бейлис // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1969. – Т. 4. – С. 304 – 311.

19. Он же. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и русов / В. М. Бейлис // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1974. – Т. III. – С. 72 – 89.

20. Он же. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель / В. М. Бейлис // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1984. – С. 208 – 228.

21. Он же. Арабские авторы IX – первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы / В. М. Бейлис // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1986. – С. 140 – 149.

22. Он же. К вопросу о конъюнктурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX – XIII вв. о Восточной Европе / В. М. Бейлис // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 52 – 66.

23. Гусейнов, Р. А. Место и роль сирийских источников в изучении истории народов СССР / Р. А. Гусейнов // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1986. – С. 41 – 56.

24. Джафаров, Г. Русь и тюркский мир в «Искандер-наме» Низами / Г. Джафаров // Советская тюркология. – 1990. – № 4. – С. 47 – 68.

25. Дорн, Б. А. Каспий : О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря / Б. А. Дорн. – СПб., 1875.

26. Заходер, Б. Л. Каспийский свод сведений о Восточной Европе / Б. Л. Заходер. – М. – Т. 1. – 1963 ; Т. 2. – 1967.

27. Калинина, Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава / Т. М. Калинина // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1976. – С. 90 – 101.

28. Она же. Арабские источники VIII – IX вв. о славянах / Т. М. Калинина // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1994. – С. 211 – 224.

29. Коновалова, И. Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII – XIV вв. / И. Г. Коновалова // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1995. – С. 139 – 148.

30. Кляшшорный, С. Т. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье / С. Т. Кляшшорный // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1964. – Т. I. – С. 16 – 18.

31. Левицкий, Т. Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему средневековью / Т. Левицкий // Сообщения польских ориенталистов. – М., 1961. – Вып. 2. – С. 45 – 60.

32. Минорский, В. Ф. История Ширвана и Дербенда X – XI вв. / В. Ф. Минорский. – М., 1963.

33. Он же. Куда ездили древние русы? / В. Ф. Минорский // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1964. – Т. I. – С. 19 – 27.

34. Новосельцев, А. Л. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. / А. Л. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – С. 355 – 419.

35. Он же. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе / А. Л. Новосельцев // Исследования по истории и историографии феодализма. – М., 1982. – С. 120 – 127.

36. Он же. Киевская Русь и страны Востока / А. Л. Новосельцев // Вопр. истории. – 1983. – № 5. – С. 17 – 31.

37. Он же. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. Л. Новосельцев. – М., 1990.

38. Петрухин, В. Я. Три «центра» Руси : Фольклорные истоки и историческая традиция / В. Я. Петрухин // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 143 – 158.

39. Он же. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков / В. Я. Петрухин. – Смоленск ; М., 1995.

40. Пигулевская, Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР / Н. В. Пигулевская. – М. ; Л., 1941.

41. Она же. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н.э. / Н. В. Пигулевская // Акаемику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. – М., 1952. – С. 42 – 48.

42. Половой, Н. Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. / Н. Я. Половой // Византийский временник. – 1961. – Т. XX. – С. 90 – 105.

43. Якубовский, А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. – 943/4 г. / А. Ю. Якубовский // Византийский временник. – 1926. – Т. XXIV. – С. 63 – 92.

44. Он же. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) / А. Ю. Якубовский // Византийский временник. – 1927. – Т. 25. – С. 53 – 76.

45. Босворт, К. Э. Мусульманские династии : Справочник по хронологии и генеалогии / К. Э. Босворт ; пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича. – М., 1971.

46. Восточные источники по истории народов Восточной Европы, изданные в СССР // Ближний и Средний Восток. – М., 1962. – С. 71 – 181.

47. Ислам : Энциклопедический словарь. – М., 1991.

48. Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. – 2-е изд. – М.; Л., 1961.

Вопросы для контроля и повторения

1. Кто из арабских авторов сам посетил Восточную Европу? Каковы были маршруты их путешествий по Восточной Европе?

2. Какое значение для исследования истории Древней Руси имеют источники на древнееврейском языке и каковы их основные жанры?

3. Какие арабские и турецкие источники повествуют о событиях на территории Восточной Европы в первой половине XIII в.?

Тема 8. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Общая характеристика источников

Западноевропейские источники, главным образом немецкие, являются непревзойденными не только по своему количеству, но и по древности. В этом отношении с ними могут сравниться лишь памятники византийского происхождения. «Бертинские анналы», написанные в IX в., содержат под 839 г. самое раннее упоминание этнонима *Русь*, а в «Раффельштеттенском таможенном уставе», созданном между 904 и 906 гг., находим самое древнее известие о международной торговле русских купцов на Среднем Дунае, на территории современной Австрии. Эти уставы древнее, чем знаменитые договоры Руси с Византией 911 и 944 гг.

Западноевропейские источники имеют еще одно специфическое отношение к исторической традиции Древней Руси – конфессиональный характер. Древнерусские князья находились в теснейших связях с католическими странами: Польшей, Германией, Венгрией, Чехией, скандинавскими королевствами, Францией. Церковь смотрела на них с неодобрением, а ведь летописание, да и вся письменность, в сущности находились в руках духовенства. Кроме того почти всякий международный политический союз в средние века сопровождался заключением брачно-родственных связей. Особенно распространен был список иностранных браков потомства киевского князя Ярослава Владимировича (Ярослава Мудрого).

Древнерусский летописец часто знал много больше, чем считал нужным или возможным сказать своему читателю. Вкладывая в уста князю Владимиру, будущему крестителю Руси, ответ латин-

ским миссионерам, «немцам от Рима»: «Идите опять (т. е. назад), яко отцы наши сего не прияли суть» (ПВЛ. С. 39 – 40), – он, естественно, имеет в виду попытку организовать на Руси католическое миссийное епископство, которая была предпринята в 961 г. в правление Владимира отца, киевского князя Святослава, и его бабки, княгини Ольги. Но о самой этой попытке в летописи нет ни слова. Изредка летописец как бы «проговаривается», но почти никогда это не бывает случайностью. Из «Анналов» Ламперта Херсфельдского известно о посольстве немецкого короля Генриха IV (1056 – 1106) к киевскому князю Святославу Ярославичу (1073 – 1076) в 1075 г. Довольно пространное описание встречи Святослава с немецкими послами совершенно неожиданно под тем же 1075 г. находим и в «Повести временных лет». Объясняется это тем, что Святослав, изгнанный с киевского стола своего старшего брата Изяслава, находился в неприязненных отношениях с частью печерского монашества, к которой принадлежали преп. Феодосии Печерский, чей труд впоследствии и лег в основу «Повести временных лет». Поэтому последний не упустил возможности поиронизировать над тем, как Святослав «величался» перед немецкими послами, «показывая им богатство свое» (ПВЛ. С.85).

Анналы

и хроники

В силу некоторых умолчаний в древнерусских летописях да и вследствие того, что само систематическое летописание на Руси возникает только в 1060-е гг., почти все, что мы знаем о внешней политике Руси в отношении стран Западной (латинской) Европы, может быть почерпнуто только из западноевропейских источников. Они помогают создать объективную картину международных связей Руси. Monumenta Germaniae Historica, «Памятники истории Германии» – одно из важнейших собраний высококачественных публикаций средневековых текстов самого разного характера, охватывающее период примерно от 500 до 1500 г. Фактически издание значительно шире своего названия и включает многие итальянские, французские, английские, чешские, польские, датские источники. Хотя его первый том увидел свет еще в 1826 г., оно продолжает выходить до сих пор за счет как новых памятников, так и усовершенствованных переизданий. Центром этой большой издательской работы является специальный институт с тем же названием, существующий с 1819 г. и располагающийся в Мюнхене.

Салернская хроника

О том, что русские князья древнейшей поры титуловались хаканами мы встречаем в «Бертинских анналах». Весьма показательное высказывание на этот счет имеется в послании франкского императора и итальянского короля Людовика II (844 – 875 гг.), направленном в 871 г. византийскому императору Василию I (867 – 886 гг.), которое дошло в составе «Салернской хроники» X в.: «Хаканом мы называем государя авар, а не хазар, или норманнов».

Сообщение «Салернской хроники» вошло в искаженном виде в русскую историографию. «Хаканом же мы не называем государя авар, а также хазар или норманнов». А причина в том, что издатель правильному «nos» – «мы» в латинском оригинале ошибочно предпочел «non» – «не». Эта ошибка была впоследствии исправлена.

Среди достаточно известных в Западной Европе скандинавских конунгов «хаканов» не было. Из ответа Людовика ясно, что в византийской императорской канцелярии около 870 г., как и в 839 г., древнерусского князя продолжали именовать «хаканом», к тому же явно соотнося этот титул с титулом хазарского кагана. В данном случае имелись в виду не какие-либо иные, а именно восточноевропейские, «русские», норманны. Укажем на свидетельство «Венецианской хроники» Иоанна Диякона (рубеж X – XI вв.), в которой Русь, напавшая на Константинополь в 860 г., названа «народом норманнов»:

«В это время народ норманнов на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси». Заметим, кстати, что этот рассказ в деталях заметно отличается от основанного на византийских источниках рассказа древнерусской «Повести временных лет», согласно которому «русский» флот состоял из двухсот кораблей, а поход окончился не «триумфом», а гибелью кораблей от бури.

У известного писателя и дипломата X в. *Людпранда*, епископа кременского, в качестве посла дважды побывавшего в Константинополе в 949 и 968 гг., в подробном рассказе о походе киевского князя Игоря на столицу Византийской империи в 941 г. читаем: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русиями, мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке nord означает север, а man – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами».

Лиудпранд оставил отчет о своем посольстве в Константинополь в 968 г., который является неоценимым источником по внешней политике, дипломатической практике, церемониалам византийского двора. Прочитированный фрагмент взят из сочинения Лиудпранда «Возмездие». В нем отразились впечатления дипломата от посольства в Византию в 949 г. Пространное описание Лиудпрандом по припоминаниям греков-очевидцев недавнего нападения русского флота на столицу Византийской империи представляет собой интересную параллель к рассказам об этом событии в древнерусских и византийских источниках и позднее неоднократно заимствовалось другими западноевропейскими авторами. Лиудпранд пишет:

«Королем этого народа (Руси) был [некто] по имени Игорь (Inger), который, собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю. Император Роман, услышав об этом, терзался раздумьями, ибо весь его флот был отправлен против сарацин (арабов) и на защиту островов. После того как он провел немало бессонных ночей в раздумьях, а Игорь разорял все побережье, Роману сообщили, что у него есть только 15 полуполоманных хеландий (тип корабля), брошенных их владельцами вследствие их ветхости. Узнав об этом, он велел призвать к себе калафатов, то есть корабельных плотников, и сказал им: «Поспешите и без промедления подготовьте оставшиеся хеландии, а огнемётные машины поставьте не только на носу, но и на корме, а сверх того – даже по бортам». Когда хеландии по его приказу были таким образом подготовлены, он посадил на них опытнейших мужей и приказал им двинуться против короля Игоря. Наконец, они прибыли. Завидев их, расположившихся в море, король Игорь повелел своему войску не убивать их, а взять живыми. И тогда милосердный и сострадательный Господь, который пожелал не просто защитить почитающих Его, поклоняющихся и молящихся Ему, но и даровать им победу, [сделал так, что] море стало спокойным и свободным от ветров – иначе грекам было бы неудобно стрелять огнем. Итак, расположившись посреди русского [флота], они принялись метать вокруг себя огонь. Увидав такое, русские тут же стали бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно и их больше не видели, некоторые же, державшиеся на плаву, сгорали даже посреди морских волн. В тот

день не уцелел никто, кроме спасшихся бегством на берег. Однако корабли русских, будучи небольшими, отошли на мелководье, чего не могли сделать греческие хеландии из-за своей глубокой посадки. После этого Игорь в великом смятении ушел восвояси; победоносные же греки, ликуя, вернулись в Константинополь, ведя с собой многих оставшихся в живых [русских пленных], которых Роман повелел всех обезглавить в присутствии моего отчима, посла короля Хуго (король Италии в 926 – 947)».

Мы видим, что Людовик II, Иоанн Диакон и Лиудпранд не сомневаются в киевском происхождении «норманнов». Этот титул (в форме «каган») известен так же и древнерусским источникам! Так, например, он применен по отношению к киевским князьям Владимиру Святославичу Святому и его сыну Ярославу Мудрому в «Слове о законе и благодати» будущего киевского митрополита Илариона, написанном в середине XI столетия.

«Баварский географ» («Geographus Bavarus») – один из интереснейших памятников источниковедения. Введенный в русскую науку еще Н. М. Карамзиным, он долгое время ошибочно датировался XI – XII вв., а его создание связывалось с одним из баварских монастырей св. Эммерама в Регенсбурге. Как было установлено уже в середине XX в., записка возникла в швабском монастыре Райхенау – в верховьях Рейна – одном из наиболее известных своей литературной деятельностью немецких монастырей, т. е. не на юго-востоке, а на юго-западе Германии; таким образом, перед нами не «Баварский», а «Швабский географ». Однако старое название успело прочно закрепиться. Кроме того, выяснилось, что источник много древнее и возник еще во второй половине IX в. В рукописи этот небольшой текст носит заглавие «*Описание городов и областей к северу от Дуная*» и представляет собой перечень более полусотни племен и народов Центральной и Восточной Европы, в подавляющем большинстве славянских. Как правило, к этнонимам добавлены данные о количестве городов у соответствующего народа, например: богемы (т. е. чехи) имеют 15 городов, у моравов – 11 городов и т. п.

В конце находим упоминание о Руси и, что характерно, опять рядом с хазарами: «...хазары, 100 городов, русь (Ruzzi), луколяне, венгры...» и проч. Венгров, как видим, источник застает еще в сте-

пях Подонья или Северного Причерноморья (в места своего нынешнего обитания они переселились в конце IX в.). Но кто такие «луколяне»? Скорее всего, «лучане», распространенное название по всей Славянщине. Кроме руси, хазар и венгров, в «Баварском географе» встречаются и другие восточнославянские названия, известные также по древнерусским источникам, – бужане (на правом берегу верхнего течения Западного Буга), уличи (на Нижнем Днепре или в Поднестровье). Источник также содержит очень много неясностей. Но тем не менее мы четко прослеживаем торговый путь Руси, который можно условно по аналогии назвать «путем из немец в хазары», как торговый путь «из варяг в греки».

«Раффельштеттенский таможенный устав» «Раффельштеттенский таможенный устав» – единственный памятник таможенных документов такого рода в Европе IX – X вв. На территории Австрийского герцогства (с середины XII в. сменившего Баварскую восточную марку) подобные торгово-таможенные уставы известны снова только с 1190-х гг. и в них упоминается о торговле с Русью. Устав был издан между 904 и 906 гг. по приказу восточно-франкского короля из династии Каролингов (т.е. потомков Карла Великого) Людовика IV Дитяти (899 – 911) в местечке Раффельштеттен. Но это не в полном смысле торговый устав Раффельштеттена, как часто считают, а документ, регулировавший мытные (таможенные) порядки в Баварской восточной марке в целом, т.е. в Подунавье от нынешней немецко-австрийской границы на западе и приблизительно до современной Вены на востоке. Памятник свидетельствует о цветущей внутренней и международной торговле на этих территориях *накануне* начала опустошительных венгерских набегов, терзавших Европу, особенно Германию в течение всей первой половины X столетия.

В четвертой главе устава говорится: «Славяне же, отправляющиеся для торговли от рогов или богемов, если расположатся для торговли где-либо на берегу Дуная ..., с каждого व्यюка воска платят две меры стоимостью в один скот каждая; с груза одного носильщика – одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов или лошадей, то за каждую рабыню платят по одному тремиссу, столько же за жеребца, за раба – одну сайгу, столько же за кобылу».

Под «ругами», которые приходят на Дунай торговать вместе с «богемами»-чехами, следует понимать Русь. Действительно, в западноевропейских источниках X – XI вв. этот реликтовый этноним неоднократно употреблялся в отношении Руси: в «Продолжении хроники Регинона», «Генеалогии Вельфов», в английских «Законах короля Эдуарда Исповедника» и др. Следовательно, перед нами свидетельство о торговле русских купцов на Среднем Дунае времен князя Олега. Русские купцы названы рядом с чешскими купцами: и те, и другие приходили в Баварскую восточную марку из Праги, где русских торговцев видел в 965/966 г. испанский еврей Ибрахим Ибн Йакуб. Восточные источники IX – X вв., Ибн Хордадбех, переписка кордовского министра Хасдая (с хазарским каганом) рисуют общие контуры трансевропейской торговой магистрали от арабской Испании до Хазарии, частью которой был путь, связывавший Киев с баварским Подунавьем через Прагу, Краков, а затем Перемышль или Владимир Воынский.

Русские и чешские купцы, согласно «Раффельштеттенскому уставу», торгуют рабами, воском и лошадьми. О вывозе из Руси коней древнерусские источники молчат, зато о том, что рабы («челядь») и воск, в больших количествах шедший на производство свечей, прежде всего церковных, были, наряду с мехами, преимущественными статьями древнерусского экспорта в раннее средневековье, они сообщают не раз. Характерно и то, что некоторые специфические черты денежного счета на территории Баварской восточной марки, которые фиксирует «Раффельштеттенский устав», конечно, не могли возникнуть в начале X в., они – результат достаточно длительной истории и отсылают нас к предыдущему IX столетию.

Русская марка В дарственной грамоте восточнофранкского короля Людовика II Немецкого (840 – 876) Альтайхскому монастырю (на востоке Баварии, на Дунае) на земле в Баварской восточной марке среди топографических ориентиров названо и местечко *Ruz&ramarcha* (рис. 5). Вторая часть этого названия, *-marcha* часто встречается в немецкой топонимии и обозначает «марку» – населенный пункт как центр мелкого территориального подразделения графского округа, что-то вроде более поздней сельской общины. Перед нами именно «Русская марка» – одно из чрезвычайно многочисленных местных названий, вроде «Итальянской»,

«Саксонской», «Еврейской деревни» или «марки». В этой связи любопытно само месторасположение *Ruz&ramarcha* – на торной торговой дороге вдоль южного берега Дуная, находящейся под защитой государственной власти (дорога упоминается и в «Раффельштеттенском уставе»), там, где начинается участок реки, опасный для судоходства, так называемая Грайнская быстрина. Вероятно, здесь купцы, приплывавшие по Дунаю с востока в Баварскую марку, вынуждены были перегружать свои товары с кораблей на возы. Коль скоро возникшее на этом месте поселение получило название именно «Русская марка», можно сделать вывод, что среди упомянутых купцов прибывавшие из Руси были либо наиболее многочисленны, либо примечательнее других. Заметим, что грамота Людовика II сохранилась в оригинале и датируется 863 г., хотя ясно, что «Русская марка» возникла не в 863 г., а гораздо раньше.

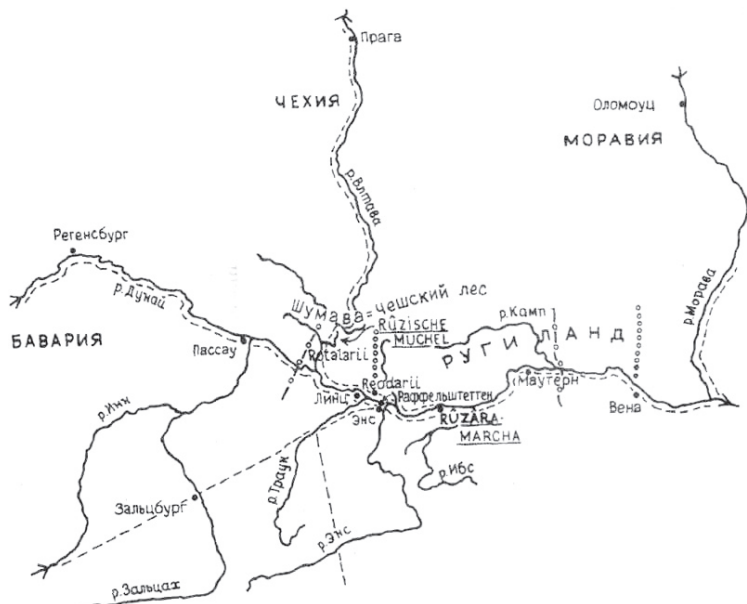

Рис. 5. Торговые пути в Баварской восточной марке IX – начале X в. и «русская» топонимия

О том, что русские купцы одно время приходили в Баварскую марку с востока по Дунаю, позволительно догадываться, исходя из локализации «Русской марки» в грамоте 863 г.: если бы они явля-

лись с севера, то для торговли им незачем было бы перебираться на противоположный южный берег. Но с возникновением в конце IX в. венгерской опасности на Среднем Дунае этот путь, очевидно, должен был замереть, уступив место более северным маршрутам. Путь с запада маловероятен, так как непонятно, что могло заставить русских купцов, коль скоро они уже попали в баварскую столицу (Регенсбург), отправляться отсюда со своими товарами на восточную окраину Баварии. Следовательно, остается единственная логическая возможность – прямой путь из Праги вверх по Влтаве и далее через перевалы Чешского леса. Такие пути в самом деле засвидетельствованы источниками XII – XIII вв., но в данном случае для нас важнее, что русское присутствие на них отложилось в местной топонимии. Актовыми источниками (наиболее ранний из них – 30-х гг. XII в.) удостоверяется существование здесь пограничной речки, носившей два конкурировавших названия – *Ruzische* или *Bohmische Muchel* (современная форма – *Mühl*), т.е. «Русская» или «Чешская Мюль». Перед нами красноречивая топонимическая иллюстрация к «славянам от рогов или богемов» «Раффельштеттенского устава».

Русь и Германия накануне крещения Руси

Древнерусская летопись в редакциях начала XII в. («Повесть временных лет») рисует крещение Руси как результат сознательного выбора веры киевским князем Владимиром Святославичем Святым (978 – 1015) и его женитьбы на византийской принцессе Анне, сестре правившего тогда императора Василия II (976 – 1025).

Крещению Владимира и всей Руси предшествовало крещение бабки Владимира – княгини Ольги, которая, по словам летописца, «первой вниде в цесарство небесное от Руси». Несмотря на то, что о крещении Ольги сообщают не только древнерусские, но и византийские «хроника Скилицы» и немецкие «Продолжение хроники Регинона» источники, вокруг этого обстоятельства не затихает дискуссия. Хотя все источники единогласно утверждают, что киевская княгиня приняла крещение в Константинополе, ряд исследователей до сих пор вслед за Г. А. Острогорским склонны думать, что это произошло в Киеве. Нет единства и относительно даты поездки Ольги в Константинополь (здесь мнения разделились между 946 и 957 гг.), ясно лишь, что княгиня отправилась в столицу Византийской импе-

рии после смерти своего мужа киевского князя Игоря. Сохранилось подробное протокольное описание двух приемов Ольги императорским семейством Константина VII Багрянородного. Немецкие источники сообщают о том, что в 959 г. киевская правительница отправила посольство к германскому королю Оттону I (936 – 973) с просьбой прислать на Русь епископа и священников.

В «Продолжении хроники Регинона Прюмского», написанном, как обычно считают, между 962 и 967 гг., читаем:

«В лето от Воплощения Господня 959-е. ... Послы Елены, королевы ругов (Rugi), крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников... Король отпраздновал Рождество Господне во Франкфурте, где Либуций из обители святого Альбана (в Майнце) посвящается в епископы для народа ругов достопочтенным архиепископом Адальдагом. Король отпраздновал Рождество Господне в Регенсбурге ... Либуций, отправлению которого в прошлом году помешали какие-то задержки, умер 15 февраля сего года. На должности его сменил, по совету и ходатайству архиепископа Вильгельма, Адальберт из обители святого Максимиана (в Трире), [который] хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился, должен был отправиться на чужбину. С почестями назначив его [епископом] для народа ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался. ... В этом же году Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, ради чего он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его [спутников] были убиты, сам же он, после больших лишений едва спасся».

Известие о русском посольстве и миссии епископа Адальберта находим под 960 г. и в ряде других анналов:

«К королю Оттону явились послы от народа Руси (Ruscia) с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру. И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта правой веры. Они же, как показал впоследствии исход дела, во всем солгали».

Миссии Адальберта на Русь естественно связаны с магдебургской архиепископской кафедрой (Адальберт в 968 г. стал первым архиепископом магдебургским).

В середине X в., накануне официальной христианизации, Русь вела политику активного лавирования между Западной и Восточной церквями – точно так же, как столетием раньше в аналогичной ситуации вели себя Моравия и Болгария. Главным было создание в стране церковной организации, что было невозможно без включения в уже существующие церковно-юридические структуры, т. е. без подчинения тому или иному церковно-юридическому центру. В расчет могли приниматься только Рим или Константинополь. Таким образом, христианизация на своем первом этапе была задачей по преимуществу внешнеполитической.

Остается вопрос, насколько серьезны были намерения Ольги в отношении немецкого епископа? Возможно прибывший с опозданием на полтора года немецкий епископ просто застал в Киеве радикально изменившуюся внутривосточную ситуацию: бразды правления перешли в руки возмужавшего Святослава Игоревича, который не проявлял интереса к крещению, по крайней мере, таким его рисует «Повесть временных лет».

Все это не более чем предположения, но безусловно ясно одно: в связи с планами крещения Русь стала участницей сложной общеевропейской политики. Киевская княгиня, недовольная результатами своего визита в Царьград [на просьбу византийского императора дать ему «воев в помощь», она, согласно летописи, саркастически отвечает: «Аще (если) ты ... так о же постоиши у мене в Почаине, яко же аз в Суду, то тогда ти дам» (ПВЛ. С, 30)], направляет посольство к германскому королю. Тот приказывает рукоположить епископа для Руси, но не спешит отправлять его, вместо этого пытаясь вступить в переговоры с Византией. Отгон I готовится к походу в Рим для императорской коронации (она состоялась в феврале 962 г.), и потому для него крайне важна лояльность византийского императора в столь принципиальном и щекотливом вопросе. Он понимает, что Константинополь рассматривает Киев как сферу своего влияния, и готов пожертвовать русской епархией в обмен на подобную лояльность. Но новый византийский император Роман II (959 – 963) узнает о назначении немецкого епископа для Руси до прибытия пос-

лов Отгона, и его реакция оказывается решительной: в отношениях с Германией уже к лету 960 г. наступает внезапный и резкий разрыв. В итоге Адальберт в 961 г. все-таки отправляется на Русь, но прибывает слишком поздно: отношения Киева (еще Ольги или уже Святослава) с новым императором улажены; во всяком случае, русский корпус, в котором было отказано Константину VII, участвует в первой же крупной военной акции его сына и преемника – отвоевании Крита у арабов в августе 960 – марте 961 гг. Очевидно, так разворачивались события. Роман II сохранил и союз с Русью, заключенный еще в 944 г. при князе Игоре, и не пошел на уступки Отгону I в вопросе об императорском титуле, признание которого Византией Германии пришлось вырывать путем войны против греческих владений на юге Италии в 968 – 971 гг.

Владимир Святой в хронике Татмира Мерзебургского

В своей «Хронике» Татмир Мерзебургский Владимиру посвящает три главы (72–74) в конце VII книги. Как и последующее описание уособицы Владимировичей, эти уникальные сведения имеют первостепенное значение для историков Древней Руси – и не просто как детальное свидетельство современника событий. Дело еще и в том, что вторая половина правления Владимира от завершения строительства Десятинной церкви в 996 г. и до смерти князя 15 июля 1015 г. чрезвычайно скудно освещена древнерусскими источниками. Все, что известно об этом периоде из «Повести временных лет», исчерпывается, в сущности, несколькими краткими записями о кончине тех или иных представителей княжеского семейства. Приведем несколько отрывков из «Хроники» Татмира:

«VII, 72. Продолжу рассказ и коснусь несправедливости, содеянной королем Руси Владимиром (rex Ruscorum Wlodemirus). Он взял жену из Греции по имени Елена, ранее просватанную за Отгона III, но коварным образом у него восхищенную. По ее настоянию он (Владимир) принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником и учинил большое насилие над изнеженными данайцами. Имея троих сыновей, он дал в жены одному из них дочь нашего притеснителя герцога (dux) Болеслава (польского князя Болеслава I), вместе с которой поляками был прислан Рейнберн, епископ колобжегский. Упо-

мянутый король, узнав, что его сын по наущению Болеславу намерен тайно против него выступить, схватил того [епископа] вместе с этим [своим сыном] и [его] женой и заключил каждого в отдельную темницу. В ней святой отец, прилежно восхваляя Господа, свершил втайне то, чего не мог открыто: по слезам его и усердной молитве, исторгнутой из кающегося сердца, [как] по причастии, отпущены были ему грехи Высшим Священником; [душа] его, вырвавшись из узилища тела, ликуя, перешла в свободу вечной славы.

VII, 73. Имя названного короля несправедливо толкуют как «власть мира», ибо не тот вечно непостоянный мир зовется истинным, который царит меж нечестивыми и который дан детям сего века, но действительного мира вкусил лишь тот, кто, укротив в своей душе всякую страсть, снискал царствие небесное в награду за смирение, побеждающее невзгоды. Сей епископ, обретший в двоякой непорочности (телесной и духовной) прибежище на небесах, смеется над угрозами беззаконника, созерцая пламя возмездия, терзающее этого распутника, так как, по свидетельству учителя нашего Павла, Господь наказует прелюбодеев. Болеслав же, узнав обо всем этом, не переставал мстить, чем только мог. После этого названный король умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю.

VII, 74. Он долго правил упомянутым королевством, умер глубоким стариком и похоронен в большом городе Киеве в церкви мученика Христова папы Климента рядом с упомянутой своей супругой, саркофаги их стоят посреди храма. Власть его делят между собой сыновья, и во всем подтверждается слово Христово, ибо, боюсь, последует то, чему предречено свершиться устами неживыми – ведь сказано: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет и проч. Пусть же молится весь христианский мир, дабы отвратил Господь от той страны [свой] приговор». Как выяснилось, глава VII, 74 была записана позже двух предыдущих и опиралась на сведения, полученные от саксонских участников похода Болеслава Храброго на Киев летом 1018 г.

Международная торговля Руси

Международная торговля реже находила отражение в источниках. Среди них много места занимают памятники правового характера. К таковым относится наиболее ранний из сообщаемых о Руси актовых источников — «Раффельштеттенский таможенный устав» начала X в.

К 1191/92 г. относится грамота штирийского герцога Оттокара IV, подтверждающая таможенные порядки на рынке в городе Энс (на Дунае, близ устья одноименной реки, чуть выше Раффельштеттена), как они были установлены его отцом штирийским маркграфом Оттокарсом III. Одно из центральных положений этой грамоты – обязанность всех торговцев, проезжающих Энс после Благовещения (25 марта), оставаться здесь для участия в ярмарке, которая происходила ежегодно в течение почти двух недель со вторника накануне Вознесения до кануна Троицына дня. Исключением были «возы, направляющиеся на Русь (*Ruzia*) и из Руси», которые, по уплате обычной проездной пошлины в 16 денариев при переезде моста через реку Энс, «не могли быть задерживаемы». Спустя несколько месяцев, в июле 1192 г., новым штирийским и австрийским герцогом Леопольдом V был издан другой документ – торговые и таможенные привилегии регенсбургским купцам на территории герцогства. В них торгующие с Русью купцы, названные в грамоте *Ruzarii*, выделены в особую рубрику, но в отношении въездных таможенных пошлин приравнены к прочим торгующим привозным товаром, например, купцам из Кёльна: «*Ruzarii*, когда бы ни ехали, платят 2 таланта (т. е. два фунта серебра), а по возвращении из Руси – полталанта; пусть заплатят 12 денариев, если пожелают куда-нибудь зайти [для торговли]». Это установление характеризует *Ruzarii* как купцов, по преимуществу транзитных: заезжать для торговли своим товаром в местечки на территории Австрийского герцогства они могли, но это рассматривалось как исключение и облагалось обычной в таких случаях пошлиной (здесь привилегии кончались). Куда же так стремились из Руси эти транзитные *Ruzarii*? Источник не оставляет в этом отношении никаких сомнений – в Регенсбург. Собственно, и грамота Оттокара IV была издана «по прошению жителей Регенсбурга», господствующая роль которых в торговле на рынке Энса выражалась еще и в том, что в осмотре товаров и сборе пошлин там принимал участие уполномоченный регенсбургского купечества – «регенсбургский граф».

Есть еще один памятник, полностью опубликованный только в 1977 г., – *торговый устав австрийского и тирольского герцога Леопольда VI*; в нем упорядочиваются таможенные сборы на территории герцогства, но в первую очередь он имеет в виду жителей Нойштадта (в настоящее время – часть Вены) и рынок в Энее. Среди ввозов, минующих рынок в Энее, как и в грамоте Оттокара IV, упоминаются возы «из Венгрии или Руси», которые, если их владельцы хотят избежать обязанности участвовать в здешней ярмарке, облагаются проездной пошлиной в три фунта серебра. Обозначенная сумма многократно выше аналогичной пошлины на «возы из Руси» времен Оттокара III и Оттокара IV. В документе Леопольда VI для нас интересно также и то, что возы из Руси объединены в одну группу с возами из Венгрии. Это, конечно, не случайно и, вероятно, отражает один из маршрутов их движения, что отчасти подтверждается и венгерским источником – *таможенными тарифами венгерского короля Имре (1196 – 1204) монастырю в Эстергоме* (на Дунае, несколько выше современного Будапешта) 1198 г., в которых упоминаются торговцы из Руси, привозящие свой товар на возах и на вьючных лошадях, а также торговцы драгоценными мехами; они платят полмарки пошлины.

Перечисленные юридические памятники группируются на рубеже XII – XIII вв., но это, конечно, отнюдь не означает, что именно тогда начинается (или возобновляется) торговля с Русью. Причина тому совсем иная – принципиальные изменения в социальном составе купеческого сословия. Если раньше торговля велась от имени и по поручению феодального сеньора (светского или церковного) юридически зависимыми от него лицами (исключением являлись только еврейские купцы, которые в источниках, например в «Раффельштеттенском уставе», называются поэтому «законными торговцами»), то во второй половине XII в. происходит сложение корпораций профессионального городского купечества, которые постепенно забирают в свои руки прибыльную международную торговлю. Эти перемены требовали правового закрепления, что и вызвало появление документов типа названных торгово-таможенных уставов.

Так, во *вкладной книге монастыря св. Эммерама* в Регенсбурге под 1179 г. обнаруживается запись о том, что некий «Хартвик..., проживающий в стране Руси (Ruscia), в городе под названием Киев

(Chiebe)», передает монастырю причитающиеся ему от его регенбургских должников 18 фунтов серебра. Это свидетельство чрезвычайно показательно в нескольких отношениях. Во-первых, оно хорошо иллюстрирует только что сказанное о социальном составе ранней международной торговли: Хартвик назван в записи «челядином» монастыря св. Эммерама. Таким образом, он не был лично свободным, а принадлежал к «familia» св. Эммерама – лично зависимым от монастыря людям, которые занимались разными доходными для него промыслами, в том числе и дальней торговлей. В то же время мы видим, что эта зависимость носит уже довольно зыбкий характер. Хотя Хартвик, возможно, и был фактором, представлявшим в Киеве монастырь св. Эммерама, но при том располагал достаточно большими собственными денежными средствами. Аккумуляция таких средств и позволяла Хартвику и ему подобным со временем выкупать себя из личной зависимости от сеньора (в данном случае – монастыря) и вливаться в состав городских купеческих корпораций. Во-вторых, снова оказывается, что к торговле с Русью причастно именно регенбургское купечество. В-третьих, немаловажно, что Хартвик не просто наезжал в Киев по делам торговли, а постоянно жил там.

Наличие в древнерусских городах домонгольского времени постоянно действовавших факторий западного купечества вне сомнений, но достаточно внятные конкретные сведения о них есть, в сущности, только применительно к Новгороду, где существовало немецкое купеческое подворье с церковью св. Петра, а с еще более раннего времени – подворье готландского купечества («Готский двор») с церковью св. Олава. Есть данные о немецкой купеческой церкви в Смоленске в 20-х гг. XIII в. Как видим, не был исключением и Киев. По-видимому, латинских церквей, а они были именно купеческими и при них располагались торговые склады и гостиницы, в Киеве было несколько. Об этом можно догадываться по сообщению Новгородской летописи под 1203 г. о разграблении Киева войсками князя Рюрика Ростиславича и его половецкими союзниками; когда «гости (т. е. купцы), иноземцы всякого языка, затворишася в церквах, и вдаша им живот (оставили жизнь)» (НПЛ. С. 45). «Гости-иноземцы» «затворились», разумеется, в своих латинских храмах; отсюда, кстати говоря, следует, что эти последние были укрепленными, т. е. представляли собой огороженные подворья.

Такая связь латинских храмов в древнерусских городах с присутствием в них западноевропейского или скандинавского купечества заставляет ближе присмотреться к тем сведениям о них, которые сами по себе никак не выдают торгового аспекта. Так, одно из приложений к «*Великой хронике*» англичанина *Матвея Парижского* середины XIII в. – сопроводительное послание аббата бенедиктинского «монастыря святой Марии ... в Венгрии», данное им двум монахам-ирландцам «из монастыря святой Марии на Руси (Ruscia)», которые бежали от татар и которых он отправлял на родину, в Ирландию. Точное местонахождение монастыря на Руси не указано, но по датировке послания январем 1242 г. можно предполагать, что он располагался в Киеве, разгромленном татарами в 1240 г. Очевидно, это тот же монастырь пресв. Богородицы в Киеве, который в первой половине 1220-х гг. возглавил польский доминиканец Гиацинт, как о том сообщается в «*Житии св. Гиацинта*», памятнике XIV в.: «св. Яцек ... в Киеве ... принял [под свою руку] монастырь (conventum) братьев-проповедников (т. е. доминиканцев) в честь Преславной Девы». Поминается он и в польской хронике Яна Длугоша в связи с изгнанием доминиканцев из Киева киевским князем Владимиром Рюриковичем (1223 – 1235) в 1233 г.: «...церковь св. Марии в Киеве, ... при которой у них (доминиканцев) был свой монастырь». Как видно из текста «*Жития св. Гиацинта*», церковь св. Марии существовала в Киеве и до появления там доминиканцев, т. е. по своему происхождению была, очевидно, купеческой. В этом убеждает и булла папы Григория IX (1227 – 1241) от 1234 г. Торговые связи Сандомира с Русью (Сандомир – польский город на Верхней Висле) засвидетельствованы *грамотой польского князя Казимира Справедливого* от 1176 г., в которой упоминаются возы с солью, прибывающие в Сандомир из Руси, вероятно, из Галицкой земли, где, как известно, велась добыча соли.

Интересно, что в документах, аналогичных упомянутым уставам конца XII – первой трети XIII в., но изданных уже в 40-е гг. XIII столетия (например, *таможенном и рыночном уставе австрийского герцога Фридриха Воинственного Нойштадту*, пригороду Вены, от 1244 г.), сведений о Руси уже нет.

Это говорит, очевидно, о (временном) прекращении международной торговли Киева после разгрома его татарами в 1240 г. и мо-

жет служить одним из аргументов в продолжающемся споре о степени экономического и политического упадка города в это время.

Одно из наиболее ранних западноевропейских известий о торговле с Русью (помимо «Раффельштеттенского устава») относится к рубежу XI – XII вв. и снова уводит нас в Регенсбург. Оно содержится в «*Житии св. Мариана Ирландца*», написанном в 1180-е гг. Св. Мариан был основателем монастыря св. Иакова в Регенсбурге:

«Один из братии этой обители ... по имени Маврикий, в сопровождении только мальчика, по бездорожью мира ведомый милосердием Святого Духа, прибыл к королю Руси (rex Russiae), получил от этого короля и от вельмож богатейшего города Киева на сто марок (около 20 – 25 кг серебра) драгоценных мехов и, погрузив их на повозки, благополучно добрался с купцами до Регенсбурга. На эти деньги были закончены постройки монастыря и крыша собора».

Русь и балтийская торговля

Данные археологии убеждают, что так или иначе земли будущей Северной Руси принимали участие в международных торговых связях по Балтике с очень ранних пор – уже с конца VIII в. В западноевропейских памятниках это связано с началом сложения во второй половине XII в. торгово-политического объединения немецких городов, впоследствии получившего название Ганзы. Более ранние свидетельства отрывочны и недостаточно определены. Так, точный хронометраж морских маршрутов от датского порта Шлезвига, торгового города Волина в устье Одры или шведской Бирки до «Острогарда Руси» в «Хронике» Адама Бременского заставляет думать о «наезженности» этих путей в середине XI в., хотя само слово «торговля» Адамом прямо и не произнесено.

В загадочном «Острогарде» историки часто видят Новгород, но, скорее всего, это пункт неопределенной локализации, Русь вообще. «Русь варварами-датчанами зовется Острогардом, потому что, расположенная на востоке, она, подобно орошенному саду, изобилует всеми благами».

Предпосылка для консолидации немецких городов, участвовавших в балтийской торговле, была создана в 1158 г. в результате так называемого второго основания города Любека по повелению саксонского герцога Генриха Льва (1142 – 1180), одного из известнейших представителей семейства Вельфов, грозного соперника

императора Фридриха I Барбароссы. Об этом сообщается в «Славянской хронике» Хельмольда из Бозау (к северо-западу от Любека), созданной в течение 60 – 70-х гг. XII в. В хронике есть и другие упоминания о Руси, но они восходят к сочинению Адама Бременского, служившего главным источником для Хельмольда: «И разослал герцог послов по городам и королевствам Севера – Дании, Швеции, Норвегии, Руси (Rucia)».

«Русские (Rutheni), готландцы, норвежцы и другие восточные народы пусть приходят в упомянутый город без налога и пошлины и свободно покидают [его]». Это установление подтверждено и в 1220-х гг. «Любекским таможенным уставом»: «В Любеке не платит пошлины никто из граждан Шверина (торговый город на немецком побережье Балтики), а также никто из русских (Rutenus), норвежцев, шведов, ... ни готландец, ни ливонец, равно как и никто из восточных народов».

К этому времени относятся и первые дошедшие до нас тексты договоров Новгорода и Смоленска с Готландом и немецкими городами. Некоторые из них сохранились не только в древнерусских списках, но и в списках на латинском и нижненемецком (древнесаксонском) языках.

Вскоре после дарования Любеку права беспошлинной торговли появляются сведения о торговле с Русью, связанные и с другими городами, причем сведения такого рода, что предполагают уже юридически оформленный статус этой торговли и ее участников. В *грамоте кёльнского архиепископа Райнальда вестфальскому городу Медебаху* от 1165 г., посвященной введению в последнем торгового права города Зоста, среди установлений, касающихся гражданского права, есть и порядок оформления ссуд купцам, отправляющимся за границу: «Если кто-либо дает свои деньги кому-нибудь из своих сограждан, чтобы тот торговал на них к обоюдной выгоде в Дании, или на Руси (Rucia), или в другой стране, то должен иметь веродостойных сограждан, которые бы видели [это] и были бы свидетелями этой сделки». Русь, как видим, названа как страна, куда чаще и прежде всего ездят купцы из Медебаха для выгодной торговли; поскольку рядом упомянута Дания, то речь идет, понятно, о морской торговле по Балтике.

«*Жития падерборнского* (Paderborn – город и епископство в Вестфалии, несколько севернее Медебаха) *епископа Майнверка*» (XII в.). Известно, что этот видный церковный иерарх (занимавший кафедру в 1009 – 1036 гг.) принимал активное участие в торговле дорогими мехами, в том числе и восточноевропейскими. Это видно из упоминания, наряду с куньими, лисьими и беличьими мехами, соболей («собольей шубы» – «zebelina tunica» – стоимостью «в шесть талантов», т. е. в 12 марок — около 2,5 кг серебра) и из знакомства с технологией выделки каракуля (Vita Meinw. Cap. 44, 56, 85, 86, 111. P. 39, 44 – 45, 52, 58); само заимствование термина *соболь* указывает на Русь как на источник этих меховых поступлений. Вместе с тем сказать, каким именно путем восточноевропейские меха попадали в данном случае в Саксонию, не представляется возможным: это мог быть и морской маршрут, вроде того, что описан у Адама Бременского (Русь – Шлезвиг, оттуда сушею до Гамбурга), и сухопутный – через Прагу и/или Регенсбург. Древнерусские соболя были, очевидно, достаточно широко известны в Европе и рассматривались как один из предметов роскоши. В *постановлениях Хеддингтонского* (близ Нортгемптона) собора 1188 г., принятых под председательством английского короля Генриха II (1154 – 1189), собиравшегося возглавить Третий крестовый поход, среди мер по борьбе за вящую строгость нравов, кроме запрета на азартные игры, было и запрещение на роскошные одежды из соболей (sabelina); постановления дошли в составе уже известной нам (см.: гл. 4.1.2) «Хроники» Роджера из Ховедена.

Восточноевропейская политика Западной церкви

До начала XIII в. нет сведений о каких-либо политических последствиях конфессионального противостояния Западной и Восточной церквей, которое находило выражение главным образом во внутрицерковной полемике. Вот лишь некоторые примеры конфессионально обусловленных оценок Руси и русских в западноевропейских текстах.

Послание краковского епископа Матфея к Бернарду Клервоскому (Matthaei Cracoviensis episcopi epistula ad s. Bernardum abbatem Clarevallensem) является ответом на запрос самого Бернарда, «возможно ли кому-либо искоренить нечестивые обряды и церковные обычаи русских (Rutheni)?». Написано оно в 40-е гг. XII в. Послание

довольно пространно вследствие того, что «наполнено почти одними восклицаниями», как справедливо заметил русский археограф А. И. Тургенев. По мнению автора послания, обращение русских – дело трудное и взяты за него было бы по силам только самому Бернарду. Далее следует характеристика русских: «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) (т. е. католической) веры и установлений истинной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня (т. е. в евхаристии. – Авт.), но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также в других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни с Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге автор послания призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на Руси, которая – словно другой мир». Крайне характерно, что Русь уже тогда, в середине XII в., задолго до «татарского ига» и зарождения пресловутой московской ксенофобии (к которым так охотно возводят разделение между Россией и прочей Европой), взгляду с Запада представлялась особым, «другим миром». При всем том епископ Матфей не слишком вдается в вопрос, в чем же, собственно, заключается «еретическое нечестие» русских. Его конкретные обвинения в искажении евхаристического таинства (в Восточной церкви, как известно, в нем используют квасной хлеб, тогда как в Западной – пресный) и таинства брака сродни аналогичным упрекам православных в адрес католиков. Впрочем, в последнем случае автор послания, кажется, имел в виду то, что на Руси браки с католиками не допускались (расторгались) и требовалось новое крещение католика по православному обряду (перекрещивание) (т. е. католическое крещение считалось безблагодатным, недействительным). Это обвинение встречается и у других латинских авторов (например, в булле папы Гонория III от февраля 1222 г.), но вряд ли оно вполне оправдано. Как гречески-

ми, так и древнерусскими церковными установлениями при переходе католиков в православие требовалось только миропомазание. Известны древнерусские особые чины принятия в православие мусульман, иудеев и др., но применительно к «латинянам» такого чина не было. Смену имени католичками при заключении брака с русскими князьями нельзя считать свидетельством перекрещивания, что вполне доказывает латинский молитвенник польки Гертруды, жены киевского князя Изяслава Ярославича, часть молитв в котором относится явно к периоду волынского княжения ее сына Ярополка (примеры смены имени при браках русских княжен с католиками; так, Евпраксия стала Адель-хайдой). Возможно, однако, что случаи перекрещивания все же имели место – скажем, вследствие личного неумеренного рвения отдельных священников – например, в Новгороде, где постоянно проживало значительное количество католиков и их контакты с местным населением были активны (известно, что новгородцы были иногда настолько индифферентны, что ходили то к православному, то к «латинскому» священнику).

Странно выглядит и утверждение автора послания, будто русские «отделились» не только от «Латинской», но и от «Греческой» церкви. Причину его можно было бы усмотреть в конфликте с Константинопольской патриархией вследствие поставления в июле 1147 г. без ее санкции в киевские митрополиты Климента Смолятича (по инициативе нового киевского князя Изяслава Мстиславича), если бы тому не препятствовала датировка послания. Правда, есть основания предполагать какие-то церковные неурядицы между Царьградом и Киевом еще в конце святительства митрополита Михаила I (1130 – 1145/46), который отбыл в 1145 г. в Константинополь, а назад так и не вернулся, ограничившись грозным «рукописанием» не вполне известного содержания. Так или иначе, но и здесь обвинения Матфея явно полемически заострены, и его мнение о русских как еретиках разделяли отнюдь не все его современники.

В *«Магдебургских анналах»* (*«Annales Magdeburgenses»*), памятнике 70-80-х гг. XII в., в статье 1147 г. автор, разумеется, не мог не рассказать о втором крестовом походе, том самом, за который так ратовал Бернард Клервоский. Часть немецких, польских и чешских князей с одобрения католической церкви участвовала в нем, направив свои силы не в Святую землю, а против прибалтийских

славян-язычников, а также против пруссов (и, возможно, соседних ятвягов). Вот как рассказано об этом в «Магдебургских анналах»: польский князь Болеслав IV Кудрявый (1146 – 1173), с 1137 г. женатый на дочери новгородского князя Всеволода Мстиславича, «с бесчисленным войском двинулся против пруссов, жесточайших варваров, проведя там длительное время. Против них, по неисповедимой воле Божией, с огромным числом воинов выступили также и русские (Rutheni), хотя и менее православные (catholici), но все же отмеченные именем христиан. Все они после тщательнейших приготовлений и оснащения с удивительным благочестием с разных сторон вступили в землю язычников, и вся земля содрогнулась от их вида; почти три месяца ходя [по Пруссии], они опустошали все, предавали огню города и укрепления и сожгли также храм с идолами близ города Мальхон, равно как и сам город» (Ann. Magdeb., a. 1147. P. 188 – 189).

Историки спорят, какая именно русская рать участвовала в крестовом походе против пруссов (скорее всего, это были воины волынского князя Изяслава Мстиславича). Магдебургский клирик, выражается значительно мягче своего краковского коллеги: для него русские пусть и не такие католики, как он сам, но все же христиане, а не еретики. И хотя он дивится «неисповедимой воле Божией», которая побудила даже русских присоединиться к крестоносцам, но не может отказать им в «удивительном благочестии».

Положение дел принципиально меняется после 1204 г., когда Константинополь оказался захвачен крестоносцами четвертого крестового похода. Столица православной Византийской империи превратилась в центр империи Латинской, а цареградские патриархи переехали в соседнюю Никею, ставшую столицей Никейской империи, преемницы Византии. Это вскоре привело к заметному росту роли папства в делах международной политики и к усилению конфессиональных различий как фактора политического. Папа Иннокентий III (1198 – 1216), так же как и его преемники Гонорий III (1216 – 1227) и Григорий IX (1227 – 1241), прекрасно сознавали эту новую роль Рима в европейской политике и активно ее поддерживали. Уже в 1207 г. *Иннокентий III* отправил *окружное послание* к Русской церкви и всему народу. Поскольку «страна греков и их церковь почти полностью вернулись к признанию апостольского пре-

стола (т.е. власти римских пап) и подчиняются его распоряжениям, то представляется заблуждением, что часть (Русь и Русская церковь) не согласна с целым и что частное откололось от общего». Видимо, папа не намеревался «искоренять нечестивые обряды русских» в духе Бернарда Клервоского и краковского епископа Матфея и был готов довольствоваться немногим – признанием папского верховного авторитета, как признавали его тогда, скажем, православные цари Второго Болгарского царства (восстановленного в 1187 г.). О реакции на Руси на это послание ничего не известно, но на связи ее с никейскими патриархами (откуда теперь получали поставление киевские митрополиты) оно не повлияло. Зато идеей унии как политическим инструментом активно заинтересовались в Венгрии.

Дело в том, что после гибели в 1205 г. галицко-волынского и киевского князя Романа Мстиславича, оставившего на руках своей вдовы Анны двух малолетних сыновей Даниила (впоследствии знаменитого Даниила Галицкого) и Василька, в Галицкой земле началась затяжная смута, в результате которой в 1214 г. на галицком столе, по приглашению одной из партий влиятельного галицкого боярства, временно оказался не представитель династии Рюриковичей, а венгерский королевич Кальман, сын короля Андрея II (1205 – 1235). И вот что читаем в этой связи в послании Андрея II папе Иннокентию III:

«Да будет известно вашему святейшеству, что вельможи и народ Галича низжайше молят нас, дабы мы сына нашего Кальмана поставили королем над ними, намеревающимися, подчинившись нашей власти, пребывать в единении и послушании святой Римской церкви, с тем, однако, чтобы им было дозволено ни в чем ином от своего обряда не отступать». Послание король заключает просьбой дать «архиепископу эстергомскому права апостольского наместника, чтобы он в силу их помазал названного сына нашего королем и взял с него клятву послушания святой Римской церкви».

А вот как выглядела эта мимолетная уния на практике по свидетельству одной из русских летописей: «Король угорский посади сына своего в Галиче, а епископа и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латинские на службу» (ПСРЛ. Т. 7. С. 119). Продолжалось это недолго, в Галиче началось восстание, а в 1219 г. после упорной войны с венграми там вокняжился пришедший из Новгорода Мстислав Мстиславич Удатный (1219 – 1228).

Об этом, между прочим, есть сведения и в западноевропейских источниках. Так, *«Продолжение анналов монастыря в Мельке»* (на Дунае, между Веной и Линцем), составленное в 1230-е гг. в австрийском монастыре Св. Креста (нем. Heiligenkreuz) (*«Annalium Mellicensium Continuatio San-crucensis»*), кратко сообщает: «Андрей, король Венгрии, отправившись с войском на Русь (Ruscia), был ими немедленно обращен в бегство и вернулся, потеряв немалую часть своего войска». Аналогичные известия есть и в других австрийских памятниках – например, в одном из *«Клостернойбургских продолжений»* (*«Continuatio Claustroneoburgensis»*) (Klosterneuburg – монастырь близ Вены) тех же «Мелькских анналов». Похожее в галицкой истории уже было. В 1188 – 1190 гг., во время смуты после смерти галицкого князя Ярослава Владимировича (которому в «Слове о полку Игореве» прилагается не вполне понятное прозвище «Осмомысл»), в Галиче уже наместничал венгерский королевич (тогда им был сам будущий Андрей II), но речи об унии не возникало. Новый дух времени выразился именно в попытке Андрея привлечь к делу папу ссылками на желание галичан будто бы «пребывать в единении с Римской церковью».

И впоследствии папы не оставляли попыток склонить русских князей к союзу с Римом. Такое предложение высказано, например, в послании папы Григория IX к владимиристо-суздальскому великому князю Юрию Всеволодовичу (1218 – 1238) от 18 июля 1231 г. Нельзя исключить, что политические интересы, действительно, могли побудить Юрия к каким-то маневрам в вопросе вероисповедания. В самом деле, к этому времени уже существовал еще один регион, где политика Руси (и в данном случае именно Руси Владимиро-Суздальской) сталкивалась с политикой папской – это Прибалтика. Часть прибалтийских языческих племен (финских еми и корелы на юге современной Финляндии и эстов к западу от Чудского озера, а также балтских латгалов, предков современных латышей, в низовьях Западной Двины) издавна, с XI в., состояла в более или менее определенных даннических отношениях к Новгороду (на Двине – к Полоцку). С учреждением в конце XII в. Ливонского епископства, построением в 1201 г. его центра – крепости Риги и образованием здесь в следующем 1202 г. рыцарского Ордена меченосцев (Ливонского ордена) началось военное, хозяйственное и церковное освоение ими

эстонских и латышских земель. Это рано или поздно должно было привести Ригу и Орден к столкновению с Полоцком и Новгородом, а значит, и с Владимиром, так как новгородский стол тогда занимали преимущественно князья из владими́ро-суздальской ветви Рюриковичей. Дело еще более осложнялось тем, что в Северной Эстонии с 1219 г. действовали также датчане, а на юге Финляндии – шведы. Поскольку это наступление велось против народов языческих, то оно было осенено авторитетом и санкцией папства, которое постоянно выступало и как координирующая политическая сила.

Главным нарративным источником по русско-орденским отношениям этого времени является «Ливонская хроника» Генриха Латвийского (*Heinrici Chronicon Livoniae*), писавшаяся до 1225 г. В ней отражен процесс постепенной утраты Полоцком своего сюзеренитета над Нижним Подвиньем: по договору 1210 г. полоцкий князь Владимир признавал здешние завоевания крестоносцев, которые, со своей стороны, обязывались сохранить выплату ливской дани Полоцку, но уже договор 1212 г. упразднял эту данническую зависимость, хотя подтверждал, что русским купцам «открыт свободный путь по Двине». После стабилизации положения во Владимиро-Суздальском княжестве, пошатнувшегося после смерти Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176 – 1212), главным политическим противником Ордена стал новый владимирский великий князь Юрий Всеволодович. Генрих повествует о посольствах к нему со стороны эстов и организованном Юрием походе 1223 г., когда Орден разом (хотя и на короткое время) утратил половину своих завоеваний в Эстонии.

Поэтому немудрено, что продолжали появляться *папские грамоты* (другой важнейший западноевропейский источник по истории борьбы Руси за сохранение своего влияния в Прибалтике) с призывами к русским князьям не чинить препятствий крестоносцам. Имеется даже такой любопытный документ, как *послание папы Гонория III «ко всем русским королям»* (*reges Russiae*) от 17 января 1227 г., в котором папа, по какому-то недоразумению, изъявляет радость в связи с дошедшими до него сведениями о том, что они, русские князья, приглашают к себе папского легата, ибо «готовы совершенно отказаться от всех своих заблуждений, в которые впали» якобы «по недостатку проповедников». И все же опыт и здравый смысл побу-

дили Гонория, прежде чем отправить легата, просить более внятно-го письменного подтверждения такого желания (надо ли говорить, что он его не дождался). Радость папы была понятна: ведь еще недавно в своем *окружном послании* от 13 января 1221 г. он призывал к торговой блокаде Руси и корелы (к западу от Ладожского озера) как «врагов веры». А в феврале 1222 г. им была направлена грозная булла всем судьям Ливонии:

«От досточтимого брата нашего епископа ливонского дошло до нас, что на жительство в Ливонию переселяются некоторые русские (Rutheni), которые, следуя отчасти (вспомним Матфея Краковского) греческим обрядам, как нечто порочное предают проклятию латинское крещение, праздники и установленные посты (католической церкви) не соблюдают, а браки между новокрещенными [местными жителями] расторгают. Итак, дабы не возбудилась греческая схизма, если не будут пресечены подобные бесчинства, а мы не предстали покровителями этого старого [зла] в видоизмененном обличье, приказываем апостолической властью пресекать таковые бесчинства русских и, во избежание соблазна для новокрещенных, заставлять названных русских соблюдать латинские обряды, если известно, что они, упорствуя в греческих обрядах, отделяются от [своей] главы, то есть Римской церкви». Явно пытаясь лишить противника его главного идеологического козыря – лозунга христианизации язычников, новгородский князь Ярослав Всеволодович (брат Юрия и отец Александра Невского) в 1227 г., как сообщают древнерусские источники, ходил на емь и приказал крестить корелу, но ответом стало еще одно послание, на этот раз уже *папы Григория IX к рижским властям* от января 1229 г. с требованием прекратить торговлю с Русью стратегическими товарами того времени, т. е. оружием, конями, кораблями и даже продовольствием: Новгород часто страдал от нехватки хлеба вследствие недородов; это запрещение касалось и той части готландского купечества, которая торговала с корелой и Русью. А в послании Григория IX Ливонскому ордену (1232 г.) рыцари призываются на борьбу с русскими, которые прямо именуются «врагами веры», вытаптывающими вместе с язычниками «молодое насаждение церкви Божией» в Финляндии.

Здесь перечислены далеко не все акты материалы первой половины XIII в., касающиеся прибалтийских дел и имеющие отношение к Руси. Источников значительно больше, хотя в умах историков

все еще нет полной ясности по вопросу о роли и реальных целях папской политики в этой части Европы, о ее взаимосвязи с действиями Рима на юго-западе Руси, в Галицко-Волынской земле. Но при всем том радикальное превращение русских из «менее православных», чем католики, христиан во «врагов веры» и еретиков-схизматиков налицо. Политика, выражением которой стали эти лозунги, получила полное развитие к середине XIII столетия, когда уния настойчиво предлагалась Руси как способ обеспечить себе поддержку Запада в борьбе с монголо-татарами. На северо-востоке Руси (Александр Ярославич Невский) и на юго-западе ее (Даниил Романович Галицкий) к этим предложениям отнеслись по-разному.

С первой половины XII в. в характере сведений о Руси в западноевропейских источниках происходит заметная и существенная перемена. Число их не делается меньше, но они мельчают, становятся более случайными, а как следствие – более смутными, с трудом поддающимися интерпретации. Главная причина тому очевидна – это усилившееся дробление, регионализация международных связей Руси, связанные с политическим дроблением самого Древнерусского государства. На западе Киев, Волынь (со стольным городом Владимиром Волынским) и особенно стремительно усиливавшееся Галицкое княжество, реже Полоцк, Чернигов или Владимиро-Суздальская Русь выступали как самостоятельные и разнонаправленные силы, преследовавшие собственные внешнеполитические интересы.

Имеется большое количество известий, которые не поддаются убедительной интерпретации (или пока ее не получили) – и вовсе необязательно по причине краткости или неопределенности. Так, в *«Книге Бруно о саксонской войне»*, повествующей о борьбе восставших саксов против германского короля Генриха IV в 70-80-х гг. XI в, с точки зрения современника событий и противника Генриха, есть довольно пространный рассказ о том, как Генрих IV, с юных лет, по уверению автора, отличавшийся развращенностью и коварством, подозревая одного из своих приближенных, не нашел лучшего способа избавиться от него, чем «по какому-то выдуманному или настоящему делу послать его к королю Руси (rex Rusciae)». При этом он снабдил его грамотой, в которой, обращаясь к русскому князю, писал: «Знай, что свою дружбу ко мне ты лучше всего можешь дока-

зять, если сделаешь так, чтобы этот мой посол никогда не вернулся в мое королевство – а подвергнешь ли ты его вечному заключению или смерти, безразлично». Благодаря счастливой случайности посол избегает грозившей ему участи, исполняет посольство и благополучно возвращается. Многословное повествование носит все черты анекдота, и о том, в какой мере в нем отразились те или иные реальные события и какие именно, остается только гадать.

Библиографический список

1. Изборник Святослава 1073 г. / факсим. изд. под ред. Л. П. Жуковской. – М., 1983.
2. Молдован, А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона / А. М. Молдован. – Киев, 1984.
3. Матузова, В. И. Английские средневековые источники IX – XIII веков : Тексты, пер., коммент. / В. И. Матузова. – М., 1979. – (Древнейшие источники по истории народов СССР).
4. Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI веков : Тексты, пер., коммент. / А. В. Назаренко. – М., 1993. – (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / А. Н. Насонов. – М.; Л., 1950.
6. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., подгот. М. Б. Свердлов. – СПб., 1996. – (Литературные памятники).
7. Церковные правила митрополита Иоанна II // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 / А. С. Павлов. – 2 изд. – СПб., 1908. – (Русская Историческая Библиотека. Т.6).
8. Полное собрание русских летописей. – 2-е изд.
Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – Л., 1928.
Т. 2 : Ипатьевская летопись. – СПб., 1908.
Т. 4 : Новгородская IV летопись. 4.1. Вып. 1. – Пг, 1915.
Т. 5 : Софийская I летопись. Вып. 1. – Л., 1925.
Т. 7 : Воскресенская летопись. – 1-е изд. – СПб., 1856.
9. Сказание, страсть и похвала святых мучеников Бориса и Глеба // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Д. И. Абрамович. – Пг., 1916.

10. Васильевский, В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом / В. Г. Васильевский // Журн. М-ва нар. просвещения. – СПб., 1888. – Июль. – С. 121 – 150.

11. Головки, А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. / А. Б. Головки. – Киев, 1988.

12. Ильин, Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник / Н. Н. Ильин. – М., 1957.

13. Королук, В. Западные славяне и Киевская Русь / В. Королук. – М., 1964.

14. Линниченко, И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. / И. А. Линниченко. – Киев, 1884. – Ч. 1.

15. Назаренко, А. В. Русь и Германия в IX – X вв. / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1994. – С. 5 – 138.

16. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М., 1968.

17. Флоровский, А. В. Чехи и восточные славяне : Очерки по истории чешско-русских отношений (X – XVII вв.) / А. В. Флоровский – Прага, 1935. – Т. 1.

18. Шушарин, В. П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках / В. П. Шушарин // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – С. 420 – 452.

Вопросы для контроля и повторения

1. Чем определяется ценность западноевропейских источников для истории Древней Руси?

2. Что дают наиболее ранние упоминания о Руси в западноевропейских текстах для понимания процессов, связанных со становлением Древнерусского государства?

3. Сравните историю проникновения христианства на Русь и ее крещение по древнерусским, византийским, восточным и западноевропейским источникам.

4. Сопоставьте образ крестителя Руси киевского князя Владимира Святославича в «Повести временных лет» и западноевропейских источниках.

5. Каковы главные этапы и основные направления внешнеполитических связей Руси периода правления Ярослава Мудрого?

6. Что принципиально нового дают западноевропейские источники сравнительно с «Повестью временных лет» относительно сыновей Ярослава Мудрого?

7. Какие новые темы и действующие лица появляются в западноевропейских источниках о Руси в XII в. сравнительно с предыдущим периодом?

8. Назовите важнейшие западноевропейские источники, характеризующие международную торговлю Древней Руси, и выделите их особенности по сравнению с источниками о политических связях.

9. В какой мере и с каких пор в западноевропейских источниках отразились конфессиональные различия между Русью и странами «латинской» Европы?

Тема 9. СКАНДИНАВСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Скандинавия и Восточная Европа в VIII – XIII вв.

Эпоха викингов была наиболее ярким временем в истории скандинавских стран, когда большая часть мужского населения, по крайней мере в юности, отправлялась на поиски богатства и славы, а нередко и нового места жительства, в заморские страны. «Господи, спаси нас от чумы и нападений норманнов!», – молились английские монахи, и им вторили жители Германии и Франции. В своих странствиях викинги доходили до Испании, в 844 г. они захватили Севилью Италии, достигали Белого, Каспийского и Черного морей. Несколько раз они осаждали Париж и получали огромные деньги от французских королей в качестве откупа. В X в. от грабительских набегов они перешли к захвату земель и расселению на них, основав герцогство Нормандия во Франции и «область датского права» в Средней Англии. В IX – X вв. они освоили острова Атлантического океана: Оркнейские, Фарерские, Шетландские, Исландию, Гренландию и даже попытались основать колонии в Северной Америке. Походы викингов были естественным результатом бурного социально-политического развития древнескандинавского общества в I тыс. н.э. К началу эпохи викингов в Южной Ютландии, Средней Швеции (Свеаланде) и, возможно, в других регионах скандинавского мира возникают первые раннегосударственные образования – «дружинные» государства. Власть избираемого «короля» (в латиноязычных источниках он называется *rex*, в скандинавских *konungr*) осуществляется с помощью дружины, которая выполняет, наряду с военными, все основные функции управления: сбор податей, административное управление, суд. Эти государства занимают небольшие территории и крайне неустойчивы – их существование зависит от военной мощи и удачи конун-

га и его дружины. Поэтому политическая карта Северной Европы VIII – X вв. непрерывно менялась. Однако к концу X в. выделяется и укрепляется несколько более крупных государственных образований, которые постепенно растут за счет прилегающих земель.

В Дании в правление Харальда Синезубого (умер в 988 г.) формируется единое государство. Оно объединило земли на юге Ютландии, тяготевшие к крупнейшему центру международной торговли на путях из Северного моря в Балтийское и из Центральной Европы на Балтику – Хёдебу, и Северную Ютландию с богатыми островами Зеландия и Фюн, а также юг Скандинавского полуострова. Одновременно происходит христианизация Дании – процесс, неизменно сопутствовавший образованию единых национальных государств. К началу XI в. Датское государство – наиболее могущественное в Северной Европе. Внук Харальда, Кнут Великий, становится верховным правителем Англии, а также на короткое время Норвегии. «Империя» Кнута просуществовала около 30 лет и распалась только после его смерти в 1035 г.

По крайней мере с первой половины IX в. начинается борьба за власть над Норвегией между конунгами Вестфольда на юге страны, принадлежащими к династии Инглингов, правивших также в Свеаланде, и ярлами Трёндалёга с центром в Хладире. Вестфольдский конунг Харальд Прекрасноволосый (умер около 940 г.) делает, согласно сагам, первую попытку объединить страну. Его борьба с племенной знатью вызвала эмиграцию многих знатных семей, которые заселили Оркнейские острова и Исландию. Однако процесс централизации Норвегии завершился только в середине XI в. В борьбе с хладирскими ярлами и Данией за власть над Норвегией пал в битве у Свёльда конунг Трюггвасон (995 – 1000), потомок Харальда Прекрасноволосого. Через 15 лет власть возвратилась к вестфольдской династии: конунгом Норвегии стал Олав Хйральдссон (1014 – 1028). Его правление – важнейшая веха в создании единого национального норвежского государства. Жестоко подавив сопротивление местной знати, Олав не только подчинил себе все племенные территории, но и ввел христианство, насильственно заставив креститься все население. Протест против его нововведений был настолько велик, что с помощью Кнута Великого норвежцы изгнали Олава. Вернувшись в 1030 г., он был убит в битве при Стикластадире к северу от Трон-

хейма. Лишь в 1036 г. в Норвегию возвращается сын Олава Магнус, выросший на Руси, в правление которого (1036 – 1047) государственный строй в Норвегии укрепился.

Источником процветания свеев, обитавших вокруг озера Меларен, была международная торговля Балтийского региона с Восточной Европой, а через нее со странами Арабского халифата и Византией. Крупнейшие центры Свеаланда Хельгё (VI – VIII вв.) и Бирка (VIII – X вв.) были средоточием ремесла и торговли. Культовый центр находился в Упсале (ныне Старая Упсала), и потому она считалась резиденцией шведских конунгов Инглингов. Хотя в начале XI в. при конунге Олаве Шётконунге страна предстает как единое целое, борьба между Свеаландом и Ёталандом, южной Швецией, населенной племенами гаутов, продолжалась вплоть до конца XI в.

С этого времени в крепнущих скандинавских государствах формируется аппарат государственного управления, устанавливается система налогового обложения, частью которого было формирование войска, создается церковная организация в виде ряда епископий, сначала подчиненных Гамбург-Бременскому архиепископству, а затем вновь учреждаемым архиепископиям в самих скандинавских странах. Отдельные и разрозненные, хотя и многочисленные походы за море сменяются планомерной и целенаправленной экспансией Дании в земли поморских славян и в Восточную Прибалтику, Швеции – в Финляндию, Карелию, Эстонию. Проповедь христианства среди языческих народов становится обоснованием завоевания этих земель.

Тесные связи Северной и Восточной Европы начались еще в бронзовом веке, но достигли расцвета в IX – XI вв., в эпоху викингов. Запад был естественным направлением движения норвежцев и датчан, шведы же устремлялись на восток, что, впрочем, не исключало участия шведов в западных походах, равно как норвежцев и датчан в походах на восток, на просторы Восточно-Европейской равнины, откуда открывались пути в богатейшие страны средневекового мира: Арабский халифат по Волге и Византию по Днепру.

Уже в VII в. скандинавы начинают проникать в глубь Восточной Европы через Финский залив – Неву – Ладожское озеро. В середине VIII в. возникает первое крупное торгово-ремесленное поселение у перехода из Ладожского озера в разветвленную речную систему

Ладога. Его появление знаменовало становление международного Балтийско-Волжского пути как продолжения на восток сложившейся к середине I тыс. системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. На протяжении VIII – IX вв. этот путь достигает Волжской Булгарии при слиянии Камы и Волги, Хазарского каганата в низовьях Волги и Арабского халифата. Торговля со странами халифата имела огромное значение: приток серебра, серебряных монет явился важнейшей предпосылкой экономического роста как скандинавских стран, так и Руси.

Балтийско-Волжский путь отмечен поселениями нового типа, которые не связаны с округой и население которых в основном занимается не сельским хозяйством, а ремесленной деятельностью и вовлекается в международную торговлю. Значительную часть жителей этих поселений составляют скандинавы. Наиболее важными были поселения на Городище около Новгорода, около деревни Тимерёво под Ярославлем, на Сарском городище около Ростова. Эти центры консолидировали племенные территории. Здесь более интенсивно шли процессы социальной стратификации, приведшие во второй половине IX в. к возникновению раннегосударственного образования в Поволховье и Приильменье. Во главе него, согласно сказанию о призвании варягов в «Повести временных лет», встал, по приглашению местных вождей, предводитель одного из викингских отрядов по имени Рюрик, обосновавшийся, вероятно, в Ладоге или на Городище.

С начала IX в. *складывается* магистральный путь из Балтики в другой крупнейший центр средневекового мира – Византию. После объединения северного и среднеднепровского раннегосударственных образований – по преданию, оно произошло в 882 г. и было осуществлено родичем Рюрика князем Олегом – центр тяжести в международной балтийской торговле перемещается на юг, а столицей Руси становится Киев. Скандинавы, князья и их ближайшее окружение образуют новую, военную элиту Древнерусского государства.

Консолидация Древнерусского государства в X в. резко изменяет характер деятельности в Восточной Европе приходящих сюда скандинавов. Лучшие воины Европы того времени становятся наемниками русских князей, выполняют дипломатические поручения,

ведут международную торговлю. Значительная часть скандинавов оседает в древнерусских городах, постепенно ассимилируясь в славянской среде, остальные возвращаются домой, принося с собой сведения о Восточной Европе и новые культурные ценности (в том числе христианство), а также предметы вооружения, одежды, быта. Именно в это время складывается основной фонд сведений о Восточной Европе, который значительно позже найдет отражение в сагах и географических сочинениях, поэзии и историографии.

Начиная с конца X – начала XI в. между Русью и скандинавскими странами устанавливаются межгосударственные отношения. Они выражаются в дипломатических контактах, обменах посольствами и заключении договоров; в браках представителей русской, шведской, датской и норвежской правящих династий; в установлении союзнических отношений; в интенсивной торговле и т.д. Со времен Ярослава Мудрого Русь проводит целенаправленную внешнюю политику на Балтике, и ее отношения с той или иной скандинавской страной – то дружеские, то враждебные – подчинены задаче обеспечения своих интересов в северо-западном регионе и на Балтийском море.

Жанры и виды древнескандинавских источников

Введение христианства в конце X в. в Дании, около 1000 г. в Норвегии и в Швеции, в 1000 г. в Исландии привело к сосуществованию двух независимых на первых порах и противостоящих друг другу культур, местной дописьменной, основанной на языческих представлениях и верованиях, и общеевропейской письменной христианской. Их интенсивное взаимодействие и взаимовлияние завершилось к XIV в. не вытеснением народной дохристианской культуры, а ее слиянием с культурой христианского средневековья, которая иногда даже оттесняется на второй план.

Особую роль в культурном развитии скандинавских стран играла *Исландия*. Заселенная во второй половине IX – первой половине X в. и оставшаяся до середины XIII в. неподвластной норвежским конунгам, Исландия сохранила общественный строй, религию и культуру, которые существовали в Норвегии до Харальда Прекрасноволосого. Естественно, исключительное положение Исландии

имело результатом беспрецедентный расцвет культуры, в первую очередь словесности, которая вплоть до середины XII в. существовала в устной форме. С этого времени, и особенно в XIII – XIV вв., происходит запись и переработка поэтического и прозаического наследия предшествующих веков, создается большое количество новых произведений.

Рунические надписи

Древнеисландская литература – одна из богатейших и самых своеобразных средневековых европейских национальных литератур. Она сохранила и донесла до нас архаические жанры древнегерманской поэзии, практически исчезнувшие у всех других германских народов (кроме Англии), создала новые поэтические и прозаические жанры словесности, не имеющие аналогий, и включилась в общеевропейское литературное творчество, как религиозное, так и светское. При этом мало есть произведений древнеисландской письменности, в которых в той или иной форме не была бы упомянута Русь или соседствовавшие с ней народы и земли. Поэтому в число древнескандинавских источников по истории Древней Руси входят практически все типы памятников древнескандинавской письменности: рунические надписи и скальдическая поэзия, все виды саг и историография, географическая и церковная литература. Некоторую информацию о Восточной Европе содержат и другие тексты, например судебники, отмечающие случаи пребывания владельца имущества или наследника на Руси или в Византии. Однако мы стремимся обобщить наиболее обширные пласты информации и потому остановимся на важнейших группах источников.

В конце I в. н.э. римский историк Корнелий Тацит писал о гаданиях у германцев: «Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань». Предполагают, что эти знаки были буквами специфического германского письма, которое возникло в I – II вв. н.э. Такое письмо было названо руническим от слова «руна» – буква германского алфавита. Считается, что оно возникло у германских племен, которые соприкоснулись с античным миром в Северной Италии и Нижнем Подунавье и на основе латинского и греческого письма создали собственный алфавит.

Рунический алфавит, которым пользовались все германские племена, состоял из 24 знаков. Они, очевидно, имели наименования, позволявшие придавать символическое значение каждой руне. Так, например, первая руна алфавита *f* носила название *fe*, «скот, имущество», и ее начертание вне текста означало пожелание богатства и изобилия. Известно около 150 старорунических надписей по преимуществу на предметах вооружения и украшениях, реже – на камнях. Древнейшие надписи найдены в Норвегии и Западной Украине, в Румынии. Однако большая их часть после III в. происходит из Северной Германии и с Ютландского полуострова. Содержание надписей ограничивается личным именем или магической формулой – заклинанием.

В VI – VIII вв. рунический алфавит в Скандинавии трансформируется, в нем постепенно сокращается количество знаков, достигая шестнадцати. Расширяется сфера применения младшерунического письма: появляются мемориальные стелы, посвященные знатным скандинавам или – реже – отдельным событиям; надписи бытового характера и др. Видимо, функциональные различия порождают два графических варианта алфавита: полноветвистые руны используются в «парадных» надписях на стелах, коротковетвистые – для бытового письма.

Наиболее распространенные памятники IX – XI вв. – рунические камни – мемориальные стелы, увековечивающие память о погибшем члене семьи, но не связанные с захоронениями. В X в. была выработана стереотипная формула мемориальной надписи, которая использовалась вплоть до XII в. Формула состояла из имени заказчика, распоряжения установить (высечь) памятник, имени погибшего с указанием родства с заказчиком. Нередко сообщались сведения о человеке, в память о котором установлен камень, и об обстоятельствах его смерти. Многие надписи содержат обращение к Богу и/или Богоматери с просьбой помочь душе погибшего:

«Андретт и Кар, и Гэди (?), и Блэси, и Дьярв воздвигли этот камень по Гуннлейву, своему отцу. Он был убит на востоке с Ингваром. Бог да поможет их душам. Я, Альрик, высек руны. Он мог хорошо вести корабль» (Рунические надписи. № 62).

Цель, с которой заказывались рунические памятники, – сохранить память о погибшем члене рода и, возможно, подтвердить права его родственников на наследование имущества и статуса, поскольку заказчики памятников были представителями знати, крупными бондами, богатыми купцами.

Другая важнейшая сфера рунического письма начиная с XI в. – повседневная жизнь. В отдаленных районах Швеции оно сохранялось вплоть до XIX в. Как и древнерусские берестяные грамоты, надписи рунами на деревянных стержнях составляли неотъемлемый элемент скандинавской культуры. Находки последних десятилетий показали, что руническая письменность была широко распространена во всех слоях общества и ею регулярно пользовались купцы и ремесленники, монахи, простые и знатные люди. При раскопках средневековой гавани города Берген (Норвегия) было найдено около 1000 стержней с письмами, стихами, любовными записками.

Особая ценность рунических надписей как исторического источника состоит в том, что они современны событиям, которые в них упомянуты. Более того, в мемориальных надписях невозможно сознательное искажение фактов: неправильно переданный факт мог оскорбить дух умершего и навлечь его гнев на живых.

О связях Руси и Скандинавии свидетельствуют две группы надписей. Первая насчитывает около 120 памятников из Швеции, Норвегии и Дании, в которых упоминаются поездки норманнов в Восточную Европу: в Восточную и Северо-Восточную Прибалтику, на Русь, в Византию. Вторая состоит из надписей на различных предметах, обнаруженных по преимуществу во время археологических раскопок древнерусских поселений. Эти предметы были привезены из Скандинавии или изготовлены скандинавами на месте.

Среди более чем 3500 надписей на мемориальных стелах около 120 отражают контакты с Восточной Европой или Византией. Их число в несколько раз превышает количество текстов, упоминающих западные связи скандинавов: Англия и Западный путь названы в них всего около 30 раз. Это количественное различие может отражать большее распространение рунической письменности в Швеции, которая традиционно поддерживала более тесные связи с востоком, нежели Норвегия и Дания, где обычай воздвигать стелы не был столь распространен. Однако даже в Дании число «западных» надписей меньше, чем «восточных».

Особую концентрацию «восточных» надписей обнаруживают три региона в Швеции: территория вокруг озера Меларен в Средней Швеции (области Упланд, Сёдерманланд и Вестманланд), Юго-Восточная Швеция (Эстерётланд и о. Эланд) и о. Готланд. Информация надписей представляет существенную ценность. Указания на восточные поездки, сопровождаемые некоторыми подробностями о деятельности увековечиваемых лиц, дают свидетельства о политических и экономических связях между севером и востоком Европы. Надписи проливают свет на распространение в Скандинавии знаний о географии Восточной Европы.

Рунические надписи на территории Древней Руси

Памятники рунического письма, находящиеся на территории Древней Руси, существенно отличаются от памятников из скандинавских стран. Во-первых, здесь – за одним исключением – нет мемориальных стел, поскольку по обычаю их устанавливали возле «родового гнезда» погибшего. На единственной стеле, обнаруженной на о. Березань в устье Днепра, высечена надпись, но не родственниками, а компаньонами по плаванию в Византию: «Грани сделал этот курган по Карлу, своему сотоварищу» (Рунические надписи, № 139). Во-вторых, с течением времени изменяются и география находок предметов с руническими надписями, и характер текстов.

Древнейшие предметы с руническими надписями обнаружены в Приладожье и Приильменье – областях наиболее раннего проникновения скандинавов в Восточную Европу. Они типичны для скандинавской письменной культуры и по типу предметов, на которые наносились надписи, и по графике рун, и по содержанию текстов. Наиболее ранний предмет найден в Старой Ладоге в слое первой половины IX в. Это деревянный стержень длиной 42 см, на выровненной стороне которого нанесена стихотворная надпись коротковострыми рунами. Текст допускает различные чтения. В Ладоге же и на Городище обнаружены три металлические пластинки-амулета, которые были изготовлены в разное время: конец IX – конец X в., причем последний амулет, копия более раннего, сделан прямо на Городище.

К тому же времени, IX – X вв., относится большое количество отдельных знаков, идентичных скандинавским рунам, и ряд надписей на арабских серебряных монетах. Они в основном входят в состав кладов, зарытых скандинавскими воинами и торговцами, возвращавшимися с востока на север. Древнейший из таких кладов, найденный в Петергофе (начало IX в.), содержал 80 монет, на 20 из которых имелись граффити: личные имена – греческое «Захариас» и скандинавское «Убби»; слово, которое можно прочесть как «полновесный»; ряд отдельных знаков, тождественных по графике скандинавским рунам, а также арабские буквы и хазарские руны. Монеты из кладов X в. несут на себе отдельные руноподобные знаки и надписи «бог».

Ареал находок XI в. значительно шире: Новгород (кость с частью рунического алфавита), Суздаль (форма для отливки подвески с вырезанной на ободке надписью), о. Березань. Однако эти надписи отличаются от собственно скандинавских: фраза на суздальской подвеске ближе древнерусскому синтаксису, нежели скандинавскому. Но руническое письмо, хотя и деградирует, все же не исчезает совсем. Даже в XII в. оно находит применение в семьях, видимо потомков варягов, живших на окраинах Древнерусского государства. В Галицком Звенигороде, на юго-западе Руси, некий человек вырезает рунами на каменном пряслице женское имя Сигрид, сопровождая его двумя крестиками и двумя рунами, символизирующими богатство. На русско-латвийском пограничье в укреплении, контролировавшем путь по Западной Двине, некто процарапывает на костях знаки, прочесть которые, видимо, невозможно, но которые несомненно восходят к руническому письму. Этот человек уже забыл значение конкретных рун, однако сохранил воспоминания о письме, которым пользовались его предки.

Скальдическая поэзия Скальдическая поэзия (от др.-исл. *skald* – «поэт, скальд»), получает распространение в Норвегии и Исландии IX – XII вв.

Значительная часть скальдических стихов сохранилась в виде цитат в прозаических произведениях XII – XIV вв., по преимуществу в сагах.

Основной вид скальдики – хвалебная песнь, может быть посвящена одному лицу или роду (генеалогическая хвалебная песнь).

Содержание скальдических стихов было весьма ограниченным, оно предопределялось требованиями жанра. В хвалебных песнях воспевались действительно происходившие события, но далеко не все, а лишь те, которые служили прославлению лица, в честь которого они слагались. Созданные по свежим следам очевидцами или современниками событий, хвалебные песни сообщали имя и род прославляемого, рассказывали о выигранных им битвах, о его отваге и щедрости. В этом контексте упоминаются имена реально существовавших людей, названия конкретных местностей.

Стихи скальдов признавались составителями саг вполне достоверным историческим источником. В Прологе к «Кругу земному» исландский историк и политический деятель Снорри Стурлусон писал: «В этой книге я велел записать древние рассказы о правителях, которые были в Северных Странах и говорили на датском языке, как я их слышал от мудрых людей, а также некоторые из родословных, как они были мне рассказаны. Кое-что взято из перечней, в которых конунги и другие знатные люди перечисляют своих предков, а кое-что из древних стихов и песен, которые исполнялись людям на забаву. То, что говорится в этих песнях, исполнявшихся перед самими правителями или их сыновьями, мы признаем за вполне достоверные свидетельства. Мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой... А песни скальдов, как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы» («Круг земной». С. 9 – 10).

Современные исследователи видят в скальдических стихах источник саг, если стихи цитируются для подтверждения рассказываемого, и относятся к поэтическим вставкам с большим доверием, нежели к самим сагам. Это объясняется в первую очередь тем, что трудный стихотворный размер, своеобразный порядок слов и сложный поэтический язык практически исключали возможность искажений, дополнений и переработок в процессе бытования стихов в устной традиции и в момент их письменной фиксации.

Около 40 скальдических вис, принадлежащих 20 скальдам IX – XII вв., сообщают о путешествиях (военных и мирных) скандинавских ярлов или конунгов в земли, лежащие за Балтийским морем, в/или содержат восточноевропейские топонимы.

О походах в Восточную Прибалтику говорит *Тьодольв из Хвинира* (Þjóðólfr of Hvinir, вторая половина IX в.), создавший «Перечень Инглингов» («Ynglingatal») – поэму, прославляющую некоего конунга Рёгнвальда и перечисляющую его предков из династии шведских и норвежских конунгов-Инглингов в 30 поколениях, начиная от Одина. *Глум Гейрасон* (Glumr Geirason, около 940 – 985 гг.) повествует о походах в Восточные земли и в Бьярмаланд норвежского конунга Харальда Серая Шкура («Grafel-dardrapa»). В висе *Халльфреда Трудного Скальда* (умер около 1007 г.) впервые упомянуто название Древней Руси *Gardar*. Дружинник и скальд Олава Харальдссона, побывавший с ним на Руси и сложивший несколько хвалебных песен в его честь («Vikingavisur», «Egfridrapa» и др.), *Сйгватн Тордарсон* (около 995 – 1045 гг.) оставил упоминания о походах юного Олава в Восточную Прибалтику, о его бегстве на Русь и пребывании там. *Арнор Скальд Ярлов* (родился около 1012 г.) был скальдом сына Олава Харальдссона Магнуса и посвятил ему хвалебную песнь («Hrynhenda»), в которой рассказывается о возвращении Магнуса в Норвегию из Руси и о деятельности на Руси ярла Рёгнвальда. Воспоминания о восточных поездках норвежских конунгов вдохновляли скальдов и в XII в. Так, исландец *Халлар-Стейн* (Hallar-Steinn) в поэме «Rekstefja» говорит о пребывании на Руси конунга Олава Трюггвасона. Скальдические стихи слагали и некоторые из норвежских конунгов, находивших на Руси убежище: Олав Харальдссон посвятил вису Ингигерд, жене Ярослава Мудрого, а Харальд Суровый Правитель сочинил Отдельные висы (Laueavi-sur) о «девушке в Гардах», которая «не хочет чувствовать склонность» к нему, Елизавете Ярославне, которая позднее вышла за него замуж.

В своей совокупности скальдические стихи, упоминающие поездки на восток, дают ценную информацию о характере русско-скандинавских связей IX – XI вв. В «Круге земном» из приведенной 601 скальдической строфы 23 посвящены путешествиям на восток: их малое число, очевидно, является результатом того, что, как сле-

дует и из самих саг, скандинавы далеко не всегда ездили сюда с целью грабежа и не всегда их поездки приводили к кровопролитным сражениям, о чем обычно слагали стихи скальды. Более того, только 6 строф (около 25 %) говорят о нападении скандинавов на «восточные» земли (в «Круге земном» в целом около 75 % вис посвящено военным действиям). Все эти стихи принадлежат скальдам IX – первой четверти XI в., а описываемые в них события происходили не позднее первого десятилетия XI в. Скальдические стихи, таким образом, позволяют рассматривать 1010-е гг. как рубеж викингской активности на востоке. Лишь одна из 23 вис посвящена нападению на Русь – разрушению Альдейгьи (Ладоги) ярлом Эйриком, датируемому 997 г. Основным объектом грабительских походов до XI в. предстают в скальдических стихах восточноприбалтийские земли. «Мирные» висы, относящиеся к первой половине XI в., напротив, содержат сведения только о Руси, что указывает на мирные по преимуществу отношения между Русью и Скандинавией в данное время. Более того, скальдические стихи, посвященные жившим на Руси норвежским конунгам, отчасти подтверждают, что в конце X – первой половине XI в. отношения Руси и скандинавских стран перестают быть результатом деятельности отдельных лиц, а приобретают характер межгосударственных связей.

Исландские саги Древнеисландское слово *saga* (от глагола *segja* – «говорить») означает прозаический рассказ (письменный или устный) о каком-либо событии.

Временем начала записи саг считается середина XII в. Подавляющее большинство из них было создано и записано во второй половине XII – XIII в., но сохранилось в значительно более поздних рукописях.

Современные исследователи, основываясь на тематико-хронологическом принципе, выделяют *королевские саги*, или *саги о норвежских конунгах* (*Konungasqgur*), посвященные истории Норвегии с древнейших времен до конца XIII в.; *родовые саги*, или *саги об исландцах* (*tslendingasqgur*), описывающие историю исландских родов с момента заселения Исландии в конце IX в. и до середины XI в.; *саги о древних временах* (*Fornal-darsqgur*), включающие несколько групп саг, отличающихся более или менее широким использованием фольклорных, эпических сюжетов и мотивов: собственно саги о

древних временах – повествования о событиях в Скандинавии до конца IX в., саги о викингах – рассказы о викингах X – XI вв. и др.; *саги о епископах (Biskupasjgur)*, жизнеописания исландских епископов; комплекс саг о событиях в Исландии XII – XIII вв., известный под названием «Сага о Стурлунгах» («Sturlunga saga»).

Саги содержат большой объем информации о Восточной Европе и, в частности, о Древней Руси. Это сведения о политических, торговых и культурных связях Руси и скандинавских стран. Пребывание на Руси скандинавских купцов и воинов создавало благоприятные условия для переноса информации в Скандинавию. На существование устных рассказов участников событий указывают сами саги.

«И по прошествии двух зим плывет Свейн из Швеции. А Кетиль остался там, и он слышал, как рассказывали, что Свейн провел зиму в Гардах, а весной собрался оттуда и в разгар лета уплыл из Гардарики, и о нем знали только то, что он поплыл по реке. А Кетиль поплыл в Исландию к своим родичам и остался там насовсем и первым рассказал об этом».

Временным стержнем, вокруг которого строится повествование, является жизнь персонажа или правление конунга, и потому время того или иного события определяется относительно его рождения, воцарения, смерти или какого-либо иного события. Иногда точкой отсчета является правление королей Англии, что дает возможность исследователям более точно установить хронологию собственно скандинавской истории. Попытки датировать события в соответствии с христианским летосчислением (от Рождества Христова), как правило, давали противоречивые результаты.

«В то время, когда Ингвар умер, пошел от Рождества Христова 1041 год, и было ему 25 лет, когда он умер. Это было спустя девять лет после смерти конунга Олава Святого Харальдссона». Автор «Саги об Ингваре Путешественнике» пытается совместить обе системы летосчисления: свойственное ранним обществам измерение времени от общеизвестного события (в данном случае от смерти Олава Харальдссона, имевшей место в 1030 г.) в христианское летосчисление. При этом даты смерти Ингвара не совпадают: в первом – 1039 г., во втором – 1041 г. Перечисленные особенности саг исключают изолированное использование их фрагментов. Изу-

чение исторической информации в них требует всестороннего учета как контекста всей саги, так и контекста саговой традиции в целом. При этом наибольшего доверия заслуживают те данные саг, которые подтверждаются ссылками на скальдов IX – XI вв.

Королевские саги (*Konungasggur*) – это вид саг, содержанием которых является история Норвегии, а точнее – история норвежских конунгов, причем каждая отдельная сага, как правило, посвящена правлению одного конунга. Они охватывают отрезок времени с IX по конец XIII в., но включают также легендарную предысторию норвежской правящей династии (подробнее см.: Королевские саги 1; Королевские саги 2).

Кроме того, к разряду королевских исследователи относят несколько саг, посвященных истории других североευропейских территорий. «Сага об оркнейцах» («*Orkneyinga saga*»), основанная на более ранней саге конца XII в. и переработанная около 1230 г., и «Сага о фарёцах» («*Fsereyinga saga*») начала XIII в., во многих отношениях близкая к сагам об исландцах, примыкают к королевским сагам, поскольку речь в них идет об отношениях обитателей этих островов с норвежскими конунгами. Сохранилось также несколько саг, освещающих датскую историю. «Сага о Йомсвикингах», близкая к сагам о древних временах, посвящена истории Дании X в. Еще более сходна с ними по содержанию «Сага о Скъёльдунгах», известная по фрагменту на древнеисландском языке и по латиноязычному переложению XVII в. Она излагала историю примерно 20 поколений датских конунгов, от Скъёльда, их легендарного предка, до Горма Старого (середина X в.).

«Сага о Кнютлингах» («*Knytlinga saga*»), основанная, вероятно, на несохранившейся саге о Кнуте Святом, рисует историю датских конунгов с X до начала XIII в. Саг о шведских правителях, видимо, не существовало, или они не дошли до нас.

Королевские саги рассматриваются как часть исландско-норвежской (или западноскандинавской) историографии XII-XIII вв. наряду с латиноязычными хрониками.

Зарождение королевских саг уверенно датируется временем около 1120 г. В 1122 – 1123 гг. было написано первое сохранившееся древнеисландское историографическое сочинение «Книга об исландцах» («*fslendingabok*»), краткая история Исландии со времени

ее заселения до 1120 г. Ее автором был исландский священник Ари Торгильссон Мудрый. Этому труду предшествовали два других: один, латиноязычный, принадлежал Сэмунду Сигфуссону Мудрому (1056 – 1133), другой, на древнеисландском языке, был создан также Ари и являлся первым вариантом «Книги об исландцах». В этой редакции присутствовали генеалогии (*settartala*) и «Жизнеописание конунгов» («Konungaasvi»), которые Ари позднее исключил из «Книги об исландцах». Однако «Жизнеописание конунгов» сыграло большую роль как общий источник значительного числа произведений исландско-норвежской историографии конца XII – начала XIII в. Ко второму поколению королевских саг (около 1170 – 1190 гг.) Андерссон относит норвежские краткие обзоры – латиноязычные: анонимную «Историю Норвегии» и «Историю о древних норвежских королях» монаха Теодрика, а также написанный на древненорвежском языке неизвестным автором «Обзор саг о норвежских конунгах».

В 1150 – 1200 гг. были сочинены первые самостоятельные королевские саги: «Хрюггъярстюкки», многочисленные саги об Олаве Трюггвасоне и Олаве Святом, «Гнилая кожа» и др.

Самостоятельные саги о норвежских конунгах создавались вплоть до конца XIII в. На рубеже XIII–XIV вв. была написана «Большая сага об Олаве Трюггвасоне», отчасти выпадающая из общего ряда королевских саг по той причине, что она почти не носит следов индивидуального авторства. Со второй половины XIII в. появляется ряд рукописей – компиляций более ранних саг. Самая знаменитая из них – «Flateyjarbok» – «Книга с Плоского острова» (1387 – 1394 гг.).

Итак, королевские саги в узком понимании этого термина представлены отдельными сагами – жизнеописаниями того или иного конунга; сводами саг, рисующими историю Норвегии на большом отрезке времени; и рукописями-компиляциями XIV – XV вв., сохранившими более ранние саги. К королевским сагам также относятся краткие повествования – пряди – (*paettir*, мн. ч. *om pdttr*), о норвежских правителях и их дружинниках или о знатных норвежцах.

Саги об исландцах (*IslencUngasQgur*), или родовые саги – группа из 35 – 40 саг, описывающих историю исландских родов от заселения Исландии (870 – 930 гг.) до середины XI в. Столетие с 930 по 1030 гг., время расцвета страны, даже принято называть «веком

саг». Основное место действия родовых саг – Исландия, но действие многих из них начинается в Норвегии еще до времени заселения, а многие описывают путешествия исландцев в другие скандинавские страны, на Британские острова, на Русь и в Византию. К сагам об исландцах причисляются также пряди, в которых главными действующими лицами выступают исландцы, хотя и находящиеся в Норвегии. Впрочем, часто оказывается затруднительным отнести ту или иную прядь к родовым либо к королевским сагам.

Все саги об исландцах анонимны. Несколько фрагментов рукописей датируются XIII в., но самые ранние рукописи, содержащие полные или почти полные тексты саг, относятся к началу XIV в. Более того, ряд саг дошел до нас в бумажных списках XVI и даже XVII вв. Соответственно, качество текстов и их близость к оригиналу сильно варьируются. Датировка саг об исландцах – вопрос сложный и спорный. Большинство исследователей сходится на том, что значительная часть саг создана в XIII в. Возможно, что «Сага об Этиле» написана между 1220 и 1240 гг. Есть также основания отнести «Сагу о Ньяле» к 1275 – 1290 гг.

Саги о древних временах (FornaldarSögur) от *forn qld* – (древнее/мифическое время) появились в конце XII в., бурное их развитие приходится на XIII и XIV вв., хотя отдельные сказания или сюжеты, на основе которых они возникли, существовали и раньше в устной традиции. Исследователи также называют эти саги мифологическими, легендарными, фантастическими, лживыми и др. Из всех перечисленных обозначений только последнее принадлежит их современнику.

Согласно первой части «Саги о Стурлунгах», в 1119 г. на свадебном пире в Рейкьяхolare исполнялся ряд саг, среди которых была «Сага о Хромунде Грипссоне» (типичная сага о древних временах). Именно эту сагу, по свидетельству «Саги о Стурлунгах», слушал умирающий от ран норвежский конунг Сверрир, «и он говорил, что такие лживые саги всего забавнее. Однако есть люди, которые могут возвести свой род к Хромунду Грипссону». Как следует из самого названия данного вида саг, в основе его выделения лежит в первую очередь хронологический признак. По определению Равна, это «саги, рассказывающие о тех событиях, которые произошли в северных странах, прежде чем в IX в. была заселена Исландия, или, другими словами, ранее того времени, когда появляются достоверные рассказы».

В современном саговедении саги о древних временах делят на несколько групп, исходя из их сюжетики (Schier. 1970. S. 72 – 78.). К первой группе относятся *героические саги* (или собственно саги о древних временах), сюжеты которых восходят к героическому эпосу германцев. Число этих саг невелико. Долгое время они рассматривались как начальная стадия жанра исландской саги в целом. В них рассказывается о судьбах знатных древ-негерманских или древнескандинавских родов в эпоху Великого переселения народов (IV –VI вв.). Таковы, например, «Сага о Хервёре и конунге Хейдрекке», повествующая о борьбе готов и гуннов, или «Сага о Вёлсунгах», посвященная истории рода Нифлунгов (Нибелунгов). Условно к этой группе может быть отнесено переложение германских эпических сказаний – «Сага о Тидреке Бернском».

Вторую группу саг составляют *викингские саги* (*vikinga sggur*), повествующие о странствиях героев в чужих странах в поисках славы, богатства и приключений. Время действия в них обычно отнесено к эпохе викингов. Географический фон, на котором развиваются события саги, – территории, часто посещавшиеся викингами: Британия, Франция, Италия, Византия, Русь. Многие персонажи имеют реальные прототипы, а описываемые эпизоды зачастую могут быть соотнесены с известными историческими событиями.

Наиболее многочисленна третья группа – *приключенческие саги* (*sevintyra sggur*) – рассказы о путешествиях, во время которых герои попадают как в реальные, так и вымышленные страны, где они встречаются с необычными, часто сверхъестественными существами и испытывают волшебные превращения. В сюжетики саг доминируют сказочные мотивы.

По своим художественным особенностям эти саги значительно отличаются от родовых и королевских. Все саги о древних временах анонимны. Это сближает их в первую очередь с сагами об исландцах, авторы которых неизвестны, и отличает от королевских саг, имена авторов которых в ряде случаев засвидетельствованы.

Библиографический список

1. Глазырина, Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси : тексты, пер., коммент. / Г. В. Глазырина. – М., 1996. – (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).

2. Мельникова, Е. Л. Древнескандинавские географические сочинения : тексты, пер., коммент. / Е. Л. Мельникова. – М., 1986. – (Древнейшие источники по истории народов СССР).

3. Древнерусские города в древнескандинавской письменности : тексты, пер., коммент. / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. – М., 1987.

4. Исландские саги / М. И. Стеблин-Каменский. – М., 1956.

5. Исландские саги. Ирландский эпос / М. И. Стеблин-Каменский. – М., 1973.

6. Корни Иггдрасиля / О. А. Смирницкая. – М., 1996.

7. Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) : тексты, пер., коммент. / Т. Н. Джаксон. – М., 1993. – (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).

8. Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.) : тексты, пер., коммент. / Т. Н. Джаксон. – М., 1994. – (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).

9. Круг Земной / А. Я. Гуревич [и др.]. – М., 1980.

10. Младшая Эдда / О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – М.; Л., 1970.

11. Повесть временных лет / подготовка текста, пер., ст., коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд. / подгот. М. Б. Свердлов. – СПб., 1996.

12. Поэзия скальдов / пер. С. В. Петрова ; под ред. М. И. Стеблин-Каменского. – Л., 1979.

13. Мельникова, Е. Л. Скандинавские рунические надписи : тексты, пер., коммент. / Е. Л. Мельникова. – М., 1977. – (Древнейшие источники по истории народов СССР).

14. Сага о гутах / пер. С. Д. Ковалевского // Средние века. – М., 1975. – Т. 38. – С. 307 – 311.

15. Сага о Сверрире / М. И. Стеблин-Каменский [и др.]. – М., 1988.

16. Старшая Эдда / пер. А. Корсуна ; под ред. М. И. Стеблин-Каменского. – М., 1963.

17. Хроника Эрика / пер. А. Желтухина ; под ред. А. А. Сванидзе. – Выборг, 1996.

18. Глазырина, Г. В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга/Старой Ладоги скандинавам) / Г. В. Глазырина // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1994. – С. 240 – 244.

19. Гуревич, А. Я. История и сага / А. Я. Гуревич. – М., 1972.

20. Он же. «Эдда» и сага / А. Я. Гуревич. – М., 1979.

21. Джаксон, Т. Н. «Восточный путь» исландских королевских саг / Т. Н. Джаксон // История СССР. – 1976. – № 5. – С. 164 – 170.

22. Он же. Наименование Древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности: о возникновении топонимов Gardar и Holmgardar / Т. Н. Джаксон // Скандинавский сборник. – Таллин, 1986. – Вып. XXX. – С. 85 – 96.

23. Он же. Древнескандинавская топонимия с корнем aust- / Т. Н. Джаксон // Скандинавский сборник. – Таллин, 1988. – Вып. XXXI. – С. 140 – 145.

24. Он же. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1991. – С. 5 – 169.

25. Он же. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава / Т. Н. Джаксон // Одиссей. Человек в истории. – М., 1994. – С. 54 – 66.

26. Ловмянский, Х. Русь и норманны : пер. с польск. / Х. Ловмянский. – М., 1985.

27. Мелетинский, Е. Л. «Эдда» и ранние формы эпоса / Е. Л. Мелетинский. – М., 1968.

28. Мельникова, Е. Л. Восточноевропейские топонимы с корнем gard-в древнескандинавской письменности / Е. Л. Мельникова // Скандинавский сборник. – Таллин, 1977. – Вып. XXII. – С. 199 – 210.

29. Она же. Скандинавские амулеты с руническими надписями из Старой Ладоги и Городища / Е. Л. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1994. – С. 231 – 239.

30. Она же. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе / Е. Л. Мельникова // Византийский временник. – М., 1996. – Т. 56. – С. 92 – 106.

31. Мельникова, Е. Л. Эволюция названия русь в процессе становления Древнерусского государства / Е. Л. Мельникова, В. Я. Петрухин // *Вопр. истории.* – 1989. – № 8. – С. 24 – 38.

32. Они же. Скандинавы на Руси и в Византии в X – XI вв.: к истории названия варяг / Е. Л. Мельникова, В. Я. Петрухин // *Славяноведение.* – 1994. – № 2. – С. 56– 68.

33. Они же. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии / Е. Л. Мельникова, В. Я. Петрухин // *Вопр. истории.* – 1995. – № 2. – С. 44 – 57.

34. Они же. Русь и чужд. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и балтийского региона в первом тысячелетии н.э. / Е. Л. Мельникова, В. Я. Петрухин // *Балто-славянские исследования.* – М., 1997. – С. 40 – 50.

35. Рыздзевская, Е. Л. Древняя Русь и Скандинавия. IX – XIV вв. / Е. Л. Рыздзевская. – М., 1978. – (Древнейшие государства на территории СССР).

36. Смирницкий, А. И. Шведские рунические надписи эпохи викингов / А. И. Смирницкий // *Труды МИФЛИ.* – 1939. – Т. 5. – С. 211 – 249.

37. Стеблин-Каменский, М. И. Культура Исландии / М. И. Стеблин-Каменский. – Л., 1967.

38. Он же. Древнескандинавская литература. / М. И. Стеблин-Каменский. – М., 1979.

39. Он же. Мир саги. Становление литературы / М. И. Стеблин-Каменский. – М., 1984.

Вопросы для контроля и повторения

1. Каковы основные группы древнескандинавских источников по истории Восточной Европы? Как они соотносятся с источниками из других регионов средневекового мира?

2. В чем выражается и чем определяется специфика отражения действительности в исландских сагах разных видов?

3. Когда и как формируется круг географических знаний скандинавов о Восточной Европе?

4. Какова роль эпической и фольклорной традиций в изображении русско-скандинавских связей до конца X в.?

5. Что такое литературный стереотип в исландских сагах и как он влияет на отражение исторической действительности?

6. Каковы особенности изображения уобицы сыновей Владимира Святославича в «Пряди об Эймунде»?

7. Как развивалась и как регулировалась русско-скандинавская торговля в XI – XII вв.?

8. Каковы представления скандинавов о христианизации Руси и каково их участие в этом процессе?

9. Какими мотивами объясняются скандинавские браки представителей дома Рюриковичей?

10. Какие перемены претерпевают русско-скандинавские отношения с VIII по XIII в. и почему?

Оглавление

Введение	3
Раздел I. ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РУСИ (IX – XVII ВВ.)	5
Тема 1. Летописи	7
Тема 2. Законодательные источники	26
Тема 3. Акты	38
Тема 4. Делопроизводственная документация	49
Раздел II. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РУСИ (IX – XVII ВВ.)	53
Тема 5. Античные источники о народах Северного Причерноморья.....	55
Тема 6. Византийские источники.....	82
Тема 7. Восточные источники.....	131
Тема 8. Западноевропейские источники	175
Тема 9. Скандинавские источники.....	206

Учебное издание

ГУЛЯЕВА Валентина Васильевна

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ»
(РУСЬ IX – XVII ВВ.)

На первой странице обложки – репродукция листа из первой русской
печатной книги «Апостол» XVI в. ;
на четвертой – миниатюра из Никоновской летописи XVI в.

Подписано в печать 19.09.07.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 13,25. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета.

600000, Владимир, ул. Горького, 87.